

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

Славяноведение

6

1995

НОЯБРЬ •

ДЕКАБРЬ •

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

СТАТЬИ

- Шнирельман В. А.* (Москва). Националистический миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов) 3
- Случ С. З.* (Москва). Германно-советские отношения в 1918—1941 годы. Мотивы и последствия внешнеполитических решений 14
- Яжборовская И. С.* (Москва). Два секретных письма Б. Берута и В. Гомулки в Москву (К истории советско-польских межпартийных отношений 1944—1948 годов) 24
- Едемский А. Б.* (Москва). Украина и украинцы в оценках американской дипломатии начала 50-х годов 35
- Коровицына Н. В.* (Москва). Два решения национального вопроса: Чехия — Словакия до и после 1989 года 46

ИЗ ИСТОРИИ КОМИНТЕРНА

- Ревякина Л. В.* (София). Крестинтерн и крестьянское движение в Румынии. 1923—1931 56

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ РАН

- Калынь Л. Э., Клепикова Г. П.* (Москва). О некоторых итогах и перспективах исследований по славянской диалектологии 66

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Хитрова Н. И., Анишаков Ю. П.* Црногорска библиографија. 1494—1994. Т. IV. Књ. 2. Библиографија о Црној Гори на руском језику 1722—1989 80
- Едемский А.* Cominform. Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949 81
- Дамье В.* Ihme-Tuchel В. Das «nördliche Dreieck». Die Beziehungen zwischen der DDR, der Tschechoslowakei und Polen in den Jahren 1954 bis 1962 83

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Новопашин Ю. С.* Отдел современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения и балканистики РАН перед новыми задачами 87
- Досталь М. Ю.* Круглый стол: «Славянский вопрос в общественной и научной жизни народов Европы» 93
- Носкова А. Ф.* Круглый стол: «Славянские народы и вторая мировая война» 94
- Шведова Н. В.* Круглый стол: «Литература западных и южных славян во второй мировой войне» 97
- Ильина Г. Я.* Круглый стол: «Вторая мировая война в художественной литературе стран Восточной Европы в 60—80-е годы» 99
- Ерещенко М.* Заседание двусторонней Комиссии историков России и Румынии 101

<i>Миллер А.</i> Украинское, польское и еврейское национально-культурные движения в Восточной Галиции в XIX веке: сравнительный анализ (Конференция во Львове, 6—8 октября 1994 г.)	102
<i>Миллер А.</i> Народы, нации, идентичности: русско-украинское взаимодействие (Семинар в Колумбийском университете, Нью-Йорк, 13—15 ноября 1994 г.)	103
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1995 году	105
Новые издания ИСБ	109

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. И. РОГОВ (главный редактор), М. А. ВАСИЛЬЕВ (отв. секретарь), Г. К. ВЕНЕДИКТОВ,
 В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА, А. А. ГУГНИН, В. А. ДЬЯКОВ,
 М. С. КАШУБА, В. И. КОСИК, Г. Ф. МАТВЕЕВ, Г. П. МЕЛЬНИКОВ, В. В. МОЧАЛОВА,
 С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, В. Я. ПЕТРУХИН, М. А. РОБИНСОН,
 Л. А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), Б. Н. ФЛОРИЯ,
 Т. В. ЦИВЬЯН (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И. И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л. А., Веслова И. Ю.,
 Кошкина Е. А., Масленникова Е. Н., Осипова М. А.*

© 1995 г. ШНИРЕЛЬМАН В. А.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ МИФ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (на примере этногенетических версий восточнославянских народов)¹

Национализм — это прежде всего идеология, причем такая, которая играет принципиальную роль в создании существенных связей между людьми, объединяя их в активно действующее политическое единство. Такому единству свойственно более или менее четкое самосознание, позволяющее ему претендовать на определенный политический, социальный и культурный статус. Что лежит в основе этого самосознания? На каких идеях оно зиждется? Являются ли они естественными, исконными или же создаются определенными индивидами или группами и привносятся в массы, преследуя при этом вполне определенные политические цели? Именно эта проблема вот уже более 20-ти лет активно дискутируется специалистами, изучающими проблемы современного национализма, и именно ее я попытаюсь здесь рассмотреть. При этом я оставляю в стороне проблему нации как таковой при всей ее важности и сопряженности с проблемой национализма, так как это — все же отдельная тема. Рассматривая проблему национализма, я постоянно буду иметь в виду вопрос о межэтнических конфликтах, которые нарушают спокойствие во многих районах современного мира. Наконец, моим отправным пунктом будут, с одной стороны, теории Эрика Хобсбаума [1] и Бенедикта Эндерсона [2] об «изобретении традиций» и «воображаемых сообществах», а с другой — позиция их оппонента, известного эксперта по вопросам национализма Энтони Смита, который отстаивает ту точку зрения, что современные нации не могли бы возникнуть «без наследия прошлых этнических связей (памяти, мифов, традиций, ритуалов, символов, артефактов и пр.)» [3. Р. 364]. Предметом моего обсуждения будет ситуация в многонациональном государстве, которая представляет особенно интересной и перспективной в свете изучения поставленной проблемы.

Итак, попробуем рассмотреть вопросы, которые Смит задает своим оппонентам: можно ли говорить об «изобретении традиций» и социальной инженерии в чистом виде или же речь должна идти об определенной селекции уже имеющихся традиций и их переинтерпретации? свойственна ли этносу одна и только одна версия его собственного прошлого? способен ли он узурпировать прошлое другой

Шнирельман Виктор Александрович — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Данная статья была написана во время пребывания автора в Центре по изучению национализма в Центральноевропейском Университете в Праге, которому автор выражает самую искреннюю благодарность за поддержку и помощь.

этнической группы? почему одни версии прошлого представляются людям более притягательными, чем другие? почему людям вообще свойственно обращаться к прошлому, даже если историческая преемственность оказывается безнадежно прерванной?

Все это далеко не праздные вопросы. Ведь даже беглый анализ этнических конфликтов показывает, что за ними всегда скрывается определенная идеология, одним из важнейших компонентов которой является видение прошлого. Наукой уже давно установлено, что кровавым столкновениям и, особенно, войнам обычно предшествует особая фаза, получившая название «ожидания войны» [4], либо же речь идет о сознательной психологической подготовке конфронтации [5]. Люди не вступают в конфронтацию спонтанно. Враждебность всегда имеет какую-то причину, и последняя нередко коренится в том, как люди воспринимают свою этническую группу, ее место в современном и историческом контексте, ее взаимоотношения с соседями и с государством в исторической перспективе, как они оценивают свое и чужое. Иначе говоря, групповая солидарность — а без нее группа не может активно участвовать в событиях как единое целое — требует предварительной выработки определенной групповой идеологии [6].

На чем основана эта идеология? Откуда она проистекает? Конечно, в ней нередко присутствуют весьма традиционные элементы, идущие из прошлого и иногда весьма отдаленного, каковыми являются, скажем, этнические стереотипы. Однако, изучая идеологию современного национализма, нельзя забывать, что мы имеем дело с обществом грамотных людей, которые черпают свои знания об истории из школьных учебников, художественной литературы, средств массовой информации. А вся такого рода продукция создается профессиональной интеллигенцией. Мало того, при анализе ситуации в многонациональных государствах, каким был СССР и какой остается Россия, следует иметь в виду двоякую сущность этих профессионалов, которые представляют, с одной стороны, доминирующую нацию (в нашем случае русских), а с другой — все иные этнические группы. В зависимости от самых разных факторов (политической ситуации, особенностей межэтнических взаимоотношений, демографических тенденций и пр.) эти интеллектуалы могут выдвигать и пропагандировать разные этноцентрические исторические версии, весьма по-разному трактующие одни и те же исторические события.

Широко распространено убеждение, и его разделяет Смит [3. Р. 358]; что у этноса есть лишь одна единая версия своей истории («этноистория»). На самом деле это — один из мифов, существующих в современных подходах к национализму. Исторические версии очень подвижны. Они конструируются и нередко пересматриваются в зависимости от существующих в данный момент обстоятельств. Именно это, как мы увидим ниже, и происходит в современном мире. Чтобы избежать путаницы, некоторые историки предлагают различать «историю» и «прошлое», понимая под «историей» то, что делают историки-профессионалы, стремящиеся постигнуть реальную суть исторических событий и избегающие политической конъюнктуры, а под «прошлым» — этноцентрические версии истории [7]. Вместе с тем между этими двумя подходами нет четкой границы; она всегда размыта, так как, когда речь идет о таком деликатном и высокоэмоциональном сюжете, как история собственного народа, мало кому удастся избежать субъективных оценок. Вот почему этногенетические версии вообще и в особенности те из них, которые выдвигались в последние годы, в той или иной мере содержат мифологические элементы.

Другой миф в подходах к проблемам национализма, имеющий большое практическое значение, заключается в следующем. Известно, какую роль в межнациональных и межэтнических конфликтах играют исторические претензии (территориальные, политические, военные и пр.). Некоторые конфликтологи убеждены, что стоит «отсечь» эти исторические версии, и проблема мирного урегулирования конфликтов будет тут же решена. Однако беда в том, что сделать это, как правило, невозможно и вот почему. В ходе модернизации, охватившей

современный мир, происходит унификация культуры, и многие народы, живущие в многонациональных государствах, теряют свои традиционные хозяйственные системы, обычаи и социальную организацию, народную культуру и нередко даже родной язык. Основное, а порой и единственное, на чем держится их этническое самосознание, это — сказания о великих предках и их славных деяниях, о блестящих достижениях своей культуры в глубоком прошлом. Поэтому пока народы склонны осознавать себя как особые отличные от других общности (а непохоже, что этот процесс затухает; напротив, у большинства экспертов есть ощущение, что он все более набирает силу), они будут все больше и больше придавать значение своему прошлому. Следует отметить, что это — не только «конструктивный» акт; это имеет и огромное «инструментальное» значение в борьбе за повышение политического статуса, за доступ к экономическим и финансовым ресурсам, за контроль над территорией и ее природными богатствами и, наконец, за политический суверенитет. Чем более блестящим представляется народу его прошлое, тем с большей настойчивостью он склонен претендовать на значительную политическую роль в современном мире. Националистическая или этноцентристская историческая версия играет огромную роль в легитимизации политических претензий или уже имеющихся политических прав — и в этом состоит ее глубокий внутренний смысл.

Но о каком прошлом идет речь? Прежде всего о том, которым можно гордиться без всяких оговорок, т. е. о том, когда народ был свободен, независим, осуществлял славные военные походы против врагов, имел значительные самостоятельные культурные достижения (изобретение металлургии, письменности или даже пивоварения) и, в оптимальном варианте, свою достаточно древнюю государственность. Ясно, что для народов, включенных в состав многонациональных государств или империй и не являвшихся там доминирующими, речь может идти об очень давнем периоде, от которого не сохранилось сколько-нибудь детальных или вообще каких бы то ни было письменных свидетельств и о котором поэтому в целом мало что известно. Нередко у таких народов отсутствовала своя собственная письменная традиция. Поэтому изучение такого периода возможно лишь на основе данных археологии, исторического языкознания, палеоантропологии и отчасти этнологии.

При этом возникает одна важная методологическая проблема, связанная с тем, как определять народ или этническую группу. Наиболее распространенный на Западе подход исходит из того, что этническая группа определяется прежде всего наличием определенного самосознания. Иначе говоря, если люди относят себя к какой-либо определенной культурной общности, значит эту общность и следует считать соответствующей этнической единицей. При всей справедливости этого подхода нетрудно видеть, что он не позволяет углубляться достаточно далеко в историю. Ведь источники, из которых можно почерпнуть данные о четком групповом самосознании, относятся к сравнительно недавнему прошлому. Поэтому появившиеся в последние годы на Западе исследования по этногенезу касаются лишь процессов относительно недавнего прошлого или тех, которые происходят буквально на глазах у исследователей, когда имеется возможность проследить особенности формирования группового самосознания. Будем называть это *эмным подходом*, который учитывает прежде всего взгляд изнутри с точки зрения самих носителей культуры.

В российской науке и в бывшем СССР в целом издавна практиковался иной подход: изучение культурных групп прошлого велось по внешним формальным признакам, включавшим физический тип, язык, культуру. Эти признаки и их преемственность можно прослеживать с очень отдаленных времен, на чем и основаны популярные в России этногенетические исследования, ставящие целью изучение формирования народа. Надо отметить, что ведущие советские исследователи никогда не настаивали, что древние культурные группы, которые изучает этногенетическая наука, можно отождествлять с современными народами. В советской науке со временем сложилось представление о том, что собственно

историю современных народов надо начинать с появления этнического самосознания, закрепленного этнонимом. Поэтому до этого момента исследователи говорили об этногенезе, а после — об этнической истории. В этом и заключается применяемый в российской науке внешний подход к этногенезу, который назовем *этним подходом*.

Сейчас совершенно очевидно, что у этого подхода имелось одно весьма уязвимое место. Ведь и для древних реконструируемых культурных или языковых групп применялись такие термины как «этнос», «этнокультурная» или «этноязыковая» группа, хотя не имелось никаких объективных данных о том, имела ли данная группа единое самосознание². Тем самым создавалась иллюзия наличия такого самосознания. Вот почему такой подход вел к неизбежному отождествлению археологической культуры с этносом. И вот почему он повсюду, будь это СССР или нацистская Германия, был с благодарностью воспринят националистами, которые пытались протянуть прямую нить от древних этнокультурных сообществ к современным народам. Надо отметить, что популярный в Европе, особенно в Германии, в довоенные годы, этот метод после войны перестал использоваться на Западе, будучи дискредитирован связями с нацистской расистской идеологией. Следует также отметить, что в первой половине 1930-х годов советские авторы были, пожалуй, единственными, кто отмечал прямую связь этого метода с расизмом, этноцентризмом и территориальной экспансией [9]. Но во второй половине 1930-х годов в СССР произошел официальный поворот к «советскому патриотизму», за которым скрывался русский национализм, а интернационалисты подверглись репрессиям. С тех пор этногенетические исследования, основанные на вышеупомянутой методике, стали одним из самых популярных направлений в советской науке и остаются таковыми в современной России. Тем самым открылась дорога к расцвету националистической исторической мифологии или уже — этноцентристских этногенетических версий.

Общей особенностью этих версий является ярко выраженный примордиализм, т. е. убежденность в безусловной исконности группы и ее основных характеристик, иначе говоря, метафизическое механистическое видение процесса, которое вообще характерно для националистических исторических версий. При изучении этноцентристской мифологии в рамках многонационального государства надо различать прежде всего националистический миф и этнонационалистический миф. Националистический миф настаивает на исконности и естественности данной нации как политического единства. Его берет на вооружение государство, и он лежит в основе официальной исторической версии. Такой миф имеет две главные функции: он обязан, во-первых, обосновать внутреннее единство нации, т. е. основы ее лояльности государству, а во-вторых, утвердить данную нацию на равноправных началах в мировом сообществе. Этнонационалистический же миф призван обосновать право народа на самостоятельность, помочь ему противостоять аккультурации и ассимиляции, а в конечном итоге оправдать его борьбу за политическую автономию или полную самостоятельность. Рассмотрим все это на примере мифов, которые в разное время выдвигались националистами в среде восточнославянских народов.

В настоящей работе я рассмотрю мифы, сложившиеся главным образом до 1930 г. Но интересно, что именно они сейчас реанимируются, развиваются и пропагандируются националистами соответствующих народов. В последние годы в России и в целом в постсоветском пространстве очень популярным стал пересмотр прежней официальной исторической версии развития страны и отдельных ее народов. При этом многие из предлагаемых концепций несут явные черты мифологизаторства, что является серьезной проблемой и требует пристального внимания [10].

Начнем с русского исторического мифа, имея в виду тесную связь русского народа с имперским государственным устройством. Кстати, именно на русском

² В последние годы этот подход находит приверженцев и на Западе [8].

примере отчетливо видно, насколько тесно формирование исторического мифа связано с развитием светского образования, современной науки и формированием национальной интеллигенции.

Современная русская этногенетическая мифология берет свое начало в середине XVIII в., когда в России появляется своя, российская наука [11]. Вообще же у истоков российской учености стоят западноевропейские, прежде всего немецкие, профессора, которые и были первыми учеными в России в XVIII в. И это многое предредило в том, какой облик принял русский этногенетический миф. Ведь «больным местом» русской истории всегда было летописное сказание о призвании варяжских, или норманских, князей: о том, что в IX в. новгородские словене и другое местное население призвало на княжение иноземных варяжских вождей. Бывшие на русской службе немецкие ученые делали из этого вывод, что у истоков русской государственности стояли варяги, скандинавы, иными словами, германцы. Позднее, в особенности в нацистской Германии, развивался миф о неспособности славян к творческой деятельности, о том, что всю культуру и государство им извне принесли германцы. Помимо норманского эпизода, для этого использовали и сведения раннесредневекового автора Иордана об огромной готской державе, которая в IV в. якобы охватывала значительную территорию Восточной Европы.

Все это принижало славян (в частности, русских) и отводило им второстепенное, подчиненное место в европейском сообществе. Естественно, патриотически настроенные русские ученые не могли с этим смириться. Начиная с М. В. Ломоносова, они вели непримиримую борьбу с норманской теорией [11, 12]. При этом их излюбленными аргументами были следующие: 1) варяги были не скандинавами, а прибалтийскими славянами; 2) варяжские князья были призваны всего лишь как военные вожди, и их деятельность строго контролировалась новгородским вече; 3) государственная власть у восточных славян возникла до прихода варягов; 4) вообще восточные славяне имели очень глубокие корни в Восточной Европе, где они развили высокую культуру еще в первобытные времена. Усилия многих советских археологов, в особенности в середине XX в., были направлены на то, чтобы доказать культурную преемственность в Среднем Поднепровье по меньшей мере с середины II тыс. до н. э. (а то и с IV тыс. до н. э.) через скифский период и культуры погребальных урн вплоть до становления Киевской Руси [9]. Основы этого подхода заложил первый исследователь первобытных культур Среднего Поднепровья, археолог чешского происхождения В. В. Хвойка [13], взгляды которого в целом разделял один из крупнейших русских археологов А. А. Спицын [14].

Советские авторы пытались доказать, что по уровню развития и по своим культурным достижениям Киевская Русь ничуть не отставала от Западной Европы, а в чем-то даже ее превосходила. В этом смысле огромную роль для рассматриваемой версии играл эпизод, связанный с татаро-монгольским завоеванием. Для многих русских это — вечная боль, вечный предмет открытых или скрытых предубеждений против татар. В то же время этот эпизод играет очень важное значение. Во-первых, он объясняет, почему Россия в культурном отношении отстала от Западной Европы (200 лет ига не прошли даром) и почему она избрала иной путь политического развития (авторитарное государство, подавление личных свобод). Во-вторых, он даже служит предметом гордости: ведь Русь якобы остановила натиск диких монголов и спасла Западную Европу от разрушения и разграбления, за что Западная Европа должна быть ей благодарна. Это как бы даже возвышает Россию над Западной Европой, делает ее «старшим братом».

Таково основное содержание русского националистического мифа, обращенное к внешнему миру. Что же касается его внутрисоветского или внутрисоветского содержания, то здесь акцент делался на естественном и мирном характере расселения русских по просторам Российской империи, какое-либо притеснение местного населения отрицалось, напротив, акцент делался на симбиозе, а затем и якобы естественной добровольной аккультурации и ассимиляции коренных народов [15].

Нетрудно заметить резкое противоречие между внешней и внутренней версиями мифа. Если внешняя делала упор на славянстве русских, то внутренняя явно свидетельствовала о значительной доле нерусского и даже неславянского биологического и культурного наследия в русской культуре. Именно последним активно пользовались польские, украинские и белорусские националисты, всячески подчеркивая, что русские узурпировали славянское наследие, а на самом же деле они в большей мере являются финнами или татарами, нежели славянами. Все это, разумеется, не могло не задевать чувств русских националистов.

Выход из этой дилеммы попытались найти евразийцы — русские эмигранты, которые в 1920-е годы развивали идею об этнокультурном и этнополитическом единстве «континента» России—Евразии [16]. При этом во имя единства России они добровольно отказывались от свойственного другим русским националистам особого акцента на славянское наследие. Гораздо более важной для них представлялась геополитическая концепция: они утверждали, что в силу географических особенностей Евразия, протянувшаяся от Карпат до Амура, «обречена» на политическое и этнокультурное единство. Доказательством служил тот факт, что время от времени на огромных пространствах Евразии создавались колоссальные империи: Тюркский каганат, Монгольская держава, Российская империя. В силу определенных причин они временами распадались, но затем земли вновь собирались в рамках крупного централизованного государства. Интересно, что под влиянием русской революции и роста национально-освободительного движения евразийцы склонны были отводить равное место в истории России разным народам Евразии. В особенности, наряду со славянским, они подчеркивали роль тюркского наследия и признавали значительное влияние монгольской государственности на образование и развитие Московской Руси, в рамках которой и складывались основы современной российской государственности. И тем не менее, евразийцы все же оставались русскими националистами, так как не могли представить себе Российскую державу иначе как не под эгидой русского народа, который как бы скрепил воедино все нерусские национальности. Поэтому евразийцы выступали против имевших место среди нерусских народов сепаратистских тенденций, основы которых они даже не желали понять. В формировании их концепции определенную роль играл и внешний фактор — наличие соседней Европы. Они настаивали на том, что Европа — это иной мир с иными нравами и традициями, с иным путем развития. А у России—Евразии — свой путь, свое призвание. Она ничуть не хуже и не лучше Европы, просто она — другая, поэтому даже не имеет особого смысла их сравнивать.

Тем самым, уже в начале XX в. в рамках русского национализма сформировалось два различных подхода к интерпретации российской истории: один — узкий, делавший акцент на принципе крови и этнокультурного наследия, другой — широкий, подчеркивавший принцип общности территории. Ниже мы увидим, что оба эти принципа играют очень важную роль в формировании этноцентристских этногенетических версий, хотя нередко находятся в непримиримом конфликте друг с другом.

Рассмотрим теперь украинскую историческую версию, имея в виду, что на протяжении последних столетий украинцы не только не имели своей национальной государственности, но находились под властью то литовцев, то поляков, то русских. Насколько русская историческая версия была в определенной мере ответом на немецкие и польские теории, представлявшиеся русским унижительными, настолько украинская формировалась в ответ на польские притязания и, может быть, в еще большей мере на русское имперское видение ситуации. Особенно острая дискуссия велась с середины XIX в., когда известный русский историк М. П. Погодин выдвинул теорию о том, что Киевскую Русь населяли великороссы [17]. Позднее они будто бы были частично истреблены татарами, а частично переселились на север, во Владимиро-Суздальские и соседние с ними земли. А малороссы (украинцы) якобы пришли в Среднее Поднепровье лишь в XIV в. из Карпатского региона.

Все это, естественно, возмутило украинских националистов. Основы украинской версии были в целом сформулированы известным лингвистом и энциклопедистом М. А. Максимовичем [18; 19]. Последующие авторы [20; 21] лишь слегка шлифовали и расширяли его аргументацию. Если русские националисты преувеличивали единство восточных славян в домонгольское время, то украинские националисты подчеркивали, что на Украине с незапамятных времен жила именно южнорусская народность³, охватывавшая племена полян, древлян, северян, уличей и тиверцев. По этой концепции, восточнославянский язык изначально дробился на три диалекта — малоросский, белорусский и великоросский. Позднее, с развитием археологии и сравнительно-исторического языкознания украинская версия обогатилась новым аргументом: так как ряд авторитетных ученых начала XX в. помещали прародину индоевропейцев в восточноевропейской лесостепи, то украинцы оказывались безусловными автохтонами на своей территории [22. Т. 1. С. 45]. Первоначальная Русь была представлена именно Киевской Русью, которая населялась предками главным образом украинцев, а русским языком вначале назывался именно украинский язык. Именно из киевского мира шло позднейшее расселение славян, что, замечу, по логике вещей делало украинцев «старшим братом». Последнее еще более усиливалось тем, что украинцы не упускали возможность упомянуть, что в северных русских землях обитали не чисто великороссы, а вперемешку с «чудью», т. е. с финнами, что как бы принаждало статус великороссов. Вместе с тем, позднее все вышеуказанные «славянские деяния», как с горечью писали украинские националисты, были узурпированы Москвой. Обращаясь к Погодину, Максимович следующим образом весьма лаконично отразил самую суть украинского видения исторической ситуации: «Обидно, что ты ныне отнимаешь у малороссийского народа, следовательно и у меня, первую и лучшую половину его исторической жизни, выживаешь его из родной „русской земли“ куда-то в Карпаты или под Карпаты» [19. С. 85].

Обосновывая преемственность между Киевской Русью и украинцами, украинская версия настаивала на том, что современники преувеличивали степень опустошения, причиненного монголами, что набеги кочевников совершались и в другие эпохи и местное население хорошо к ним приспособилось; оно лишь временно пряталось в лесах и болотах и возвращалось к родным местам, когда опасность исчезала. В то же время украинская версия утверждала, что именно украинцам Европа должна быть благодарна за постоянную защиту от опустошительных набегов кочевников. Смысл этой идеи становится понятным, если учесть, что и польская, и русская версии настаивали на том, что земли Украины в результате татаро-монгольского нашествия полностью запустели. Русская версия тем самым сознательно лишала украинцев древнерусского наследия. Польской же версии это было нужно для того, чтобы утверждать, что поляки начали заселять опустошенные земли Украины ничуть не позднее самих украинцев, что давало первым право претендовать на эти земли. Интересно, что украинский подход к оценке татаро-монгольского нашествия находит понимание у казанских татар, которые в своей версии также склонны приуменьшать разрушительную силу монгольского удара, но уже по другой причине. Утверждая, что монголы принесли Руси больше пользы, чем вреда, они подчеркивают противоправность завоевания русскими Казанского ханства в XVI в., что является для них важным аргументом в борьбе за суверенитет в наше время (см., например, [23]). На примере столь различных трактовок монгольского эпизода хорошо видно, как те или иные этноцентристские оценки давних исторических событий используются в современной политической борьбе.

Обратимся теперь к белорусской версии, становление которой тесно связано с развитием белорусского национально-освободительного движения в начале XX в. Эта версия окончательно сложилась в работах известного белорусского ученого

³ Костомаров даже пытался конструировать из нее народ под названием «вельняне» [21. С. 115—116].

и политического деятеля В. Ластовского и его школы в 1920-е годы [24; 25]. Согласно ей, территория между Северо-Западным Причерноморьем и Прибалтикой была плотно заселена ранними славянами уже в бронзовом веке, а в самом начале I тыс. н. э. на Дунае существовало мощное «дако-гетское славянское» (!— В. III.) государство. Затем геты мигрировали в Верхнее Поднепровье и на Западную Двину, где и геты, и пришедшие с ними даки смешались с местными обитателями. Так возникли кривичи, ставшие прародителями белорусского народа. Особый акцент делался на то, что в отличие от многих других восточных славян, для отпора грабителям-готам кривичи якобы еще до IX в. основали свое независимое государство, которое и позднее сохраняло суверенитет и не подчинялось норманнам. Иными словами, речь шла о двух древнейших восточнославянских государствах с совершенно разными истоками: о Киевской Руси, которую основали пришельцы-варяги, и о самостоятельном кривичском государстве со своей собственной династией. По территории государство кривичей много превышало современную территорию Белоруссии, в особенности если учесть внешние колонии кривичей, распространенные от Польши до Волго-Окского междуречья и далее до Среднего Поволжья на востоке и до истоков Дона и Северского Донца на юге. Земли новгородских словен, радимичей, дреговичей, древлян и северян первоначально входили в кривичскую общность, а их население являлось локальными группами «этнографически целого кривичского народа». Развивая эту концепцию, Ластовский утверждал, что предками кривичей являлись легендарные волаты, оставившие многочисленные курганы бронзового века в Борисовщине и местами на Витебщине и Могилевщине, называемые в народе «волатовками». Он ссылаясь, в частности, на Птолема, который якобы локализовал лютичей-велетов II в. в устье Вислы. До германцев якобы именно лютичи еще во II в. держали в своих руках торговлю по Двине и Неману, и лишь позднее они были оттеснены первыми от берегов Балтики. На самом же деле, по данным современной науки, славяне расселились на берегах Балтики много позднее, а кривичи по Белоруссии — не ранее VII в.

Рассматриваемая концепция была не лишена расистского налета. Она утверждала, что лишь кривичи и поляки якобы сохранили чистую славянскую кровь, тогда как чехам присуща изрядная доля германской крови, а болгарам — монгольской. Особенно незавидным являлось положение русских, в жилах которых текла в основном «финно-монгольская» кровь. В то же время, судя по этой теории, именно кривичи заложили основы других восточнославянских народов: на востоке они смешались с финнами, что и дало импульс формированию великороссов, а на юге украинский народ стал результатом смешения кривичей с тюркскими кочевниками. Иначе говоря, русская и украинская культуры сложились якобы на основе кривичской. Аналогичным образом из кривичского языка выросли русский и польский. Оценивая эту теорию, надо помнить, что в 1920-е годы Белоруссия была поделена между СССР и Польшей — факт, который белорусы остро переживали.

«Славное начало» белорусской государственности было грубо прервано колонизацией «москалей», которые стремительно расширяли свои территории и претендовали на мировое господство. В этих условиях белорусам надо собрать все силы, чтобы возродиться, а для этого в первую очередь вернуть исконный этноним «кривичи», т. е. «родственники», «кровники». Белорусская концепция исходила из того, что лишь самобытный народ имеет будущее. Но таковым народ делает осознание своего единства и своего «славного прошлого». А это невозможно без возрождения исконного имени. Термин же «белорусы» был извне навязан народу, история которого с его появлением кончилась. Он лишает народ права на историческое прошлое и делает его рабом русских. «Белорусы» в силу самого своего названия вынуждены якобы отражать русскую индивидуальность. Название же «кривичи» сделает их самих индивидуальностью, «особым славянским племенем» [25. С. 46]. Необходимо также признать всебелорусское национальное единство и объединить все белорусские земли в единую белорусскую («крывскую»)

державу. Ластовский писал: «Название белорус разъединяет единый, родной по крови, великий кривичский народ; „кривич“, „кровный“... должно стать символом братского единства нашего народа». Совершенно очевидно, что все эти идеи были призваны легитимизировать борьбу за независимую Белоруссию. В конце 1920-х годов в среде белорусской интеллигенции всерьез обсуждался вопрос об этнониме, и некоторые настаивали на возвращении белорусам исконного названия «кривичи».

Сопоставление рассмотренных версий позволяет выявить следующие основные характеристики, свойственные этнонационалистическому мифу:

1) Утверждение о необычайной древности, если не исконности, своих этнической культуры и языка в целом и на занимаемой ныне территории в особенности. Этот явный автохтонистский акцент имеет прямое отношение к борьбе за территорию и может быть условно назван «синдромом Робинзона Крузо». Эта черта особенно ярко выступает в белорусской и украинской версиях.

2) Стремление проецировать современные этнополитические границы как можно глубже в прошлое и насколько это возможно максимально расширять территорию древнего расселения своей этнической группы, что также имеет отношение к борьбе за землю. Белорусская версия в особенности показательна в этом отношении.

3) Безусловная идентификация своей этнической группы с вполне определенным языком, который был якобы присущ ей изначально. Иначе говоря, если переход с одного языка на другой и допускается, то не для своего, а для иных этносов, так как этот процесс как бы понижает престиж этноса. Эта черта слабо проявляется в рассмотренных славянских версиях, но она очевидна, например, у азербайджанцев, у которых в течение последних десятилетий наметилась явная тенденция искать древние корни тюркоязычия на территории Азербайджана. Отмечу в этой связи, что на самом деле местное население переходило на тюркский язык только начиная со второй половины I тыс. н. э.

4) Убеждение в том, что территория своего этноса была областью формирования не только его самого, но и иных родственных или «дочерних» этнических групп, которые позднее отделились на другие земли. Тем самым свой этнос рассматривается по отношению к ним как «старший брат», что, следовательно, позволяет ему претендовать на важные привилегии и делает эти претензии естественными и законными. Эта особенность присуща как всем рассмотренным славянским версиям, так и многим неславянским и является, пожалуй, универсальной.

5) Стремление идентифицировать своих этнических предков с каким-либо «славным» народом, хорошо известным по древним письменным или фольклорным источникам. В силу претензий на наследие Киевской Руси у русских и украинцев в этом отношении проблем не было, хотя и им это нередко казалось недостаточным и они пытались возводить себя к скифам или даже к этрускам. Белорусы же всеми силами старались превозносить колонизаторов-первопроходцев кривичей, не упуская также возможность связать себя с историческими даками и гетами.

6) Претензии на исторический приоритет некоторых культурных (письменность) или политических (государственность) достижений своих предков по сравнению с предками соседних народов. Вот почему всем националистам, включая и рассматриваемых, представляется таким важным подчеркивать, что их предки были создателями древнейших государств. Кроме того, наличие древнего государства как бы легитимизирует претензии на строительство своей государственности в наше время.

7) Преувеличение степени этнической консолидации в древности и сознательный недоучет роли родо-племенных делений. Этим свой народ как бы обретает вечную жизнь. Рассмотренные выше версии, хотя и не игнорировали племенные деления, известные по древнерусским летописям, но рассматривали их как малозначительные и смело конструировали из них какие-либо более крупные этнические общности. С этой точки зрения полезно сравнивать украинскую и белорусскую версии, которые боролись друг с другом за право включить в состав своих предков одни и те же племена восточных славян.

8) Нередко конструируется образ иноземного врага, борьба с которым цементирует этнос и ведет к высокой степени консолидации. Для белорусских и украинских националистов таким «естественным» врагом выступали русские. А русские националисты «сконструировали» себе врага-призрака в виде «жидомасонов», «сионистов», а в последние десятилетия советской власти — «американского империализма». Но это — особая тема, которая потребует специальной работы.

9) Иногда во имя единства государства или для усиления своей мощи националисты причисляют к своей общности и иные этнические группы. Этот подход нашел выражение в евразийской концепции.

Нетрудно заметить, что все эти особенности этнонационалистических мифологий глубоко функциональны. Две первых черты призваны легитимизировать территориальные права этноса. Следующие четыре характеристики обеспечивают ему психологический комфорт, придавая этносу особый престиж и ставя его во главе имманентно присущей этнонационалистическому мифу этнической иерархии. Свой этнос всегда возвышается над другими, второсортными «младшими братьями». Тем самым он как бы получает право претендовать на более широкие права, как культурные, так и политические. Это, кроме того, облегчает конфронтацию, лишая противника в полной мере человеческого облика. Ведь исследователи антропологии войны давно подметили, что людям проще вступить в схватку с противником, который представляется им неким недочеловеком или нечеловеком вообще. Седьмая и восьмая характеристики призваны стимулировать высокую этническую спайку, утверждая, во-первых, естественность и исконность существования данного этноса, а во-вторых, необходимость консолидации перед лицом внешней опасности. Наконец, последняя черта направлена на обеспечение этносу дополнительной поддержки со стороны союзников.

Казалось бы, родственные взаимоотношения между двумя и более этносами, их происхождение от единого предка, наконец, их языковая близость должны бы пробуждать у них особо теплые чувства друг к другу. На самом деле развитие этнонационализма ведет к прямо противоположному эффекту. Ведь из рассмотренных выше характеристик со всей очевидностью вытекает, что в этой ситуации этносы вынуждены бороться за одно и то же культурное и политическое наследие, и в ситуации реальной этнической стратификации такая борьба может приобретать очень острые формы.

Теперь ответим на вопросы, поставленные в начале данной работы. Из рассмотренных материалов совершенно очевидно, что этноцентрический исторический миф создается сознательно патристически ориентированной интеллигенцией, преследующей при этом вполне определенные культурные и политические цели. Конечно, при его создании используются определенные элементы уже существующей традиции, но, во-первых, они подвергаются значительной селекции, во-вторых, ведется их переинтерпретация, в-третьих, огромную, может быть, ведущую роль играет искусственное создание новой версии и даже новых фактов («изобретение традиции», по Хобсбауму). При этом делаются даже попытки узурпировать прошлое иных этнических групп, в особенности древних исчезнувших народов (этрусков, шумеров, даков и т. д.). Нередко этнонационалистический миф выступает в нескольких разных версиях, даже конфликтующих друг с другом. Смысл подобной ситуации заключается в том, что эти версии поочередно используются для разных нужд, в разных этнополитических ситуациях. Позитивная сторона этнонационалистического мифа заключается в том, что он способствует консолидации этноса, помогает ему сохраниться и сохранить свое культурное наследие. Негативная сторона состоит в том, что этот миф в силу имманентно присущих ему характеристик неизбежно вызывает межэтническую конфронтацию и угрожает миру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hobsbawm E.* Introduction: Inventing Traditions//The Invention of Tradition/Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge., 1983. P. 1—14.
2. *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1991.
3. *Smith A.* The Nation: Invented, Imagined, Reconstructed?//Millennium: Journal of International Studies. 1991. Vol. 20. № 3.
4. *Allport G. W.* The Role of Expectancy//War: Studies from Psychology, Sociology, Anthropology. New York, 1964.
5. *Wallace A. F. C.* Psychological Preparations for War//War: The Anthropology of Armed Conflict and Aggression/Ed. by M. Fried et al. New York, 1968. P. 173—182.
6. *Shils E.* Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties//The British Journal of Sociology. 1957. Vol. 8. P. 130—145.
7. *Plumb J. H.* The Death of the Past. Boston, 1970; *Lewis B.* History: Remembered, Recovered, Invented. Princeton, New Jersey, 1975.
8. *Smith A.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986.
9. *Шнирельман В. А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика//Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52—68.
10. *Шнирельман В. А.* Наука об этногенезе как мифотворчество. Доклад, представленный на конференции «Миф и современность». Институт Высших Гуманитарных Исследований. Российский Гос. Гуманитарный Университет. Москва, 8—10 декабря 1992; *Шнирельман В. А.* Наука об этногенезе и этнополитика//Историческое познание: традиции и новации. Тезисы. Ижевск, 1993. Ч. 1. С. 3—6; *Шнирельман В. А.* Наука и политика. Доклад, представленный на Всероссийской конференции «Региональные проблемы межнациональных отношений в России». Омск, 21—23 октября 1993.
11. *Шаскольский И. П.* Норманская проблема в советской историографии//Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.
12. *Шаскольский И. П.* Антиномизм и его судьбы//Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Л., 1983. *Pritsak O.* The Origin of Rus. Cambridge, Mass., 1981. P. 3—6. Vol. 1. Old Scandinavian Sources Other Than the Sagas.
13. *Хвойка В. В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.
14. *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным//Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Ч. 324. № 8; *Спицын А. А.* Триполье — скорченные костяки — скифы//Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 6; *Спицын А. А.* Поля погребальных урн//Советская археология. 1948. Т. 10.
15. *Смирнов И.* Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики//Исторический вестник. 1892. Т. 47.
16. *Riasanovsky N.* The Emergence of Eurasianism//California Slavic Studies. 1967. Vol. 4.
17. *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига: М., 1871. Т. 2. С. 732—736.
18. *Максимович М. А.* Филологические письма к М. П. Погодину//Русская беседа. 1856. Кн. 3.
19. *Максимович М. А.* Ответные письма М. П. Погодину//Русская беседа. 1857. Т. 2. Кн. 6.
20. *Костомаров Н. И.* Две русские народности//Основа. 1861. Март.
21. *Костомаров Н. И.* Черты народной южнорусской истории//Основа. 1861. Март.
22. *Грушевский М. С.* Історія України — Руси. Львів, 1904. Т. 1. По початку 11 віка. Львів, 1905. Т. 3.
23. *Фахрутдинов Р.* Золотая Орда и татары. Что в душе у народа. Набережные Челны, 1991.
24. *Верашчака Ю.* [Ластовский В.] Аб найменьях — «Гуды» — «Крывічы» — «Русь»//Крывіч. 1923. № 1; *Верашчака Ю.* Расійскія вучоныя аб крывічах//Крывіч. 1923. № 5; *Чужыловіч А.* Мова, народ, раса//Крывіч. 1923. № 4; *Власт.* [Ластовский В.] Печатны летопис об крывічоу у асьвятленні гістарычнай крывічкі//Крывіч. 1925. № 10 (2); *Матач А.* Абшар займаны крывічамі і крывічскай коланізацыя//Крывіч. 1925. № 10 (2); *Ластоўскі В.* Гісторыя беларускай (кывічскай) кнігі. Коўна, 1926.
25. *Судзімірскі Ю.* Аб назовах «кывіч» і «беларусь»//Крывіч. 1925. № 10 (2).

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1918—1941 ГОДАХ. МОТИВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

«Большевики — подлые и в высшей степени противные люди; это нам не помешало навязать им Брестский мир... Мы не сотрудничаем с ними, а используем их. Это — политично, и это — политика».

Пауль фон Хинце, август 1918 г.

[1. Anh. Dok. 5. S. 393—394].

«...Как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп».

Иосиф Сталин, июль 1941 г. [2].

Захват власти большевиками в России и установление диктатуры их партии явилось самым трагическим событием XX в., поворотным пунктом не только для судеб многих десятков миллионов людей, непосредственно затронутых его последствиями, но и всей мировой истории, ставшей не в последнюю очередь под его влиянием историей конфронтации. Именно с этого кардинально изменившего судьбу России события, отнюдь не бывшего сенсацией для политического и военного руководства Германии, берут начало германо-советские отношения.

После Февральской революции 1917 г. Восточный фронт не представлял для Германии какой-либо угрозы, но он все-таки продолжал существовать, скрывая значительные силы германской армии, столь необходимые (как все еще казалось Верховному командованию) для нанесения последнего, решающего удара на Западе. Ликвидация Восточного фронта по-прежнему оставалась заманчивой целью для Берлина, не имевшего для этого необходимых военных средств и пытавшегося компенсировать их отсутствие различными усилиями, направленными на подрыв и разложение внутреннего фронта противника. По рекомендации германского посланника в Копенгагене графа У. Брокдорф-Ранцау, следовало «искать пути для создания в России возможно большего хаоса» [3].

Именно на выполнение этой задачи была направлена активная помощь возвращению в Россию из эмиграции после Февральской революции многочисленной группы большевиков во главе с Лениным через территорию Германии и солидная финансовая поддержка его партии, выступавшей за немедленное прекращение войны.

Таким образом, стремясь любой ценой изменить ход событий на полях сражений в свою пользу, военно-политическое руководство Германии, по сути, вмешалось во внутривнутриполитическую борьбу в России и тем самым фактически способствовало большевистскому перевороту. Весьма симптоматично, что в интервью, опубликованном 1 декабря 1917 г. в «Freie Presse», I оберквартирмейстер германского Генштаба генерал Э. Людендорф констатировал, что большевистская революция в России не случайная удача, а естественный результат германской политики. При всей односторонности подобной трактовки, чрезмерно преувеличивавшей заслуги кайзеровской империи, она, несомненно, высвечивала своего рода преюдию германо-советских отношений.

Что же побудило стороны в конце концов подписать Брестский мир? Выступив на следующий день после захвата власти с Декретом о мире, Ленин, разумеется, не мог не отдавать себе отчет в том, что только державы Центрального блока во главе с Германией могут откликнуться на содержащийся в нем призыв. Означало ли это, что Ленин сразу же делал ставку только на достижение мира с Германией? Нет, его позиция в связи с дилеммой — вести ли войну против мирового империализма (вместе с революционной Германией) или, заключив мир с кайзеровской империей, способствовать продолжению ее борьбы с Антантой, менялась в первые месяцы пребывания большевиков у власти.

На начавшихся 21 ноября (4 декабря) переговорах в Брест-Литовске российская делегация сделала ставку не на скорейшее подписание мирного договора, а на затягивание переговоров. В какой-то момент могло даже создаться впечатление, что эта тактика, рассчитанная на революционный взрыв в Германии или по меньшей мере на резкое обострение там внутривнутриполитической обстановки, начала приносить плоды. Правда, отрезвление у части большевистского руководства наступило довольно скоро, и уже 18 февраля 1918 г. на заседании ЦК РСДРП(б) Г. Зиновьев признал: «Если говорить ретроспективно, то ясно, что надо было заключать мир в ноябре... Стачки в Вене и Берлине нас слишком очаровали, и мы упустили момент» [4].

Утрата иллюзий по поводу якобы уже начавшейся революции в Германии породила у Ленина безудержное стремление во что бы то ни стало заключить мир с немцами, даже на самых тяжелых условиях. При этом в основе его действий, повлекших за собой серьезные внутри- и внешнеполитические осложнения, доминировали несколько связанных между собой мотивов. Во-первых, власть, ее удержание, упрочение и беспредельное расширение — все это представляло для Ленина абсолютную ценность. И он этого не скрывал. Для удержания в конкретных условиях начала 1918 г. власти Ленину было необходимо вывести Россию из мировой войны любой ценой, чтобы, с одной стороны, иметь силы развязать войну гражданскую, а с другой — добиться хотя бы временного сохранения такой международной обстановки, в которой ведущие державы мира продолжали бы воевать и не вмешивались бы во внутренние дела России.

Ленин в итоге переиграл своих оппонентов и в руководстве партии, и на внутривнутриполитической арене в целом: Брестский договор, который весьма условно можно назвать мирным, стал реальностью. Правда, большевики изначально относились к этому договору как к чему-то очень и очень временному, не случайно его воспринимали как «передышку». Да и сам Ленин не считал нужным относиться к нему как к чему-то обязывающему. «Вы знаете, — говорил он на одном из заседаний ВЦИК в мае 1918 г., — чего стоят договоры и чего стоят законы перед лицом разгоревшихся международных конфликтов, это — не более, чем клочок бумаги», а далее уже и того конкретнее: «Мы подходим к вопросу, составляющему для нас самый главный вопрос, — к вопросу о Брестском мире, о возможности его нарушения...» [5. С. 221].

Тем временем кайзеровская армия все дальше продвигалась на восток от согласованной в Бресте границы, что являлось отражением сильного давления Верховного командования на политическое руководство страны по вопросу о пределах германской аннексионистской политики на Востоке. Полпред РСФСР в Берлине А. Иоффе в ноте статс-секретарю МИД Германии Р. Кюльману от 20 мая 1918 г. сообщал, что «продолжается состояние войны при формально заключенном мире» [6. Т. I. С. 312]. При столь на первый взгляд явно неблагоприятном развитии событий Ленин и его правительство упорно продолжали цепляться за договор с Германией. «Заключение мира уже привело к обострению схватки между империалистическими державами. ... Вот это, — подчеркивал большевистский вождь, — имеет решающее значение» [5. С. 286—287]. В уже упоминавшемся докладе Ленина, посвященном внешней политике, выражено безусловное удовлетворение по поводу продолжавшейся войны на Западе, в затягивание которой он внес немалую лепту.

Другой фактор, во многом объясняющий приверженность Ленина и его окружения формальным обязательствам по договору, — собственно политика кайзеровской империи, политическое и, до известной степени, военное руководство которой сделало ставку на поддержание особых отношений с новым режимом в России.

Начнем с того, что кайзеровская Германия была первым государством, установившим дипломатические отношения с Советской Россией, т. е. признавшим большевистский режим *de jure*, причем это не было чисто протокольным жестом. В памятной записке германского МИД в начале мая 1918 г. говорится: «Нельзя упускать из виду, что Брест-Литовский мир был ратифицирован только большевиками [...]. Поэтому в наших интересах, чтобы большевики пока оставались у власти» [1. Anh. Dok. 1. S. 386].

И статс-секретарь МИД Кюльман, и его преемник адмирал фон Хинце рассматривали сохранение власти большевиков как равносильное отсутствию Восточного фронта. Более того, в стремлении сохранить Брестский мир и обрести таким образом шанс на победу или победоносный мир на Западе (обе задачи выглядели в 1918 г. как трудно объяснимые иллюзии) германские политики, а порой и военные, отнюдь не ограничивались лишь сохранением *modus vivendi* с правительством Ленина, что было бы вполне естественным после заключения такого мира, как Брестский. В действительности кайзеровская Германия, не отказываясь от своих аннексионистских целей на Востоке, оказывала при этом внушительную поддержку большевистскому режиму, осуществлявшуюся по четырем основным направлениям — дипломатическому, финансовому, военному и экономическому.

Только осознание Верховным командованием в конце сентября 1918 г. неизбежности поражения Германии в войне на Западе в самое ближайшее время побудило и политическое руководство, и, соответственно, МИД начать пересмотр Восточной политики. Более того, последнее правительство кайзеровской империи — в последние дни своего существования — решает разорвать отношения с Советской Россией. Эта поспешность накануне подписания Компьенского перемирия была рассчитана прежде всего на антибольшевизм руководителей держав-победительниц. И хотя средства, выбранные правительством принца Макса Баденского для подобного шага, скорее напоминали дешевую полицейскую провокацию, сама мотивировка разрыва отношений и высылка полпреда РСФСР Иоффе и сотрудников его аппарата из Берлина как нарушивших статьи Брестского мира, запрещавшие ведение пропаганды в стране — участнице договора, полностью соответствовала действительности, чего не скрывали и сами руководители большевистской партии. Выступая 13 ноября 1918 г. на сессии ВЦИК с докладом, посвященном аннулированию Брестского договора, Л. Каменев, в частности, заявил, что «право было правительству Вильгельма, когда оно высылало тов. Иоффе, ссылаясь на то, что Советское посольство занималось деятельностью, направленной к ниспровержению императорского режима в Германии» [7. Ф. 04. Оп. 13. П. 71. Д. 1013. Л. 6—7].

Оценивая Брестский мирный договор, выделю два, с моей точки зрения наиболее существенных, момента. Во-первых, обе стороны были заинтересованы в прекращении войны на Восточном фронте. Не без оснований можно предположить, что степень заинтересованности Ленина и его единомышленников была выше. Во-вторых, как для Ленина, так и для руководства кайзеровской Германии договор являлся только средством, а не целью. Однако в отличие от Ленина, делавшего ставку на трудно достижимую, но реальную цель — удержание и упрочение власти, германское руководство в 1918 г. ориентировалось на цель явно ирреальную — достижение победы на Западе. Вывод очевиден: Ленин и большевистский режим получили от Брестского мира значительно больше, чем можно было предположить, а кайзеровская Германия, напротив, — значительно меньше, а именно: возможность продлить на какое-то время войну на Западе и вывезти некоторое количество продовольствия из захваченных ею областей (прежде всего Украины). Средства же, использованные Германией на Востоке для того, чтобы добиться целей на Западе, не принесли ей желаемого результата, но зато во многом способствовали достижению основной цели, поставленной другой стороной. В этом проявилось, пожалуй, главное своеобразие поистине рокового переплетения намерений, приведших кайзеровских и большевистских дипломатов в Брест-Литовск, и их последствий. Политика «Staatsräson» (государственной целесообразности), с помощью которой в Берлине пытались разрешить традиционную для Германии дилемму борьбы на два фронта, принесла весьма неожиданные результаты: последствия Брестского договора носили глобальный и более долговременный по сравнению с Версальским договором характер.

После поражения Германии в первой мировой войне и Ноябрьской революции, приведших к созданию Веймарской республики, начался новый этап в отношениях между Берлином и ведущими государствами мира — между победителями и побежденными. В особом положении оказалась Россия: будучи самой активной союзницей Антанты, она вышла из войны и заключила сепаратный мир с главным противником, перейдя из числа потенциальных победителей в категорию поверженных стран.

Принимая во внимание огромную заинтересованность Ленина и его окружения в революционизировании и в итоге — большевизации Германии, не трудно понять, что советское правительство уже в первые дни Ноябрьской революции стремилось восстановить в полном объеме дипломатические отношения с «новой» Германией.

Тем временем фактор «большевистской опасности» начал активно использоваться властями Германии во внутри- и внешнеполитических целях, для легитимизации и консолидации нового режима в Германии, но прежде всего для оказания давления на державы Антанты в преддверии, а затем и в ходе Версальской мирной конференции. Однако ставка на запугивание большевизацией Германии, не говоря уже о предложениях совместных военных действий с Антантой против Советской России, не нашла у союзных держав никакого отклика, кроме явно возросших подозрений относительно усилий Германии, направленных на смягчение любой ценой условий мирного договора, и не привела к улучшению взаимопонимания Берлина с его бывшими противниками на Западе. Вместе с тем именно в период между Компьеном и Версалем было положено начало политике розыгрыша «русской карты» во взаимоотношениях Германии с западными державами, в тех или иных формах продолжавшейся до начала второй мировой войны.

Иначе оценивали в тот период потенции советско-германских отношений в Кремле: тяготы гражданской войны, напряженные отношения с западными державами в ходе их военного вмешательства во внутрисполитическую борьбу в России (плюс попытки организовать ее экономическую блокаду) резко увеличили степень заинтересованности большевиков в торговле с Германией. При том, что альфой и омегой советской внешней политики была ставка на постоянное разжигание противоречий между другими державами, Германия, противостоявшая Западу, уже в силу своего поражения в войне и тяжелых условий мирного договора, неизбежно должна была занять совершенно особое место во внешнеполитических расчетах большевистского руководства.

Собственно предыстория заключения Рапальского договора распадается как бы на два этапа: 1) в течение нескольких месяцев в Берлине шло трудное согласование статей будущего соглашения, в основном завершившееся за несколько дней до начала Генуэзской конференции; 2) затем, в течение немногим более суток, состоялось принятие решений, которые сделали возможным заключение договора именно в Рапалло, т. е. в ходе Генуэзской конференции. Германо-советские переговоры в Берлине и подготовка сторон к Генуэзской конференции — это два параллельных и взаимозависимых процесса.

Еще в декабре 1921 г. канцлер Й. Вирт в беседе с официальным представителем РСФСР Н. Крестинским выразил пожелание как можно скорее восстановить нормальные, т. е. в полном объеме, дипломатические отношения, что было воспринято с нескрываемым удовлетворением, если не сказать больше. Однако когда спустя месяц в Берлин для ведения переговоров прибыл особоуполномоченный эмиссар Политбюро К. Радек, он во время первой же встречи с Виртом подчеркнул, что восстановление дипломатических отношений — хотя и несомненно позитивное, но «чисто формальное дело». Главное же — это выработка и согласование общей позиции на Генуэзской конференции [8. S. 176].

При этом никаких иллюзий относительно масштабов экономического сотрудничества с находящейся в весьма затруднительном положении Веймарской республикой в Москве не было. «Германия физически не в состоянии вкладывать больших капиталов в Россию, — констатировал Литвинов в феврале 1922 г. в письме к Л. Красину, — а тем более давать нам значительные займы» [7. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 57]. Что же в таком случае побудило руководство Наркоминдела и Политбюро сделать ставку на соглашение с Германией? Во-первых, осознание невозможности прорвать фронт держав-победительниц и прийти к соглашению с Англией, оценивавшейся, хотя и не единодушно, как «главный фактор» — ориентир европейской и даже мировой политики России. Во-вторых, с помощью Германии (об этом уже шла речь) было легче прорвать капиталистическое окружение, поскольку она уже противостояла державам Антанты. В-третьих, только Германию, в отличие от других европейских держав, можно было заинтересовать сотрудничеством в военно-технической области.

Именно здесь намечалось удивительное переплетение обоюдных интересов, последствия которого были трудно предсказуемы. Рейхсвер обретал столь желанную и не менее трудно достижимую для него возможность опробовать военно-технические разработки на полигонах Советской России, с каждым годом все более отгораживавшейся от внешнего мира, причем опробовать прежде всего в тех областях вооружений (танки, авиация, отравляющие вещества), производство которых Германии было строжайше запрещено Версальским договором. В свою очередь, советские военные специалисты и инженеры получали доступ к новинкам военной техники, что имело огромное значение для чрезвычайно отсталой в этом отношении России. Это сотрудничество, отмечал еще осенью 1921 г. стоявший у его истоков В. Копп, «хотя и приняло, ввиду специфического характера очередных задач, промышленно-техническую форму, но остается по существу актом политического значения» [7. Ф. 04. Оп. 13. П. 74. Д. 1066. Л. 45 об.].

Однако основной замысел Москвы — нанести превентивный удар по фронту капиталистических держав до открытия Генуэзской конференции, заключив новое сепаратное соглашение с Германией, — сорвался. Причиной тому было прежде всего разное отношение руководства обоих государств к Генуэзской конференции.

Для Германии среди всего комплекса стоявших перед ней проблем первой, несомненно, оставалась проблема репараций: ее приемлемого решения можно было достичь только путем соглашения, а не конфронтации с западными державами. Именно поэтому немецкие политики не спешили заключать явно провоцирующее соглашение с Россией, чтобы тем самым «не вовлекать себя в конфликт с западными державами» [8. S. 198]. Москве же судьба Генуэзской конференции была по существу безразлична. Пожалуй, единственное, что волновало членов советской делегации, — чтобы в случае срыва конференции это произошло «не

на русском вопросе, а на каком-нибудь конфликте буржуазных государств между собой» [7. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 97].

Первые же дни работы конференции в Генуе принесли разочарование как одной, так и другой стороне. «...Шансы на соглашение ничтожны», — оценивал ситуацию Литвинов уже спустя два дня после ее открытия [7. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 7 об.]. В напряженной обстановке, когда из-за жесткой позиции обеих сторон провал переговоров между Советской Россией и западными державами в любой момент мог стать достоянием гласности, немецкая дипломатия, как показал в своем исследовании Погге фон Штрандман (ныне это косвенно подтверждают документы российских архивов), в полной мере перехватила инициативу [9]. После неоднократных и неудачных попыток начать диалог с главой британской делегации немцы предложили советской делегации «сейчас же подписать Берлинский протокол с некоторыми незначительными поправками» [7. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 10. Л. 18].

Энергичные действия в сложившейся ситуации позволяли германской делегации рассчитывать на известное смягчение негативной реакции западных держав на Рапалльский договор, представив его как «акт вынужденной обороны» (Akt der Notwehr) в атмосфере нарастающей изоляции.

Для советской делегации предложение немцев в тот момент было сюрпризом не только приятным, венчающим длительные усилия по привлечению Германии на свою сторону, но и чрезвычайно выгодным в конкретной ситуации, ибо, как писал Чичерин в Москву: «От нашего ответа по поводу представленного нам предложения держав зависит судьба Генуэзской конференции и наших будущих европейских отношений. ... Таким образом, теперь все зависит от ответа ЦК» [7. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 4. Л. 30]. И если сама делегация еще пыталась изыскать какие-то возможности для компромисса с западными державами, то советское руководство и прежде всего Ленин категорически настаивали на разрыве. Подписание же договора в Рапалло круто изменило положение советской делегации на конференции, сняв с нее ответственность за несостоявшееся соглашение в ходе полуофициальных переговоров с западными державами. «Нас, собственно, никто ни в чем не обвиняет и не ругает», — писал Литвинов Л. Карахану, — все выгоды договора на стороне России, с какой же стати было делегации отказываться» [7. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 11]. Россия, заключив благодаря немецкой инициативе договор в Рапалло, «выиграла» Генуэзскую конференцию: капиталистический фронт был прорван, создан важный прецедент в международно-правовой сфере, заложены основы для широкого сотрудничества с Берлином на перспективу, что отвечало задачам экономического и военного укрепления большевистской России.

Рапалльский договор подвел политико-правовую, экономическую и, что не менее важно, психологическую платформу под отношения двух стран, создав почти на целое десятилетие на востоке Европы лояльный фактор силы, дипломатического партнерства, расширявшихся экономических связей и военно-технической кооперации для Германии. Рапалльский договор хотя и не стал моделью для урегулирования отношений Германии с другими странами (оставшись «большим исключением» в ее внешней политике), вместе с тем, несомненно, — важная веха в отношениях между Веймарской Германией и Советской Россией, наложившая отпечаток на их взаимоотношения с внешним миром. Правда, по мере изменения внутривнутриполитического и международного положения обоих государств «дух Рапалло» все больше утрачивал свою первооснову — «общность судеб» (Schicksalgemeinschaft) в антиверсальском противостоянии, — превращаясь в некий символ.

Имели место и другие причины, ставившие под сомнение долговечность заключенного в Рапалло соглашения. Не прошло и полутора лет после подписания договора, как он оказался без преувеличения перед самым серьезным испытанием — угрозой организации из Москвы «германского Октября». Причем в этих целях были задействованы не только Коминтерн, но и различные части государственной

машины СССР: были направлены в Германию политические эмиссары, военспецы, советники, оперативные сотрудники ОГПУ и Разведуправления РККА, а также выделены сотни тысяч долларов. Эта крупномасштабная акция, организованная по указанию и при непосредственном участии Политбюро ЦК РКП(б), наглядно продемонстрировала правоту тех немецких политиков, кто не разделял представлений, что параллельно «существует российское правительство, которое проводит дружественную по отношению к Германии политику, и III Интернационал, который стремится подорвать Германию» [10]. Осенью 1923 г. стали очевидны и те пределы в отношениях с зарубежными странами, которые постоянно создавала идеологизированная большевистская внешняя политика. Грубое вмешательство во внутренние дела Германии в период, когда она испытывала серьезные трудности внутри страны и на международной арене, явилось, по оценке органа СДПГ «Vorwärts», «чудовищным злоупотреблением Рапалльским договором» [11], что неизбежно должно было наложить отпечаток на отношение к СССР даже весьма прагматично настроенных немецких политических деятелей.

Вопрос о том, какое место занимал в германо-советских отношениях Берлинский договор, традиционно оцениваемый представителями самых различных школ и направлений в историографии как не менее значимый, чем Рапалльский, перестает быть банальным тогда, когда понимание рапалльской политики не замыкается рамками двусторонних отношений. Очевидно, что в контексте международных отношений Рапалльский договор был порождением острого противостояния обоих государств с западными державами, с понижением уровня которого неизбежно должны были трансформироваться и отношения между Веймарской Германией и Советской Россией. План Дауэса, Локарнские соглашения, вступление Германии в Лигу Наций — все это наряду с другими шагами по восстановлению суверенитета Германии было связано с ослаблением конфронтации между нею и державами-победительницами, с концом политики диктата по отношению к Германии, т. е. со всем, в сохранении чего было так заинтересовано советское руководство. Западная ориентация внешнеполитического курса Штресемана была слишком очевидной, чтобы не тревожить советское руководство, не желавшее выпускать из рук «германскую карту».

При этом, как явствует из доклада Чичерина в октябре 1924 г., в Москве не осознавали неизбежности отхода от замешанного на конфронтации «духа Рапалло» под влиянием изменения международной обстановки. «Дружественные отношения Союза ССР с Германией основывались... также на том политическом факте, — констатировал нарком, — что господствующие империалистические державы являются угрозой и для Союза ССР, и для Германии» [6. Т. VII. С. 494]. Этот вывод применительно к Германии явно устарел, особенно после того, как на европейской авансцене в качестве арбитра появились США, очень заинтересованные в стабилизации Веймарской республики.

После того как вопрос о приглашении Германии в Лигу Наций стал активно обсуждаться, Москва перешла к решительным действиям по дипломатическим каналам. При этом в конце 1924 г. в ход был пущен такой мощный козырь, как предложение о совместном давлении на Польшу с целью удовлетворения германских территориальных претензий. Однако вскоре стало ясно, что это предложение, при всей его важности для сторон, было лишь предлогом, чтобы вовлечь германское правительство в дискуссию о координации действий по широкому кругу общеполитических проблем, и в первую очередь о предполагаемом вступлении Германии в Лигу Наций.

Отсутствие длительное время реакции Берлина на предложения Москвы, выдвинутые Чичериным в беседе с послом Брокдорф-Ранцау в конце декабря 1924 г., объясняется прежде всего смещением приоритетов во внешней политике Германии, выступившей в начале 1925 г. с инициативой заключения пакта безопасности на Западе. Именно эта проблема, от успешного решения которой во многом зависел вывод иностранных войск и ослабление военного контроля над Германией, стала главной для немецких политиков, в то время как отношения с СССР все больше занимали подчиненное положение.

Штреземан поначалу стремился избежать заключения нового политического договора с СССР, полагая, что тот «был бы расценен как выражение пренебрежительного отношения к западным державам», и предлагал включить основные положения декабрьских предложений о взаимном нейтралитете в годы войны и мира в преамбулу готовящегося широкого экономического соглашения между двумя странами [12. Dok. 296. S. 589]. Теми же соображениями, по всей видимости, диктовалась и директива МИД — «склонить русское правительство к тому, чтобы выразить ту же самую идею (нейтралитета.— С. С.) путем соглашений более позитивного характера», т. е. свободных от духа конфронтации по отношению к третьим государствам [12. Dok. 313. S. 627].

Весь ход переговоров, связанных с заключением нового политического соглашения, который без преувеличения может быть охарактеризован как период непрекращавшегося давления на Германию, свидетельствовал о разной оценке Берлином и Москвой состояния и перспектив двусторонних отношений. Немецкая сторона исходила из необходимости конкретизации отношений, которую ранее обеспечивал Рапалльский договор. «Между тем в результате ускоренного политического развития он устарел», — отмечалось в проекте директив МИД, — и «уже не отвечает общему политическому положению и должен быть приспособлен к новому развитию событий» [12. Dok. 296. S. 588].

Между тем советские дипломаты по-прежнему утверждали, что «Германия стоит перед выбором: продолжать добиваться совместно с Союзом тех политических целей, которые легли в основу Рапалльского договора, или же отказаться от этой политики...» [13]. Реализация же этих целей предполагала, по глубокому убеждению советского руководства, неизбежную конфронтацию с капиталистическим миром, постоянное использование его противоречий для решения международных и внутренних проблем первого в мире социалистического государства.

Эти установки, как и конкретные действия кремлевского руководства, сменявшего после провала «германского Октября» тактику натиска на оборонительную стратегию в Европе, но не оставившего усилий по дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в странах классово враждебного ему мира, разумеется, не были секретом для правительства Германии. В Берлине располагали немалой информацией о продолжавшемся вмешательстве Коминтерна — СССР во внутренние дела страны. Не случайно Штреземан в письме бывшему кронпринцу предостерегал от «заигрывания с большевизмом» [14. S. 554]. Тем не менее, реальное соотношение сил в середине 20-х годов вынуждало руководителей германской внешней политики не только не сбрасывать со счетов «русскую карту», но и, преодолевая свою очевидную неприязнь и недоверие «к московской банде» (слова стат-секретаря МИД К. фон Шуберта) [15], делать международную политику Германии с расчетом на сотрудничество с ней. «...Мы продолжаем считать, — сказал Штреземан Литвинову 13 июня 1925 г., — что обе страны *вынуждены* (курсив мой.— С. С.) поддерживать друг друга и сохранять хорошие отношения» [14. S. 517].

В Москве ни на минуту не забывали о предстоявшем вступлении Германии в Лигу Наций. При этом форсирование скорейшего согласования и подписания договора сопровождалось поисками различных средств, которые могли бы затруднить путь Германии в Женеву или, как минимум, осложнить отношения Берлина с другими государствами. Так, в начале января 1926 г. коллегия НКВД, проанализировав международную ситуацию, признала необходимым «максимальное напряжение усилий для достижения полного соглашения с Францией», а кроме того ставилась задача «особое внимание уделить укреплению при посредничестве Франции наших мирных отношений с Польшей» [7. Ф. 05. Оп. 6. П. 19. Д. 78. Л. 15—16].

Можно допустить, что не совсем правомерно оценивать эти установки Наркоминдела только под углом зрения германского аспекта внешней политики СССР, но следует и учитывать, что именно с этими странами у Веймарской республики были наиболее сложные взаимоотношения. Ведь не случайно, когда

на Вильгельмштрассе зафиксировали некоторое оживление контактов между Москвой и Варшавой, послу Крестинскому недвусмысленно дали понять, что «соглашение наше (СССР.— С. С.) с Польшей, хотя бы только относительно арбитража или согласительного разбирательства, в значительной степени подорвало бы в глазах германского правительства ценность соглашения с нами и поставило бы самое соглашение под вопрос» [7. Ф. 05. Оп. 6. П. 6. Д. 9. Л. 194]. Скорее всего, именно такую реакцию и ожидали в Москве, где использовали в данном случае чисто гипотетическую угрозу — улучшение отношений с Польшей — в крупной игре «за Германию».

Самый серьезный фактор, способный повлиять на отношения Веймарской республики с западными державами, был связан с военным сотрудничеством между Москвой и Берлином. В начале 1926 г. советское руководство оценивало его, вероятно, как самый сильный свой козырь в борьбе за удержание Германии в орбите «духа Рапалло». И он был использован в конце марта 1926 г., когда в Берлин для ведения переговоров прибыла советская военная делегация во главе с заместителем председателя РВС И. Уншлихтом, имевшая задачу помимо обсуждения конкретных предложений «произвести глубокий зондаж в смысле возможности и перспектив дальнейшей работы [16].

Стороны достигли соглашения о расширении сотрудничества в военно-технической области и по линии контактов между Генеральными штабами, но почти все крупномасштабные предложения советской делегации о совместном производстве тяжелого вооружения и моторов были отклонены. Очевидно, что политическое руководство страны и прежде всего Штреземан не желали подвергать риску главное направление своей международной политики.

Перенос даты приема Германии в Лигу Наций на осень 1926 г. был, несомненно, не без удовольствия встречен советским руководством, хотя его уже никак нельзя отнести на счет кремлевских интриг. Несмотря на афронт в Женеве, немецкие дипломаты продолжали скрупулезно и жестко вести переговоры по согласованию отдельных формулировок договора с СССР, не желая связывать себя абсолютным нейтралитетом в отношении любого конфликта, в котором будет участвовать Советский Союз. Наконец, 24 апреля 1926 г. Берлинский договор между Германией и СССР был подписан.

Представляя собой соглашение о нейтралитете, но не неограниченном, т. е. предполагающем «миролюбивый образ действий» договаривающихся сторон, Берлинский договор имел отнюдь не декларативное значение для Германии и СССР. Берлинский договор укрепил позиции Германии на международной арене, расширив свободу ее действий, направленных на поэтапную ревизию Версальского мира. После Рапалло Запад постоянно опасался, что за официальным текстом соглашений между Берлином и Москвой может скрываться нечто большее — слишком нежелательной для Европы была даже вероятность сближения Германии и СССР. Эти опасения учитывались и активно использовались германской дипломатией, стремившейся создать, по выражению Брокдорф-Ранцау, «впечатление большей близости с Россией, чем это было на самом деле» [17].

Западный гарантийный пакт (Локарно) дополнялся не аналогичным гарантийным пактом на востоке Европы, а только Берлинским договором, что должно было успокоить СССР, но при этом оставляло открытым вопрос о ревизии восточных границ Германии, как, впрочем, и западных Советского Союза. Таким образом, устанавливалась хотя и временная, но несомненная общность интересов обеих держав в отношении третьих стран, прежде всего Польши. Берлинский договор стал для Германии своего рода барьером, если и не исключившим в перспективе франко-советского и особенно польско-советского сближения, то по крайней мере затруднившим этот процесс в нежелательный для Берлина период.

Новое политическое соглашение между Германией и СССР именно буквой, а не духом (за которым не ясно еще что скрывалось) в целом не вызвало сколько-нибудь серьезного раздражения у западных держав, увидевших в нем отнюдь не переиздание конфронтационного Рапалльского договора, а нечто вполне

согласующееся с Локарнскими соглашениями и Уставом Лиги Наций. Ведь Берлинский договор не дополнил и не развил, а *de facto* заменил Рапалльский, отразив весь комплекс произошедших перемен на международной арене и прежде всего в политике Германии.

Оценивая результативность советской внешней политики в этот период, необходимо иметь в виду, что ее цели и задачи формулировались не только и даже не столько с учетом реального соотношения сил в мире, потенциальных или реальных угроз и т. д., сколько под влиянием сложившихся в Кремле стереотипов, экстраполировавших цели и методы классовой борьбы внутри страны на международную арену. Отсюда интересы безопасности СССР, как их понимало советское руководство, рассматривались исключительно через призму противопоставления одних государств другим. И именно поэтому, подчеркивал Чичерин, «мы настаиваем на отдельных соглашениях с отдельными государствами» [7. Ф. 05. Оп. 6. П. 19. Д. 79. Л. 2].

Эти комментарии, разумеется, никак не умаляют значения для СССР Берлинского договора как юридически закреплявшего обоюдную заинтересованность в дальнейшем развитии отношений в различных сферах и создавшего для этого определенный политический каркас, а также дополнительно стимулировавшего влиятельные группы интересов в Германии (промышленники, рейхсвер) к расширению сотрудничества с Советским Союзом. Договор, рожденный стремлением Москвы сохранить конфронтацию и противостояние в Европе даже через военный союз двух государств, в итоге в известной мере способствовал ослаблению или, как минимум, зафиксировал реальное ослабление этой конфронтации. Интенсивность усилий советской стороны, хотя и имевших прежде всего иную направленность, но приведших к заключению Берлинского договора, вряд ли может оставить сомнения в том, кто в этот период особенно активно разыгрывал «русскую карту»¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966.
2. Правда. 1941. 3 VII.
3. Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990. Прилож. С. 63.
4. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б): Август 1917—1918. М., 1958. С. 203.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36.
6. Документы внешней политики СССР. М., 1957—1992.
7. Архив внешней политики Российской Федерации.
8. Linke H. Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo. Köln, 1972.
9. Pogge von Strandmann H. Rapallo — Strategy in Preventive Diplomacy//Germany in the Age of Total War/Ed. by V. R. Berghahn a. M. Kitchen. London; Totowa, 1981. P. 123—146.
10. Walsdorf M. Westorientierung und Ostpolitik: Stresemanns Rußlandpolitik in der Locarno-Ära. Bremen, 1971. S. 28.
11. Zarusky J. Die deutschen Sozialdemokraten und das sowjetische Modell. München, 1992. S. 180.
12. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1922—1925. Dokumentensammlung. Berlin (-Ost), 1978. Hbd. 2.
13. Советско-германские отношения 1922—1925 гг. Документы и материалы. М., 1977. Ч. II. С. 206.
14. Stresemann G. Vermächtnis. Berlin, 1932. Bd. 2.
15. Krüger P. Die Außenpolitik der Republik von Weimar. Darmstadt, 1993. S. 268.
16. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 32.
17. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Ser. B. Bd. II, 2. Dok. 41. S. 99.

¹ Окончание следует.

© 1995 г. ЯЖБОРОВСКАЯ И. С.

ДВА СЕКРЕТНЫХ ПИСЬМА Б. БЕРУТА И В. Л. ГОМУЛКИ В МОСКВУ

(К истории советско-польских межпартийных
отношений 1944—1948 годов)

Основы послевоенных советско-польских отношений закладывались на рубеже 1943—1944 гг. на межпартийном уровне, который на протяжении последующих лет оставался определяющим. Близился разгром гитлеровского фашизма. Со всей определенностью вставал вопрос о воссоздании польского государства. После роспуска в августе 1938 г. компартии Польши (КПП) с января 1942 г. налаживала свою деятельность Польская рабочая партия (ППР), связанная прочными нитями с Москвой через Г. Димитрова. После того как в ноябре 1942 г. был при странных обстоятельствах убит ее первый секретарь М. Новотко, а в ноябре 1943 г. арестован сменивший его П. Финдёр, на этот пост 23 ноября 1943 г. был избран В. Л. Гомулка. Одновременно в состав секретариата партии был введен Б. Берут.

Оба были рабочими лидерами, начавшими восхождение на политический Олимп типичным для сталинской кадровой политики в Коминтерне образом — через Международную ленинскую школу. Пребывание каждого из них в Москве пришлось на две разные эпохи, хотя разница составляла всего пять лет. Берут учился в 1928—1930 гг. и работал в аппарате Исполкома Коминтерна в разгар сектантского деформирования политической линии, утверждения установок на механический перенос форм и методов работы ВКП(б) в практику других партий. Гомулка же проходил обучение в 1934—1935 гг. — в период подготовки и осуществления поворота в политике Коминтерна. Не менее важно, что он прошел университеты самоотверженной освободительной борьбы в оккупированной стране, обреченной Гитлером на уничтожение.

Отношения Гомулки со Сталиным изначально складывались непросто. Он был избран без консультаций и согласований, чего требовала коминтерновская традиция. В составленном им Манифесте демократических общественно-политических и военных организаций в Польше от 15 декабря 1943 г. задачи внешней политики включали борьбу за полностью независимую и суверенную Польшу с возвращенными западными землями и урегулирование проблемы восточных земель путем дружественного соглашения с СССР. На этой основе в ночь на 1 января 1944 г. была создана Крайова Рада Народова (КРН). Однако этот принципиально важный шаг был предпринят не дожидаясь согласия Москвы, запрошенного еще П. Финдером. Более того, 12 января 1944 г. ЦК ППР, получивший информацию

Яжборовская Инесса Сергеевна — д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института сравнительной политологии и проблем рабочего движения РАН.

о мерах по созданию в Москве Польского национального комитета, поделился своими сомнениями в целесообразности нескоординированных действий и заявил о своем праве решать дела в отношении Польши.

В этой ситуации секретариат ЦК ВКП(б) принял решение о создании в Москве Центрального бюро коммунистов Польши (ЦБКП), персональный состав которого Сталин утвердил сам. Деятельность ЦБКП была законспирирована. Создавая параллельный эшелон партийного руководства из деятелей коммунистической эмиграции в СССР, Сталин имел в их лице группу с коминтерновскими традициями, ориентированную на принципы партийного строительства, соответствовавшие господствовавшему в СССР политическому режиму, на межпартийные отношения сталинского типа. Поскольку все вошедшие в эту группу деятели по разным причинам избежали репрессий, Сталин мог рассчитывать на их преданность.

В игру была пущена и национальная карта. В силу объективных причин в национально-освободительном движении на территории Польши принимали участие в основном поляки, а возможности коммунистов еврейского происхождения были крайне ограничены. Среди уцелевшей же части польской коммунистической эмиграции в СССР насчитывалось много евреев. Сталин хорошо знал специфику национального состава польского коммунистического движения (по переписи 1931 г. в Польше было 9% евреев, а в КПП в межвоенный период — от 22 до 26%: польская национальная интеллигенция традиционно была больше заангажирована в борьбу за независимое государство и тяготела к ППС, в ней были сильны антирусские настроения; в еврейской среде был распространен упрощенно понимаемый интернационализм, национальное сильнее подчинялось интернациональному и т. д.). Создавая опору из кадров этого движения, он вначале ограничил участие коммунистов-евреев в высшей инстанции (ЦБКП) до одного человека, но затем увидел значительные возможности в использовании активистов Союза польских патриотов, работников политического аппарата 1 Армии Войска Польского и т. д. Они находились под воздействием сталинской идеи примата интересов «родины мирового пролетариата» перед национальными интересами своей страны, недопонимали значимость борьбы за национальный суверенитет, подчинились сталинским принципам кадровой политики, мерам по подбору и подготовке кадров для формирования польских государственных и партийных структур ввиду перспективы скорого освобождения польской территории. Коммунистическая эмиграция в СССР, изолированная от достигшей очень высокого накала освободительной борьбы внутри страны, от ее реальных политических проблем, легче поддавалась манипулированию, чем кадры ППР в самой Польше, участвовавшие в становлении своей партии как партии нации и не разделявшие оценку второй мировой войны как империалистической, несправедливой с обеих сторон. Ее эволюция в этом направлении была слабо увязана с конкретной ситуацией.

ЦБКП стало официальным представительством ППР в Москве лишь в сентябре 1944 г., после освобождения Люблина и первой беседы Гомулки со Сталиным. Члены ЦБКП (как представители Союза польских патриотов) были введены в состав политбюро ППР и образовали в нем большинство.

Заочное знакомство Сталина с Гомулкой состоялось раньше: при установлении контактов с Димитровым по радио в Москву шифрограммой были переданы биографические данные нового первого секретаря ППР. Во время визита польской делегации в июне 1944 г. в конфиденциальном письме ему дал характеристику Берут (см. документ I). Он счел возможным и необходимым в коминтерновском духе иерархических межпартийных отношений засвидетельствовать свою преданность и одновременно раскритиковать линию Гомулки, нацеленную на расширение политической базы КРН за счет сил, готовых взаимодействовать с польским правительством в эмиграции на условиях исключения из него правого крыла и т. д. Расценивая позицию Гомулки как неустойчивую, склоняющуюся к оппортунизму, Берут прямо ставил вопрос о необходимости вмешательства советских товарищей в работу ППР. Так Сталин получил информацию о разгоравшемся соперничестве Берута и Гомулки, которое неоднократно затем использовал, углубляя размежевание в польском руководстве.

Подбирая кадры для будущих польских партийно-государственных структур по принципу гарантированной диспозиционности, Сталин при всем своем антисемитизме после пакта Риббентропа—Молотова и развития событий в этом направлении больше опасался польских национальных требований и амбиций. Он проводил политику сознательного противопоставления двух эшелонов руководства польского коммунистического движения, опираясь на тот из них, который был «под рукой» и которому он мог диктовать пути развития страны и принципы ее внешней политики. Один из руководителей ПОРП Ф. Шляхчиц отмечал, что вернувшиеся из СССР коммунисты-эмигранты «были лучше подготовлены к осуществлению управления, у них было чувство большего доверия «Великого Брата». Может это также была сознательная политика Сталина?» [1]. Эта догадка имела под собой основания. Сталин однозначно ставил на них и манипулировал внутренней борьбой, разыгрывая против части польского руководства ППР в стране, которая двигалась не строго в русле сталинского курса, в частности, козырь национальной обособленности, межнациональных конфликтов и распри. Естественно, это было чревато обострением, нагнетанием национальных антагонизмов, что Сталин ловко использовал.

В период послевоенного урегулирования советско-польских отношений Сталин систематически встречался с Гомулкой, но одновременно поддерживая тесные отношения и с другими членами руководства. Овладевая «правилами игры», Гомулка оставался трудным партнером, неуклонно отстаивая интересы своей страны при обсуждении вопросов репатриаций, перемещений советских войск, поставок сырья и т. д. При создании Информационного бюро коммунистических и рабочих партий он первым увидел опасность трансформации межпартийных отношений в духе коминтерновских традиций и форсирования преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Более того, он не преминул открыто заявить о своих сомнениях, что повлекло за собой ряд акций по его устранению из руководства.

В чем интрига письма Гомулки Сталину от 14 декабря 1948 г. (см. документ II)? Прежде всего в том, что Сталин настаивает на согласии опального польского лидера на выдвижение его кандидатуры на предстоящем Объединительном съезде, призванном создать Польскую Объединенную рабочую партию, в члены политбюро. Гомулка детально аргументирует свой решительный отказ. А ведь вопрос об его отстранении от руководства уже не только предрешен. Оно состоялось, и кульминация борьбы в высших эшелонах власти позади.

Когда на совещании Информбюро в Бухаресте была принята резолюция с осуждением политики КПЮ и одобрен курс на коллективизацию сельского хозяйства, Гомулка резко разошелся в оценках с членами политбюро, которые провели годы войны в СССР и объединились вокруг Берута. Разногласия таким образом обнажились. Заявление Гомулки о намерении оставить пост генсека удовлетворено не было: вопросы тактики смены руководства, как и новый кандидат, не были согласованы со Сталиным. Гомулка получил длительный отпуск для поправки здоровья. После июньского пленума ему пришлось отступить: сыграл роль аргумент, что его уход вызовет кризис в партии. С конца июня он практически был отстранен от руководства, не участвовал в подготовке делегации на очередное заседание Информбюро, в подведении его итогов на июльском пленуме, где было принято решение одобрить новый курс.

В начале августа перед Гомулкой был поставлен вопрос о вынесении конфликта на суд Сталина. Когда он согласился принять это предложение, оказалось, что оно уже не актуально: Берут 15 августа отбыл в Москву и доложил Сталину, что непокорный Гомулка не желает выступать с покаянием и упорствует в защите своего «правонационалистического уклона». Было решено применить к нему «оргвыводы».

16 августа Гомулка тщетно пытался отстоять на политбюро свое право руководить его работой. Ему было отказано и в этом, и в подготовке доклада. В проекте постановления о правонационалистическом уклоне диапазон обвинений

был значительно расширен и включил недоверие к ВКП(б) и СССР, а также осуждение курса на расширение национального фронта в период оккупации — «капитулянтство в отношении Крайовой Рады Народовой». Только 21 августа Берут сообщил Гомулке, что вопрос о смене руководства согласован со Сталиным. Гомулке было предложено просить отставки с поста генсека с возможностью сохранить членство в политбюро на условиях выступления с «самокритикой».

На августовско-сентябрьском пленуме ЦК ППР после доклада Берута «О правом и националистическом уклоне в руководстве партии и мерах его пресечения» Гомулка во избежание обвинений в подрыве единства партии был вынужден принять ряд обвинений. Однако он решительно отверг оценку своих взглядов как противоречащих линии партии и обвинение в антисоветизме. Он подтвердил свою позицию в отношении коллективизации.

Прессба Гомулки об освобождении с поста генсека была удовлетворена, но функции члена политбюро сохранены. Хотя он не принимал участия в его работе, упорно поддерживалась версия выдвижения его кандидатуры в политбюро ПОРП. Гомулка располагал поддержкой партии, и понадобилось полгода, чтобы обработать ее среднее звено и низовой актив, чтобы разорвать эту связь и полностью вытеснить Гомулку из высшего эшелона руководства. Сталинская поддержка видимости конструктивной позиции большинства политбюро ППР служила вписыванию конфликта в нормальное функционирование партии, зондированию дальнейших намерений Гомулки; выяснению того, будет ли он настаивать на сохранении руководящих позиций в партии, поддерживать линию на смягчение советско-югославского конфликта, бороться с форсированием коллективизации, или же подчинится партийной дисциплине, воле большинства политбюро, курсу Информбюро.

Оформляя в виде письма свои аргументы, высказанные в ходе беседы со Сталиным, Гомулка, как он подчеркивал это впоследствии, прекрасно осознавал, что ему грозят не только политические репрессии, но и прямая физическая расправа. Это наложило явный отпечаток на структуру письма и выбор аргументов. Гомулка демонстрирует верность принципам единства партии и самого движения, подчеркивает самокритичность своей позиции. Однако он не выгораживает себя, но идет на сознательную жертву, достойно принимая возможность своей политической смерти, чтобы не позволить использовать свое имя для придания легитимности догматическо-сектантской линии большинства политбюро, чтобы отстоять творческое начало в политической линии ППР. Поэтому он категорически отвергает «пункт 5-й» — обвинение в капитулянтстве в период оккупации, вставленный по настоянию Берута и повторяющий содержание письма последнего от 10 июня 1944 г.

Гомулка не просто указывает на нелояльность товарищей по политбюро — он отстаивает демократические внутривнутрипартийные отношения, размежевывает принципиальные и групповые интересы в руководстве ППР. Проблемы национального аспекта кадровой политики — производные борьбы за пути развития между двумя группами в этом руководстве, за выбор между творческим и механическим использованием советского опыта. Если Сталин сознательно разыгрывал в Польше козырь национальной обособленности, групповых противоречий, то Гомулка не постеснялся показать свое понимание негативных последствий этого. Вернувшиеся из СССР руководители, насаждавшие сталинистские методы в Польше, вели такую кадровую политику, в результате которой на ключевых постах в партийном и государственном аппарате, и особенно в органах госбезопасности и инстанциях, занятых подбором кадров, оказалась очень высока доля лиц еврейского национального меньшинства. Однако в аргументации Гомулки, женатого на еврейке и тесно связанного и с еврейской средой, решающим было не национальное происхождение как таковое, а непосредственная увязка национального аспекта кадровой политики со сталинистскими деформациями внутривнутрипартийных отношений, с преобладанием аппаратных административно-командных методов, с злоупотреблениями со стороны силовых структур. Национальная проблема была по сравнению с этой проблемой вторичной, производной. Именно

такой крен в политике усиливал недовольство в партии и обществе по поводу значительного, непропорционально большого участия еврейского национального меньшинства в элите власти, по поводу закреплявшей такое положение вещей кадровой политики, когда аппарат управления как правило подбирался не по деловым и классовым признакам, а по тоталитарным сталинским канонам «клики» — личной близости и преданности, послушания и диспозиционности. В результате чрезвычайно широкие и в известной степени привилегированные позиции в управлении партией и государством заняла одна, еврейская, этническая группа со своими партикулярными интересами. Собственно, здесь идейно-политические интересы вылились во властные групповые, которые и вышли на передний план.

Пытаясь разрешить сложившуюся ситуацию, Гомулка преподнес ее в письме к Сталину, стараясь, видимо, учесть и акцентировать специфические черты и логику сталинской национальной политики. Отнюдь не следует отождествлять предлагаемые им меры с политикой государственного антисемитизма, проводившейся в СССР. Гомулка демонстрировал понимание тех негативов, которые влекло за собой манипулирование национальными проблемами в Польше — в политическом плане это наносило ущерб структурам власти, препятствовало росту доверия к партии, вызывало трения внутри нее.

Из письма Гомулки следовало, что он не сломлен, убежден в правоте своей линии и будет за нее бороться, хотя и подчиняется партийной дисциплине. Сладить с ним, с его популярностью было непросто. В Москве это понимали. Еще до получения письма, 16 декабря Беруту была направлена телеграмма за подписью Сталина и Молотова, нейтрализовавшая впечатление налаживания контакта Гомулки с ними: они подтверждали недоверие к Гомулке, ориентировали на «дальнейшую проверку его отношения к партии», его «искренности».

Сталин вел наступление постепенно, не давая сплываться вокруг Гомулки его сторонникам. На Объединительном съезде Гомулка был избран в ЦК ПОРП, но вскоре смещен с постов вице-премьера и министра воссоединенных земель. В ноябре 1949 г. он был обвинен в потере бдительности в годы оккупации и после освобождения, исключен из ЦК ПОРП и лишен права работать в партийных инстанциях. 2 августа 1951 г. его вместе с женой арестовали. Решением политбюро, которое не было предано гласности, Гомулку исключили из партии. Началась подготовка политического процесса, который, однако, так и не состоялся, в чем сыграла свою роль как твердая позиция самого Гомулки, так и осторожность руководства ПОРП, хорошо помнившего практику раскручивания маховика репрессий в отношении польских коммунистов в 30-е годы.

Процесс отстранения Гомулки был одним из этапов сталинской селекции лидеров коммунистических и рабочих партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы в условиях «поворота 1948 года». Она была нацелена на замену тех из них, кто не разделял сталинской политики в этом регионе, и, как правило, завершалась политическими процессами и репрессированием. Ее жертвами стали Т. Костов в Болгарии, Л. Райк в Венгрии, Р. Сланский в Чехословакии и другие. В отличие от них Гомулка остался жив и даже вернулся в политику.

В декабре 1954 г. Гомулка был освобожден. В августе 1956 г. ему вернули партийный билет. Решение о правонационалистическом уклоне было аннулировано.

Записка члена ЦК Польской рабочей партии Б. Берута заведующему Отделом международной информации ЦК ВКП(б) Г. Димитрову о ситуации в ЦК¹

[г. Варшава]

10 июня 1944 г.

Многоуважаемый товарищ!

Считаю своим долгом поставить Вас в известность о том, что в руководящем органе нашей партии создалось положение *тревожное*². В работе ЦК нет необходимой сплоченности и коллективности. Секретарь Комитета [В. Л. Гомулка.— И. Я.] не стоит на высоте своих заданий. Вместо того, чтобы спланировать, он раскалывает ЦК. Ваша немедленная помощь в разрешении этого кризисного состояния *необходима*. Но секретарь ЦК саботирует выполнение принятого давным-давно решения ЦК о посылке к Вам члена ЦК с докладом — под предлогом, что это требует длительного отсутствия человека в момент напряженного положения работы. У секретаря имеются издавна диктаторские стремления. Это именно срывает коллективность в работе ЦК. Если бы хотя при этом он имел правильную и твердую политическую установку, это не было бы так опасно. Но он делает непрерывные зигзаги — от сектантства к крайнему оппортунизму и наоборот. Создается в таких условиях угроза отрыва от нас наших союзников: народников³ и социалистов. До сих пор эти колебания регулировались нормальным методом коллективных решений руководства. Но теперь секретарь создал себе группу, используя некоторые обстоятельства (необходимость выезда одного из членов ЦК в район, другого — с докладом к Вам, хотя этот выезд не состоялся — произошла в связи с тем некоторая перегруппировка). Эту тройку характеризует идейная беспринципность. Но в составе 6-ти членов ЦК она имеет возможность решать все, чего хочет секретарь, предводитель тройки⁴. Это «большинство» было готово недавно плестись в хвосте реакционных группировок, поддерживающих лондонское правительство. Эта опасность к счастью миновала, но она может еще возникнуть в иной форме при новых обстоятельствах. Все это требует обстоятельного изучения вместе с Вами наших организационных вопросов. Потребуйте срочного приезда одного из членов ЦК или пришлите специального уполномоченного к нам.

Развитие нашего движения и борьбы с оккупантом в стране идет успешно. Имются перспективы и условия для дальнейшей консолидации демократических сил в связи с углубляющимся кризисом *внутри* реакционного антисоветского лагеря. Но это положение требует от нас умелой ориентации, твердой политической выдержки и гибкости в выдвижении популярных лозунгов и методов организационного охвата создающихся благоприятных политических настроений. Нельзя нам при этом ни в коем случае затерять *самостоятельного* идейного и политического лица. Вот этой именно опасности недооценивает новое «большинство» ЦК. Независимо от этого групповые методы в работе ЦК *крайне опасны* в таком исключительно напряженном и ответственном положении как теперешнее у нас.

Поэтому, сигнализируя Вам эту опасность, пока она еще не успела развиться — прошу Вашего содействия и помощи.

С глубоким уважением, Иванюк (Томаш)⁵

Член ЦК от мес[яца] ноября 1943 г.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1161. Л. 24—25.

Заверенная машинописная копия.

¹ Записка была привезена в Москву М. Ролей-Жимерским.

² Приведенные курсивом слова в подлиннике подчеркнуты.

³ Речь идет о созданной в апреле 1944 г. левой СЛ-Воле люду.

⁴ Гомулку поддерживали И. Лога-Совиньский и А. Ковальский, Берута — Ф. Юзьвяк и иногда Х. Хелховский.

⁵ Коминтерновский и подпольный псевдонимы Б. Берута.

Письмо члена политбюро Вл. Гомулки И. Сталину о ситуации в руководстве ППР с изложением позиции по вопросу баллотирования в члены политбюро Польской Объединенной рабочей партии

г. Варшава

14 декабря 1948 г.

В связи с предложением Политического бюро Польской рабочей партии, поддержанным Вами, т. Сталин, в беседе со мной 9 декабря с. г., по вопросу введения меня в состав Политического бюро Объединенной рабочей партии⁶, считаю необходимым еще раз представить Вам мотивы, которыми я руководствовался, прося Вас посоветовать польским товарищам, чтобы они согласно моему желанию отказались от намерения выдвинуть меня в список кандидатов при выборах Политического бюро Объединенной партии.

Уже в непосредственной беседе с Вами я старался обосновать мою точку зрения по вышеуказанному вопросу, хотя может быть в результате недостаточного знания русского языка это получилось немного хаотично и недостаточно ясно. Поэтому на этом пути — согласно с соображениями, высказанными по телефону товарищу Молотову 10 декабря с.г.— хочу дополнительно изложить Вам наиболее последовательно причины, которые продиктовали мне решение не баллотироваться в состав Политического бюро Объединенной партии.

Не подлежит никакому сомнению, что ошибки, которые я действительно совершил в последний период, когда я занимал пост Генерального секретаря партии, требовали резкой критики и исчерпывающей самокритики. Это и было сделано.

По моему мнению, было два способа осуществления критики и самокритики моих ошибок.

Первый, который я считаю наиболее правильным — это критика и самокритика, проводимая в принципе только в тех партийных инстанциях, перед которыми я высказывал ошибочные взгляды, или же в дискуссии с товарищами неверно формулировал свои мысли при обсуждении некоторых вопросов. Это ограничивалось двумя партийными инстанциями: Центральным комитетом и Политическим бюро. Этот путь давал мне возможность остаться в составе членов Политического бюро после ухода с поста Генерального секретаря партии. Как видно, этот способ был отвергнут.

Был также другой способ, с помощью которого можно было осуществить критику и самокритику и который выбрало Политическое бюро. Этот путь, т. е. публичное признание своих ошибок (при наличии явной тенденции к их преувеличению) и выставление меня перед всей партией в качестве обвиняемого, несмотря на то, что неправильные и фальшивые взгляды я высказывал только в самых высших партийных инстанциях, и несмотря на то, что мои ошибки в принципе не нарушили генеральной политической линии нашей партии, так же, как и допущение со стороны Политического бюро многочисленных политических нападков на меня со стороны членов партии, привел впоследствии и не мог не привести к моему моральному уничтожению и к подрыву моего авторитета в такой степени, что мое пребывание на руководящих постах в партии стало для меня невозможным, по крайней мере на продолжительный отрезок времени.

Я не имею намерения критиковать решение Политического бюро по вопросу выбора этого второго пути. Может быть, таким образом легче было перевести партию на новые политические пути и совершить решительный перелом в Польской социалистической партии накануне Объединительного съезда. Но, вы-

⁶ Польская Объединенная рабочая партия была образована 15 декабря 1948 г. Объединительный съезд работал по 21 декабря. Вл. Гомулка был избран в состав ЦК.

бирая этот путь, Политическое бюро должно было дать себе отчет в том, что этим самым меня вычеркивает из числа руководящих партийных деятелей.

Такова первая причина, которая не позволяет мне дать согласие на выдвижение моей кандидатуры при выборах Политического бюро Объединенной партии.

Я уже заявлял в беседе с Вами, что и в дальнейшем не соглашусь с 5-м пунктом резолюции, принятой на августовском пленуме Центрального комитета нашей партии⁷. Обоснование своего отрицательного отношения к 5-му пункту резолюции я изложил на упомянутом пленуме в первом самокритическом выступлении. Эта самокритика была признана недостаточной и ряд товарищей подверг острой критике мое отношение к 5-му пункту резолюции. Из содержания выступлений некоторых членов Политического бюро и членов Центрального комитета я понял, что они не ставят перед собой задачи объективно проанализировать положение в период оккупации, что было необходимо для соответствующей оценки политических действий тогдашнего руководства партии, что они руководствуются иными намерениями — полностью дискредитировать мою деятельность как тогдашнего Генерального секретаря партии. Быть может, это и было необходимо перед избранием нового Генерального секретаря партии, или же Председателя Объединенной партии.

На августовском пленуме меня фактически поставили перед следующим выбором: или я признаю свои ошибки, сформулированные в 5-ом пункте проекта резолюции, или же, не признав их, тем самым докажу, что я не согласен с партией и намереваюсь разбить единство ее рядов. Это особенно проявилось в выступлении тов. Минца, который от имени Политического бюро в первый же день совещаний задал тон всей дискуссии. Согласно с намерением Бюро, на августовском пленуме я оказался лишенным всего, что показывало бы хоть какие-нибудь мои заслуги в период оккупации. Не желая дать повод к тому, чтобы были какие-либо основания подозревать меня в стремлении расколоть партию, я вынужден был признать правильными упреки, содержащиеся в 5-ом пункте резолюции.

Естественным результатом такого положения дел было выдвинутое против меня на общепольском совещании партийного актива⁸, состоявшегося в Варшаве спустя несколько дней после августовского пленума, обвинение в намерении отдать власть в Польше лондонскому эмигрантскому правительству с тем, чтобы в результате этого привезти в польскую страну лес виселиц для коммунистов. Эта клеветническая демагогическая кампания не нашла никакого соответствующего отклика членов Политического бюро, присутствовавших на указанном совещании.

Тов. Берут, подводящий итоги выступлениям, не посчитал также нужным выразить свое отношение к такой «оценке» моей деятельности. Молчал также и я, ибо каждое возражение было бы расценено как мое желание расколоть партию. Таким образом, налицо были все предпосылки к тому, чтобы делегаты, собравшиеся со всей страны, поверили услышанному обвинению. Нет ничего удивительного в том, что на собраниях первичных партийных организаций и на партийных конференциях, прошедших по всей стране, при разъяснении решений августовского пленума по моему адресу бросались обвинения в измене и были требования моего ареста. Это было только следствием определенной линии, данной сверху с целью уничтожить в глазах трудящихся масс все то, что я по праву могу считать своей заслугой перед партией, рабочим классом и моей родиной.

Отдавая себе отчет в том, что возобновление спора по 5-му пункту резолюции повлекло бы за собой только замешательство в партийных рядах, я не имел и

⁷ Августовский пленум ЦК ППР (31 августа — 3 сентября 1948 г.) принял по докладу Берута «О правом и националистическом уклоне в руководстве партии и мерах его преодоления» резолюцию, 5-й пункт которой содержал обвинение Гомулки в намерении отказаться от строительства власти на базе КРН и войти в состав Совета национального единства — структуры польского правительства в эмиграции. Это обвинение порочило Гомулку как лидера партии в годы оккупации.

⁸ Общепольское совещание актива ППР состоялось в Варшаве 6 сентября 1948 г.

не имею намерений заявить Политическому бюро партии, что я и в дальнейшем не приму упреков, выдвинутых против меня в 5-ом пункте резолюции. По той же причине я не мог дать согласие на выставление моей кандидатуры в Политическое бюро. Это согласие означало бы подтверждение мною справедливости упреков, содержащихся в упомянутом пункте резолюции, а также и всего того, что говорилось в связи с этим пунктом на августовском пленуме и в ходе отчетной кампании по всей стране.

Входя в состав такого органа, как Политическое бюро, члены которого сообща несут самую большую ответственность за цельность политики партии, а таким образом и за партийную оценку ее исторического прошлого (периода оккупации), я не смог бы не проявить своего отрицательного отношения к 5-му пункту резолюции августовского пленума, что неминуемо повлекло бы за собой беспорядок и вредные последствия для единства партии и ее руководства.

Это вторая причина, которая не позволяет мне баллотироваться в Политическое бюро Объединенной партии.

Всем членам Политического бюро известно мое отношение к персональной политике⁹ партии по отношению к еврейским товарищам. Это я неоднократно высказывал на заседаниях Бюро и в индивидуальных беседах с членами Бюро. Личный состав руководящих звеньев государственного и партийного аппарата, рассматриваемый с национальной точки зрения, по моему мнению, создаст преграду, затрудняющую расширение нашей базы особенно среди интеллигенции, а также в деревне, и в первую очередь в рабочем классе. Правда, можно и меня считать ответственным за такой высокий процент евреев в руководящем государственном и партийном аппарате, но главная вина за создавшееся положение вещей падает прежде всего на товарищей евреев. Как Генеральный секретарь партии я не находил среди них не только понимания и поддержки моей точки зрения по вопросу о персональной политике, какую должна проводить партия, но, напротив, систематическая практика их персональной политики привела к тому, что они не соглашались с моей точкой зрения. Не соответствует истине тот факт, что только серьезный недостаток польских партийных кадров делает невозможным проведение иной, чем существующая теперь, персональной политики. Кадры никогда не вырастут, если партия не создаст соответствующих условий, т. е. если не будет выдвигать на ответственные посты самых способных товарищей из той среды, которой она располагает.

На основе ряда наблюдений можно с полной ответственностью заявить, что часть еврейских товарищей не чувствует себя связанной с польским народом, а таким образом, и с польским рабочим классом, никакими нитями, или же занимает позицию, которую можно назвать национальным нигилизмом. Все эти положения не принимаются полностью во внимание при подборе кандидатов на различные высокие посты.

Я располагаю многочисленными доказательствами того, что существующее положение дел в области состояния руководящих кадров как в партии, так и в государственном аппарате вызывает серьезную тревогу и недовольство. В то же время в партии, особенно после августовского пленума, сложилась такая обстановка, когда никто не имел мужества высказать критические замечания против нынешней персональной политики. Недовольство же выражается в кулуарах.

Я глубоко убежден в том, что моя точка зрения по вопросу персональной политики партии в значительной мере, хотя и не открыто, оказала влияние на формы и методы разрешения последнего кризиса в руководстве партии. Для меня не подлежит также сомнению, что если бы я был в составе членов Политического бюро, дело определенно дошло бы до новых разногласий и споров между мной и другими членами бюро из-за моих взглядов по персонально-национальному составу руководящих органов в государственном и партийном аппарате. Я считаю необходимым не только прескратить дальнейший процентный

⁹ Так в оригинале (перев.) Полонизм. Речь идет о кадровой политике.

рост евреев как в государственном, так и в партийном аппарате, но также постепенно уменьшать этот процент, особенно в высших звеньях этого аппарата. Опираясь на опыт, вынесенный из периода, когда я выполнял функции Генерального секретаря партии, я убежден, что при настоящих условиях, в каких я находился, я не мог сделать даже самого маленького шага в этом направлении без того, чтобы не натолкнуться на всякого рода явные или замаскированные действия, рассчитанные на «конец» моей деятельности в партии. Будучи же членом Политического бюро, я не мог бы равнодушно относиться к этому вопросу.

Такова третья причина, по которой я не могу и не должен находиться в составе членов Политического бюро Объединенной партии.

Мне также трудно представить себе постоянное, согласованное и непосредственное сотрудничество, которое должно быть в Политическом бюро, принимая во внимание еще свежий осадок, который остался у меня как результат некоторых методов, примененных Политическим бюро при освобождении меня от поста секретаря партии. (Нужно при этом помнить, что я сам обращался с просьбой об освобождении меня от обязанностей еще в июне с. г. как на Политическом бюро, так и в беседах с членами Бюро.) Обходя вопрос выбора Политическим бюро пути и формы критики моих ошибок, мне трудно понять и уяснить самому себе целевую установку таких методов, примененных ко мне Политическим бюро, как, например, факт обращения ко мне в первой декаде августа с. г. трех членов Политического бюро во главе с тов. Берутом с предложением поехать вместе со всем Бюро к Вам, товарищ Сталин. Когда я охотно принял предложение и с этой целью прибыл к товарищам, членам Политического бюро, находящимся в то время на побережье Балтийского моря, то мне предложили для утверждения проект резолюции, подготовленный к августовскому пленуму ЦК партии и одновременно заявили, что отъезд к Вам излишен, ибо члены Бюро уже договорились с Вами по вопросу о разрешении кризиса в руководстве партии. Подобных фактов было намного больше. Достаточно вспомнить обвинение меня в оскорблении имени тов. Финдера — «Павла»¹⁰; историю с письмом, посланным тов. Берутом тов. Димитрову в период оккупации¹¹; заявление тов. Бермана о том, что уже в 1944 г., после его приезда в Люблин, он был проинформирован Берутом о том, что партии в период оккупации угрожал раскол из-за фальшивой политики, проводимой мною как генеральным секретарем; сообщение мне Политическим бюро после августовского пленума и перед общепольским совещанием, что опубликуют только те мои самокритические заявления, которые я изложил на общепольском совещании партийного актива, а в действительности же, не спрашивая даже моего мнения, опубликовали в печати также все самокритические заявления на августовском пленуме, и тому подобные факты. Такие и подобные методы видимо можно применять к людям, которые стремятся к борьбе с партией, хотя расколеть единство ее рядов. А что я этого не хотел, о том прекрасно знало Политическое бюро партии.

Такие методы не могли не оставить у меня чувства горечи. Истинные факты слишком свежи, чтобы они позволяли мне просто и непосредственно отнестись к членам Политического бюро и свободно формулировать мысли на заседаниях Бюро. Я не хотел бы, чтобы снова выносилось когда-либо на публичное обсуждение каждое мое сомнение, которое могло бы возникнуть при рассмотрении различных вопросов, каждое мое слово «нет» в случае, когда я считал бы, что неправильно было бы сказать «да». Говорить же всегда «да», независимо от убеждений, я не сумел бы.

Такова четвертая причина, которая не позволяет мне баллотироваться в Политическое бюро Объединенной партии.

Кроме того, предыдущая партийная работа, а особенно последние события

¹⁰Финдер Павел (1904—1944) — секретарь ЦК ППР с конца 1942 г. по ноябрь 1943 г. Арестован 14 ноября 1943 г. и расстрелян гестапо.

¹¹См. документ I.

подорвали мою нервную систему. При настоящем состоянии моего здоровья, принимая во внимание мое самочувствие, вызванное последними событиями, я не способен к руководящей партийной работе.

Это дополнительный довод, который вынуждает меня придерживаться такой точки зрения.

Я по происхождению рабочий. Вся жизнь я боролся за дело трудящегося народа, верно служил своему классу и своему народу.

В Советском Союзе я всегда видел и вижу самого лучшего друга Польши, а в ВКП(б) и особенно в Вас, товарищ Сталин, мудрого учителя также и нашей партии.

Независимо от того, на каком участке работы я нахожусь, я всегда буду верен идеалам, за которые я боролся в течение всей моей жизни до настоящего времени.

Сердечно благодарю Вас за то, что Вы мне посвятили так много ценного для Вас времени, прошу правильно понять мою точку зрения, которую я старался обосновать как в непосредственной беседе с Вами, так и в настоящем письме.

Вл. Гомулка

Р. С. По необходимости посылаю это письмо не переведенным на русский язык, так как не располагаю переводчиком, которому мог бы доверить¹².

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1136. Л. 30—36.

Машинописная копия. Перевод с польского яз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Szlachcic F. Gorzki smak władzy.* Warszawa, 1990. S. 94.
2. *Werblan A. Władysław Gomułka Sekretarz Generalny PPR.* Warszawa, 1988. S. 577, 601—603.
3. *Syzdek B. Powiedział Stalinowi: «Nie»//Prawo, Zycie.* 1993. № 14.
4. *Dziś.* 1993. № 6, 8.

¹²Копию письма Гомулка хранил в квартире, в тайнике старого комода. Она была изъята органами безопасности при его аресте. В отличие от Берута, который 24 августа 1948 г. попросил М. Сулова переслать ему копию письма Г. Димитрову от 10 июня 1944 г. и использовал ее во внутрипартийной борьбе, Гомулка с подобной просьбой в ЦК КПСС не обращался. Содержание его письма было известно его сотрудникам с его слов [2]. Документ находился на особом хранении в распоряжении первых секретарей ЦК ПОРП. В 1981 г. с ним был ознакомлен без права использования директор Центрального архива ПОРП Б. Сыздек. В Москве решение вопроса о публикации началось в 1992 г., в Варшаве — ему предшествовало опубликование пересказа содержания в статье Сыздека [3]. Опубликование вызвало оживленную дискуссию [4].

© 1995 г. ЕДЕМСКИЙ А. Б.

УКРАИНА И УКРАИНЦЫ В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НАЧАЛА 50-х годов

Начало 50-х годов XX столетия характеризовалось новым уровнем противостояния между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Изобретенная в Вашингтоне во второй половине 40-х годов «доктрина сдерживания» советского коммунизма, представлявшая целый комплекс внешнеполитических, экономических, идеологических мер и серии операций американских спецслужб, направленных на ограничение распространения коммунистической идеологии и практики в международном сообществе, продемонстрировав свою эффективность, во многом себя исчерпала.

Реалии ядерного века (обладание СССР атомным устройством и широко пропагандировавшиеся экономические достижения), а также захват власти КПК в ходе гражданской войны в Китае потребовали новых подходов, выработки новой стратегии, рассчитанной на длительное противостояние в «холодной войне». При их разработке американская сторона стремилась учитывать всех возможных союзников в борьбе с коммунизмом и Москвой. Реалии «холодной войны» побудили американское общественное мнение отказаться от романтизации опыта развития Советского Союза. Средства массовой информации стали уделять больше внимание национальным проблемам в СССР [1]. Американская политическая наука начала серьезное изучение советской истории и современной ситуации. Большое внимание уделялось первым годам советской власти, формированию СССР, национальным проблемам в целом, развитию отдельных республик и регионов, истории отдельных народов [2]¹. Исследовательские подразделения Госдепартамента начали готовить серии аналитических материалов, освещающих советские сюжеты на основе развернутых структурированных интервью с перебежчиками из-за «железного занавеса» [4].

Необходимость тщательного изучения национальных проблем и определения четкого отношения к ним встала перед Госдепартаментом и американской дипломатией в целом и в силу того, что проукраинские группы в США начали активно требовать пересмотра внешнеполитического курса Вашингтона в отношении Кремля в сторону его резкого ужесточения. Давление оказывалось как направлением писем, воззваний и петиций украинских общественных организаций в адрес Белого Дома и Госдепартамента, так и в личных беседах в Госдепартаменте,

Едемский Андрей Борисович — канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ К этому времени относятся также и известные социологические проекты по изучению различных аспектов жизни в Советском Союзе, организованные Гарвардским университетом, корпорацией «RAND», ВВС США и ряд других [3]

а также через законодателей на Капитолийском холме. Значительным был вал критики внешнеполитического курса Вашингтона и в печатных изданиях [5].

В начале 50-х годов политику в отношении Советского Союза в администрации Трумена формировала так называемая группа «русских экспертов», несомненным авторитетом среди которых был видный дипломат Джордж Кеннан. Сама «русская команда» достаточно реально оценивала сильные тенденции в сторону ужесточения американской политики. Как вспоминал впоследствии Кеннан, силы балансирования на грани войны были весьма влиятельны [6]. Украинское лобби в США желало американскими руками развязать третью мировую войну, максимално испортить отношения между Вашингтоном и Москвой. Госдепартамент, исходя прежде всего из реальной оценки интересов США, изо всех сил стремился этому воспрепятствовать. При этом оголтелый украинский национализм получал самые малоприятные оценки. Проукраинские лоббисты, в свою очередь, каждый раз по поводу и без повода стремились «укусить» Кеннана побольше, не без оснований видя в нем основное препятствие к реализации своих целей.

Трезвый учет американских интересов, диктовавший необходимость проведения обдуманного внешнеполитического курса, требовал от дипломатов фундированного обоснования своей позиции перед президентом, конгрессом и общественным мнением США. Госдепартамент нуждался в подготовке серьезных аналитических материалов для отражения нападков на умеренный внешнеполитический курс в отношении Москвы. Многие документы по проблемам Советского Союза, среди которых так называемая «Длинная телеграмма из Москвы», статья «Источники советского поведения», давно известны исследователям. Вместе с тем завершение в начале 90-х годов «холодной войны» привело к новой волне рассекречивания документов. Один из них — аналитическая записка по «украинскому вопросу», подготовленная летом 1952 г. в американском посольстве в Париже, где в то время собралось немало влиятельных экспертов по Советскому Союзу.

Париж был идеальным местом для подготовки материалов по подобным проблемам. Несмотря на некоторое перемещение внимания в сторону разделенной между странами-победителями Германии, французская столица оставалась одним из оживленных центров активности антисоветской эмиграции. В Париже сохранялись остатки послереволюционной эмиграции, собрались и эмигранты «новой волны» (те, кому удалось уцелеть в ходе выдачи американскими и английскими властями по требованию СССР в первые послевоенные годы — перемещенные лица из гитлеровской Германии, а также перебежчики второй мировой и послевоенных лет). Заметны были в Париже и активисты украинских эмигрантских организаций. Столь богатая интеллектуальная среда давала экспертам американского посольства возможность подготовить немало интересных материалов по проблемам, связанным с Советским Союзом, имевших значительную ценность, так как дипломаты имели возможность пользоваться широким кругом источников при анализе ситуации в СССР и коммунистическом блоке.

Летом 1952 г. первый секретарь посольства США в Париже Ландрейф М. Гаррисон подготовил специальную записку² «Украинский народ как фактор в борьбе против советского режима», получившую широкое хождение среди американских экспертов по внешней политике. Выраженные в ней взгляды во многом отражали подход Вашингтона к украинским темам в начале 50-х. Текст записки отражал уровень понимания американской дипломатией советских проблем, демонстрируя все преимущества и недостатки анализа со стороны. Документ не был идеален. При внимательном изучении в его тексте можно найти повторы, упрощения,

² Документ находится в Отделе рукописей Библиотеки Джорджтаунского университета (город Вашингтон) среди бумаг первого посла США в СССР Роберта Келли, в документах, относящихся к его работе в структурах, связанных с деятельностью Американского комитета освобождения России от большевизма [7]. Имеющаяся в коллекции копия письма из Москвы посла Кеннана автору материала в Париж, представляющая комментарий Кеннана пересланного ему документа, датирована 26 июля 1952 г. Это позволяет предполагать, что аналитическая записка скорее всего была подготовлена в конце июня — начала июля того же года.

противоречия и, порой грубые фактические ошибки, но он получил признание среди ведущих экспертов американского внешнеполитического сообщества (Госдепартамента, администрации президента, спецслужб) и ныне дает возможность составить представление о той сумме знаний «украинской проблемы», которой располагали американские эксперты в начале 50-х годов.

По мнению автора документа, «национальная проблема» и национальные движения ряда народов внутри СССР в начале 50-х годов представляли одну из главных антибольшевистских сил внутри Советского Союза. Революция 1917—1921 гг. интенсифицировала все атавистические исторические конфликты, существовавшие в Российском государстве между русским народом и иными национальностями. Амбиции отдельных народов значительно разрастались под влиянием революционных лозунгов и демагогической национальной политики большевиков, приобретая законченное политическое выражение. В ходе революции и после революционного времени там, где амбиции были первоначально ограничены требованием автономии, они нарастали, становясь общим народным желанием получения полной независимости и государственного суверенитета.

Политика большевиков, использовавших в течение длительного периода времени (до 1928—1930 гг.) лозунг «самоопределения народов», продолжила дальнейшую интенсификацию национального сознания отдельных народов Советского Союза. Большевистская политика централизации и тоталитарного государственного управления не отрицала принципа «самоопределения». Это случилось не только потому, что существовала необходимость сохранения данного лозунга для внешнеполитических целей и пропаганды, но и из-за глубоко укоренившейся в политическую идеологию этих народов концепции «федерализма» и «суверенитета». Недостаток гармонии, существовавший между теорией, проповедовавшейся сталинской Конституцией в национальном вопросе, и практическим применением этой теории, заставил большевиков сделать вывод об анахронизме «единого и неделимого Российского государства». В проведении своей тоталитарной политики большевики, в целях достижения государственного единства, принуждали сохранить все формы федерации и политического союза народов чисто механическими методами, включавшими перемещение населения, попытки сократить его численность и разрушить все элементы, способные организовать народы в отдельное политическое целое.

Данная политика советской власти, а также дисгармония между большевистской теорией и практикой, интенсифицировали национальное сознание отдельных народов, содействовали определению их политических целей и обострили конфликт между этими народами и великороссами. По мнению автора документа, к началу 50-х годов данный конфликт был заложен также в различной интерпретации Конституции народами Советского Союза, в различных подходах к борьбе с большевизмом. Для великороссов Советское государство было государством социального и морального подавления, однако их сопротивление государству было ограниченным и пассивным. Это объяснялось тем, что дипломатические и военные успехи Советского государства представляли в сознании великорусского народа форму моральной компенсации. Великороссы считали, что большевики, несмотря на все их недостатки, сохранили и даже укрепили Российскую империю. Для большинства остальных народов СССР представлял прежде всего орудие национального подавления, которое препятствовало самому их национальному существованию. Поэтому отношение этих народов к Советскому государству более жестко и враждебно. Они сопротивляются активнее, и их сопротивление превращается в активную борьбу при первой возможности. Борьба направлена, тем не менее, не столько против великороссов, сколько против всего Советского государства.

Автор выделил три фактора, определяющие интенсивность национального сопротивления Советскому государству: исторические традиции и национальный характер; экономические условия, вследствие которых сопротивление народов увеличивается с возрастанием значения их республик в общей экономической жизни союза; стремление сохранить политические, экономические и культурные

связи с внешним миром. К этим трем факторам автор добавил численность народа, а также их влияние на международную жизнь.

По мнению автора документа, с учетом активного национального сознания и антибольшевистского сопротивления, советские народы могут быть подразделены по следующей шкале: 1) украинцы; 2) «азеры» — горные народы Кавказа; 3) белорусы. Дипломат не внес в этот список народы Прибалтики, упомянув при этом высокую степень сопротивления народов Балтии и особое их место в советской политике.

Свое приоритетное внимание к украинскому движению сопротивления большевистскому режиму автор документа объяснил четырьмя факторами: численностью (второй народ в СССР после великороссов); международным характером украинской проблемы, «острым» в силу того, что до 1944 г. украинцы были разделены территориально и этнографически между несколькими государствами (Российской империей и Австро-Венгрией; затем между СССР, Польшей, Чехословакией и Румынией и, наконец, между СССР, Германией и ее сателлитами); экономическим значением Украины в жизни Советского Союза; существованием значительной и активной политической эмиграции, ярко национальной по своему характеру.

В документе автор сделал заявку на необходимость объективного и детального рассмотрения каждого из этих четырех элементов в целях точного определения роли, играемой Украиной и украинцами в борьбе против советского режима и большевизма.

По мнению автора документа, наиболее сложным оказалось установление реальной численности украинцев и точных границ их проживания в Советском Союзе. Составитель документа скрупулезно привел все имеющиеся версии и материалы (данные всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг., данные 55-го тома Большой советской энциклопедии 1947 г., материалы украинских ученых в эмиграции (В. Кубийович), а также польских статистиков-демографов), при этом все группы источников не вызвали доверия американской дипломатии.

Дипломат пришел к выводу, что к моменту подготовки его материала не было возможности даже примерно определить численность украинцев в СССР. В качестве наиболее достоверных автор остановился на следующих данных 1945 г.: украинцы внутри границ УССР — около 18—20 млн; украинцы в советских областях, соседних с УССР — от 2 до 3 млн; украинцы в других советских европейских областях (включая заключенных в тюрьмах и лагерях) — от 1 до 1,5 млн; украинцы в советских областях и республиках Азии (включая заключенных в тюрьмах и лагерях) — от 5 до 6 млн.

При этом было оговорено, что данные цифры ниже официальной советской статистики на 6 млн и цифр, приводимых украинской эмиграцией на 11 млн человек.

В итоге автор приходит к заключению, что несмотря на советскую политику последовательного уничтожения украинцев и их распыления по территории всего СССР, «украинская этнографическая масса» в начале 50-х годов осталась самой значительной среди народов Советского Союза и является серьезной основой ведения антибольшевистской борьбы. В документе были перечислены основные очаги антисоветского сопротивления на Украине. Автор выделил области вокруг Киева, Чернигова, Полтавы, Днепропетровска, Житомира, Ровно, Волыни, Каменец-Подольска, Тернополя, Станислава, а также Закарпатье. В документе было отмечено, что антисоветская деятельность находила поддержку преимущественно в крестьянской среде. Города УССР были в значительной степени деукраинизированы. К таким выводам автор пришел на основе анализа национального состава городов по официальным переписям населения.

В документе было отмечено, что преследования украинского крестьянства привели к его спонтанному перемещению в города. Причины, принудившие крестьян покидать села, оказали влияние на формирование политических взглядов нового украинского городского населения безотносительно того, являлись ли новопоселенцы в городах УССР или же в городах других советских республик.

Украинцы, мигрировавшие при советском режиме в города из сел, осознавали свою национальную принадлежность и были настойчивы в борьбе против большевиков. В документе указывалось, что чувства национального сепаратизма и стремление к независимости развились среди этого крестьянства под влиянием постоянных заявлений советской пропаганды о националистической природе сопротивления украинского крестьянства, а экономическая и социальная политика советского правительства, которые должны были вызвать сопротивление в первую очередь, оказали влияние на формирование сопротивления в меньшей степени. В документе был сделан вывод о том, что значительное падение численности украинского населения и произошедшее в годы советской власти его резкое распыление по территории СССР не ослабили украинские национальные чувства, политические амбиции или антибольшевистское сопротивление. Украинский национализм и украинское сопротивление продолжали занимать значительное место среди антисоветских национальных движений народов СССР и составляли одну из главных динамических сил, потенциально направленных против Советского государства.

В аналитической записке был дан анализ участия украинцев в государственных и партийных органах СССР. В документе был сделан вывод, что украинцы единственный народ в СССР, процент которого среди членов ВКП(б) меньше общей доли украинцев в населении СССР. Сходные выводы были сделаны и относительно участия украинцев в управлении народным хозяйством и армейском руководстве (за исключением младшего командного состава).

Анализ статистических данных, по мнению автора документа, совершенно ясно демонстрировал стремление «московского Политбюро» лишить украинский народ главных элементов национальной организации, администрации и национальной обороны на его собственной территории. Данная антиукраинская политика Москвы подтвердила значительную роль и серьезный потенциал украинского национализма во внутренней жизни советского блока.

Второй раздел документа был посвящен рассмотрению «экономической политики большевиков в отношении Украины как фактора, имеющего важное значение для влияния на антисоветское движение сопротивления украинцев». Оценивая место Украины в хозяйственной жизни Советского Союза, автор оперировал данными 1937 г. В документе были охарактеризованы основные этапы политики советского руководства в отношении Украины. На заре плановой экономики советское правительство продемонстрировало следующие тенденции: а) оно старалось связать как можно теснее украинские сырьевые ресурсы с производственными мощностями на территории Украины, а также с обрабатывающей промышленностью Российской Федерации, прежде всего с Центральным (московским) промышленным регионом и Уральским бассейном; б) свести на нет все попытки руководства Украины в то время создать отдельное (национальное) хозяйство, даже в экономических сферах второстепенной важности; запретить экономическое планирование в УССР без участия центрального руководства; в) устранить украинское крестьянство как независимый класс с собственным массовым национальным сознанием.

В начале третьего пятилетнего плана (1938—1939 гг.) советское правительство сменило акценты экономической политики в отношении украинцев. Политика формирования Украины, экономически зависящей от СССР, в особенности от экономики Российской Федерации, была сохранена. В то же время большевистская политика строительства новых центров тяжелой промышленности на Востоке, войная, заставившая ускорить это строительство и вынудившая большевиков прибегнуть к быстрой переброске на Восток ряда важных промышленных производств вкупе с разрушением украинских фабрик и заводов во время военных действий и германской оккупации, круто снизили прежнее относительно высокое значение Украины в союзной промышленности. Четвертый, послевоенный пятилетний план показал новую тенденцию большевистского руководства на использование Украины исключительно в области сельского хозяйства и сырьевой. К этому выводу автор пришел на основе анализа плана 1950 г.

По мнению автора, данная экономическая политика, проводившаяся с исключительной жестокостью, создала среди всего украинского населения впечатление возрастания степени эксплуатации Украины в пользу Советского государства и населения центральных (русских) регионов СССР как результата введения плановой экономики. Подтверждение тезиса о нарастающей эксплуатации украинцы, как отмечалось в документе, видели в обнищании своих селений и крестьянства республики, уровень жизни которого был самым низким в Советском Союзе. При этом процент «раскулаченных» крестьян на Украине был выше, чем в любой республике Союза.

Автор документа полагал, что основополагающие различия в национальной структуре между городским и сельским населением Украины, а также результаты советской экономической политики определили в значительной мере отношение населения УССР к советскому режиму. Многонациональное население городов Украины со сравнительно низким процентом украинцев оказывало сопротивление советской системе прежде всего по причине социального гнета. Сельское население, в котором украинцы оставались доминирующим элементом, продолжало рассматривать советский режим как источник национального подавления. Данный режим оставался в их глазах «системой эксплуатации родины страдающих украинцев в целях обогащения враждебного им государства и проживающих в нем остальных народов».

В документе делался вывод, что именно советская экономическая политика на Украине повинна в том, что украинское национальное сопротивление большевизму является феноменом преимущественно сконцентрированным среди крестьянства (эти строки в документе подчеркнуты). В городах это сопротивление находило поддержку преимущественно среди тех представителей интеллигенции, которые в недавнем прошлом проживали в сельской местности.

Третий раздел документа был посвящен обзору «основных стадий борьбы украинского народа против большевизма». Было выделено десять таких этапов:

1) 1917—1919 гг.— борьба всего украинского народа за свои национальные интересы, государственные интересы Украины, а также борьба крестьянства за свои социальные интересы;

2) 1920—1923 гг.— поражение Украины в войне против большевиков в результате отказа украинских националистов от проведения насильственной радикальной аграрной реформы;

3) 1923—1926 гг.— подавление большевиками последних остатков националистического и анархистского сопротивления, начало устранения большевистским режимом старой украинской национальной интеллигенции;

4) 1926—1929 гг.— начало спорадического сопротивления украинских коммунистов централизаторской политике Москвы и рост сопротивления украинского крестьянства планируемой коллективизации;

5) 1930—1934 гг.— годы жестокого подавления украинского крестьянства и одновременного устранения украинских коммунистов, участвовавших в революции и новой социалистической интеллигенции (общее число потерь украинского народа в борьбе с большевиками в этот период оценивалось в 5 млн «устраненных» и свыше 1,5 млн депортированных);

6) 1935—1938 гг.— появление и последующая ликвидация оппозиции среди групп молодой украинской интеллигенции (происходящей преимущественно из крестьянской страты), пытавшейся оказать сопротивление возрастающей советской централизации;

7) 1939—1940 гг.— относительное ослабление украинского сопротивления;

8) 1941—1946 гг.— бурное антисоветское движение всего украинского народа, проявившееся в саботаже советских военных акций, сотрудничестве с немцами в ранний период оккупации, массовая миграция на Запад, массовое партизанское движение (после 1942 г. направленное и против немцев), переход украинской литературы и искусства к освещению чисто национальной темы, энтузиазм в пропаганде украинской национальной истории, попытки установить культурные и политические контакты с Западом;

9) 1947—1949 гг.— устранение большевиками украинского партизанского дви-

жения (в особенности крестьянского движения) и борьба против украинской интеллигенции с целью полного подчинения советской централизации и денационализаторской политике;

10) 1950—1951 гг. — новая волна пассивного, а порой и активного крестьянского сопротивления политике увеличения числа коллективных хозяйств; волна репрессий в отношении украинской интеллигенции за проявление украинского национализма в науке, литературе, искусстве, а также за попытки сохранения «прозападной ориентации».

На основании этой периодизации автор делает вывод о том, что украинское антибольшевистское сопротивление рождалось среди крестьянства и интеллигенции (преимущественно сельского происхождения). В заключении данного раздела автор делает вывод о внутреннем, а не внешнем характере источников антисоветского сопротивления украинского народа.

Четвертый раздел документа был посвящен общему обзору украинской политической эмиграции.

Согласно тезису автора, историческая судьба Украины, разделенной между несколькими политическими силами и вынужденной в силу этого оказывать сопротивление всем этим силам (в отличие от русской, «кавказской», татарской и «туркестанской» эмиграции, имевших одного врага — большевизм), сказалась на организационной структуре украинской политической эмиграции и процессе ее формирования. В документе указывалось, что данная структура явилась отражением настоящего и прошлого украинской проблемы, ее международного характера. В этом хаосе влияний и реакций автор отметил «два комплекса, выраженных с особой живостью: антисоветский (антирусский) и антипольский».

По его мнению, сама запутанность формирования украинской эмиграции представляет важный позитивный аспект для украинцев, даже в настоящий момент, когда вся украинская этнографическая масса занята единым государством — Советским Союзом. Комплексность проблемы давала возможность украинской эмиграции подчеркивать в ее политических манифестациях международную суть украинской проблемы. Но эта комплексность имеет и неблагоприятные последствия, в числе которых: различия в интерпретации отдельными эмигрантскими группами украинской национальной проблемы как таковой; разные суждения о сути большевистского правительства и советской системы; отсутствие общей политической цели и постоянная путаница в оценке врага (отсутствие понимания различий между советской системой и российским империализмом, между большевиками и поляками); неспособность определить окончательную цель политической деятельности и сконцентрироваться на ней; отсутствие организационного единства, непоследовательная и противоречивая тактика, отвлекающая внимание отдельных групп от прямой антисоветской борьбы на внутренние, чисто эмигрантские конфликты и дела; неспособность скоррелировать свои программы и тактику с программами и тактикой других поработанных большевизмом народов.

С исторической точки зрения украинская эмиграция может быть рассмотрена как состоящая из трех групп: старая эмиграция, сформированная из российских и австро-венгерских переселенцев, покинувших свои страны до русской революции 1917 г., преимущественно сконцентрированная в США и Канаде, в меньшей степени — во Франции; эмиграция из России в результате революции и войны за украинскую независимость, беллецы из СССР, покинувшие его в 1921—39 гг., и сравнительно незначительное число эмигрантов из Польши, выехавшее в 1920—1939 гг.; эмиграция (гражданская и военная) из СССР во время войны, а также после 1945 г., эмиграция и перебежчики с «западных украинских территорий» (Польша, Чехословакия и Румыния), бежавших оттуда с 1939 до 1952 гг., в особенности после 1944 г.

При рассмотрении деятельности украинской эмиграции автор вынес за скобки анализа эмиграцию предреволюционную. Основной упор был сделан на рассмотрение деятельности эмиграции из регионов Западной Украины (особенно из Польши) как эмиграции самой многочисленной и наиболее влиятельной, доми-

нирующей над эмиграцией, имеющей корни на Днепровской Украине. По мнению автора документа, политическое возмужание большей части украинской эмиграции состоялось при польском режиме, который, в отличие от советского и гитлеровского режимов, проявил больший либерализм в отношении национальных меньшинств. После присоединения украинских территорий межвоенной Польши к СССР украинские эмигранты пытались использовать в борьбе с большевистским режимом прежние методы, применявшиеся для противодействия польским властям. Эти попытки окончились неудачей, поскольку прежние методы были малоприемлемы в советских условиях.

В начале 50-х годов украинская эмиграция западных областей как наиболее активная часть украинской политической эмиграции традиционно концентрировала внимание на оставленных ею территориях. Это свидетельствовало о некотором абстрактном характере ее деятельности, демонстрировало незнание советских реалий.

Особенности украинского национального характера стали причиной безмерно сложных отношений. В борьбе против Советского Союза часть украинских организаций попыталась найти поддержку в Польше, Чехословакии, Румынии, Германии, Великобритании, Японии, Турции и Соединенных Штатах. В борьбе против Польши подобные попытки были сделаны в Германии, Чехословакии, Великобритании, и, в меньшей степени, во Франции. Это вело к манипуляциям украинской эмиграцией. По мнению составителя материала, «инспирация украинской борьбы против Польши в 1926—1928 гг. со стороны как немцев, так и большевиков являлась неоспоримым фактом».

Исторически украинская эмиграция была разделена на две фракции, в основе данного деления лежали прежде всего причины, эмиграцию породившие. Географический фактор происхождения эмиграции также имел большое значение. Имели место и расхождения по поводу интерпретации сути большевизма. По сравнению с этими факторами расхождения по вопросам социального развития не играли решающей роли.

Автор документа акцентировал также внимание на «высокоразвитом духе шовинизма, национализма и преувеличенных государственных амбициях, являющихся общими для всей украинской эмиграции вне зависимости от ее политических симпатий и убеждений». Этот шовинизм следует рассматривать как негативный фактор в жизни украинской эмиграции, так как он препятствует обретению украинцами столь желаемой ими поддержки в демократических странах и затрудняет нахождение соглашения с другими антисоветскими политическими эмиграциями. В то же время украинский шовинизм можно считать и позитивным из-за влияния, которое он оказывает на антисоветское сопротивление украинского народа в Советском Союзе. Шовинизм служит прочной основой для усиления веры украинского народа (лишенного возможности сформулировать национальную программу) в успех борьбы против тоталитарного государства.

Автор документа обратил особое внимание на то, что советская пропаганда, избегающая рекламы любой политической эмиграции, не может вытравить имена Петлюры и Бандеры из сознания украинского народа, в котором они представляют не только идею независимого государства и украинского национализма, но и символ самоотверженной борьбы против большевизма.

Пятый раздел документа был посвящен обсуждению организационных и революционных возможностей украинской политической эмиграции на территории УССР.

В документе утверждалось, что украинская эмиграция в 1919—1951 гг. была вызвана советской политикой в отношении Украины и украинцев. Ни политика Польши, ни, в меньшей степени, политика Чехословакии или Румынии в отношении украинцев никогда не приводила к столь массовой эмиграции. В силу этого политические интересы этой эмиграции направлены преимущественно против большевизма и Советского Союза, хотя сама суть украинского национализма стимулирует борьбу и против поляков. Большинство украинских организаций в эмиграции делало попытку использовать в своей агитации современную ситуацию, приведшую к объединению всех украинских этнографических территорий в составе

УССР, стремясь представить сложившееся объединение украинцев в СССР как исторически позитивное с политической точки зрения.

Пропаганда велась под лозунгом положительного значения «формального существования объединенной Украины как государства в его этнических границах». Согласно этой логике, осталось лишь сбросить власть большевиков и положить конец советской (русской) оккупации. Данная формула вела к сохранению непримиримого взгляда в отношении польских лидеров, которые, как опасались идеологи украинской эмиграции, после освобождения Польши могут попытаться предъявить претензии на советские территории, населенные украинцами. Эти опасения особенно заметны среди украинцев-эмигрантов, проживавших на территориях, принадлежавших до 1939 г. Польше. В виду этого украинская пропаганда, преследуя чисто тактические цели, нередко сгущала краски, приравнявая положение украинцев в годы польской «оккупации» 1921—1939 гг. к оккупации советского периода. Чрезмерно эмоциональные подходы всегда были особенностью украинской политики и украинского освободительного движения.

По мнению автора документа, сильная сторона украинской политической эмиграции, заставляющая с ней считаться, заключается в том, что украинский народ в своей массе противостоит советской политике и порой весьма активно оказывает сопротивление решениям советского правительства. В докладе отмечалось, что данная деятельность носила спонтанный характер и в советских условиях не могла быть направляема извне ни стратегически, ни тактически. В то же время эмигранты, осознавая значение антисоветской борьбы внутри СССР, стремились доказать, что эта борьба велась под их руководством.

В документе особо выделяются интриги внутри украинской эмиграции вокруг Украинской партизанской армии (УПА). УПА была создана перед окончанием второй мировой войны как организация украинского партизанского движения, направленного против Германии и большевиков. Движение никогда не было объединено в единую военную организацию. УПА действовала небольшими соединениями, которые постепенно растворились среди пассивного украинского населения. Вместе с тем советская послевоенная политика провоцировала различные массовые акции протеста: уход населения в леса, формирование новых партизанских соединений. Эти явления эмиграция продолжала связывать с УПА, хотя, по всей видимости, единое организованное движение на Украине отсутствует, нет даже отрядов, действующих на местах под чьим-либо руководством.

Внутри эмиграции развернулась борьба за право представлять УПА. Некоторые группы пытались именовать себя ее лидерами или представителями. Среди этих групп были националисты Бандеры и Мельника, УГВР, некоторые новые ассоциации эмигрантов. В результате возникло три «руководящих» центра украинского партизанского движения среди эмиграции: ОУН(Р) (сторонники Бандеры), УГВР (так называемая военная миссия УПА, имеющая отношение к иностранному представительству УГВР), а также УНРАДА (первоначально УРДП), при содействии которого была создана так называемая Национальная гвардия (под руководством Тараса Бульбы).

При этом, по данным документа, ОУН(Р) имело влияние и сохраняло связи во Львове, Дрогобыче, Станиславе, Тернополе, Закарпатье; пользовалось особым влиянием в регионах Волини, Ровно и Каменец-Подольске и сохраняло отдельные контакты в районах вокруг Киева, Житомира и Чернигова; ОУН(С) (сторонники Мельника) соперничали с последователями Бандеры в поиске контактов в регионах вокруг Львова, Станислава, Тернополя, Волини и Ровно, но их влияние оценивалось как незначительное; УНРАДА (Национальная гвардия) имела связи и сохраняла ценные контакты в регионах вокруг Волини, Ровно и Закарпатском и в некоторых частях регионов вокруг Львова и Тернополя; УГВР часто пыталось выдать связи других организаций за свои собственные, в действительности же УГВР сохраняло некоторые контакты в районах вокруг Львова, Волини, Тернополя, Житомира и Киева. Из отдельных политических групп только УРДП сохранила контакты в регионах Киева, Одессы, Днепропетровска, Запорожья, Чернигова и Харькова.

При сопоставлении сфер влияния и имеющихся возможностей украинской эмиграции на территории Украинской ССР с географией регионов, в которых имели место антисоветские беспорядки и движения в 1950—1951 гг. автор пришел к выводу, что украинская политическая эмиграция не смогла оказать влияние на эти события, ей не удалось даже сохранить контакты с этими движениями. В соответствии с этим автор документа сделал вывод о необходимости изучения политической деятельности украинской эмиграции и антисоветского сопротивления украинского народа как двух не связанных, совершенно различных феноменов.

Следует также иметь в виду, что в последние несколько лет украинская политическая эмиграция, разделенная внутренними раздорами, затрачивала много энергии на политическую борьбу с эмигрантскими организациями других народов, прежде всего великороссов и поляков. Шовинистический национализм украинской эмиграции возрастал в результате участия в конфликтах с этими организациями в США и в Соединенном Королевстве прежде всего по так называемому русскому вопросу.

Фундаментальным политическим принципом большинства украинской эмиграции явился тезис об Украине как органичной части Европы по традициям, историческому прошлому и культурным связям. Велась деятельность по опровержению тезиса об Украине как части Евразии. Распространены утверждения о том, что естественный путь развития Украины ведет в направлении теснейшего сближения с Западом, а не Востоком. Данный тезис, рожденный в XVIII—XIX вв. в украинской национальной науке и литературе, сегодня превратился в упрощенную вульгарную форму выражения взглядов как левых и прогрессивных групп, так и трех групп украинских националистов — ОУН(Р), ОУН(С) и УГВР. Украинские ученые в Украинском Свободном университете в Германии и Научном обществе Т. Шевченко во Франции не стремились доказать и обосновать данные идеи научными средствами. Именно наличие этого тезиса объясняет провал попыток тех сил Запада (включая США), политические программы которых считают Украину частью советского (или русского) блока, найти общий язык с украинской политической эмиграцией и только привели к интенсификации конфликтов и дисгармонии между украинской и русской эмиграциями. Лидеры украинской эмиграции, как правило, благосклонно воспринимали только политические программы, в которых признается их право на независимое национальное и государственное самоопределение в Европе без увязки или совершенно сепаратно от разрешения русского (или советского) вопроса.

Настойчивость украинцев в национальной интерпретации своего места в истории и роли Украины объясняли попытки украинской политической эмиграцией найти поддержку в Великобритании, Германии и Риме (у Ватикана). Выбор украинцами этих стран в качестве возможных источников поддержки был сделан в результате осознания генеральной линии этих стран на ослабление Российской империи и их стремление добиться выделения из СССР ряда территорий. Обращение к Риму связано с постоянными стремлениями Ватикана генерировать различные «русские» проекты, а также его тактическими замыслами отведения Украине роли духовного моста между католической Европой и православным Востоком.

В заключение был сделан вывод, что обстоятельства, в результате которых украинский вопрос на протяжении свыше 150 лет остается одной из самых динамичных международных проблем, привели к созданию целой страты политиков и теоретиков украинского национального движения. Они развивают украинскую политическую идеологию на принципе максимизации украинских требований без учета того, что данные требования зачастую не соответствуют современным возможностям украинского народа. По мысли автора документа, выдвигаемая ими программа-максимум представляла в целом ряде отношений (как в случае с границами Украины) совершенный абсурд и вела к непродуктивному расходу активных сил украинской эмиграции. Вместо конкретной борьбы против большевизма украинская эмиграция все глубже втягивалась в борьбу за «экстенсивную объединенную Украину». Есть основания верить, что эта особенность украинской борьбы за независимость привлекала особое внимание советских спецслужб.

Советские агенты были особенно многочисленны среди националистов, борющихся за «объединенную Украину». Данный тезис подписывал непримиримое отношение к великороссам и полякам и толкал многих в объятия немцев как союзников в борьбе против России и Польши.

В приложенном к данному документу письме посла Кеннана (из Москвы от 15 июля 1952 г.) в Париж патриарх американской советологии высоко оценил документ. Посол именовал его «прекрасным и интересным меморандумом об украинской политической эмиграции». Со свойственной ему амбициозностью Кеннан охарактеризовал его как «наиболее полезный документ, который я видел по этому предмету среди всех томов литературы, появившейся в последние годы. Фактический материал, собранный о деятельности украинцев в советском аппарате, особенно ценен и будет полезен в нашей работе в Москве». Вместе с тем Кеннан отметил, что в действительности различия между русскими и украинцами не столь резки, как показано в докладе. По его мнению, миллионы людей в южной России затруднялись дать ответ на вопрос «кто вы — русский или украинец». Кеннан считал, что население южной России давно утратило украинскую специфику и «оказалось в положении, сходном с положением многих голландцев штата Пенсильвания в Америке, гордящихся своим происхождением и любящих вспоминать причудливые выражения, которые употребляли их отцы и матери. Но их политическое сознание не отличалось от политического сознания обычного американца». Это утверждение, заключил Кеннан, в особенности верно для Донбасса. В Советском Союзе отсутствовали серьезные свидетельства, подтверждающие, что советская Украина охвачена украинским национализмом, направленным на создание независимого государства. Он также указал, что не видит адекватных подтверждений тезиса, согласно которому народ советской Украины реально озабочен теми политическими проблемами, которые занимают западных славян. Кеннан был согласен с тем, что интенсивность антисоветского сопротивления на Украине гораздо выше, чем в других советских республиках, и действительно в сельской местности оппозиционные настроения проявлялись чаще, чем в городах, и там будут рады, если «тяжелая длань советской эксплуатации будет устранена». Вместе с тем следует с осторожностью подходить к сообщениям «крикливой галицийской и русинской эмиграции» о наличии на Украине 20—30 млн людей, готовых на все ради создания независимого украинского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Fuller J. F. C.* What the Kremlin Fears Most//The Saturday Evening Post. 1951. 27 X; *Snow L.* Weapon Against Russia//The Sign, National Catholic Magazine. New Jersey. 1951. III.
2. *Balley T.* America Faces Russia. Ithaca, 1950. P. 375; *Radkey O. H.* The Election to the Russian Assembly of 1917. Harvard, 1950; The Soviet Union. Background, Ideology. Reality Indiana, 1951. P. 216; *Scott A. M.* The Anatomy of Communism. New York, 1951. P. XIII, 197; Negotiation with the Russians/Ed. by *Dennet R.* and *Johnson J. E.* Boston, 1951. P. 310; *Pipes R.* The Formation of the USSR. Communism and Nationalism 1917—1923. Cambridge (Mass.), 1954; *Armstrong J. A.* Ukrainian Nationalism, 1939—1945, New York, 1955.
3. *Smal-Stocki R.* The Nationality Problem of the Soviet Union and Russian Communist Imperialism. Milwauker, 1952. P. XXIV, 474; *Reshetar J. S.* The Ukrainian Revolution. Princeton, 1952; *Manning C. A.* The Forgotten Republics, New York, 1952. P. 264.
4. The Soviet Union as Reported by Former Soviet Citizens//Office of Intelligence Research, Department of State. Report № 1. Washington D. C., 1951. VIII; *McCarran H. P.* The Global Propaganda War and Psychological Warfare//The Congressional Record. Washington, D. C., 1951. 6 VIII.
5. *Smal-Stocki R.* The Soviet Union in American Encyclopedias//The Educational Reviewer. New York, 1951. 15 VII; Ukrainian Underground Art. Album of the Woodcuts made in Ukraine in 1947—1950 by artist of Ukraine Underground Nil Khasevych (Bey Zot) and his Disciples. Philadelphia, 1952; Our «Containment» Policy a Road to Peace or to Disaster//The Ukrainian Quarterly. 1950. № 3. P. 195—205; *Dobriansky L.* The Political Policy of the Ukrainian Congress Committee of America//The Ukrainian Quarterly. 1950. № 1. P. 52—64; The Non-Russian Nations in the USSR. Focal Point in America's Policy of National Liberation. Address by Dr. Lev Dobriansky. Extension of Remarks of Non. Brien McMahan in the Senate of the United States. May, 15. 1952. P. 8.
6. *Kennan G. F.* Memoirs, 1950—1963. Boston; Toronto, 1972. Vol. II. P. 96—99.
7. *Kelley R. F.* Papers, 1926—1960. Manuscript Division. Georgetown University. Washington D. C.

© 1995 г. КОРОВИЦЫНА Н. В.

ДВА РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА: ЧЕХИЯ — СЛОВАКИЯ ДО И ПОСЛЕ 1989 ГОДА

Процесс распада многонациональных государств Центральной и Восточной Европы в начале 90-х годов стал важнейшей составной частью начавшейся там общественной трансформации. Тип решения национального вопроса, характерный для современного — после 1989 г. — периода развития стран региона, противоположен предшествующему — тотально-уровнительному типу — по содержанию. Вместе с тем определенное сходство двух вариантов национальной политики, хронологически разделенных «бархатной» революцией, отчетливо проявляется в плоскости их социокультурного анализа. В данной статье он предпринят на материале Чехии и Словакии, их отношений, бывших эталонными для других стран и в течение более четырех десятилетий существования «системы социализма», и в годы осуществления их «цивилизованного развода».

Чехословацкое государство возникло в 1918 г. в результате объединения двух народов, родственных в языковом отношении, но различных по уровню экономического, социального, цивилизационно-культурного развития. Чешские земли к началу XX в. были одной из наиболее развитых в социально-экономическом отношении частей Австро-Венгрии, относительно адекватных по срокам прохождения основных этапов модернизации ее западноевропейскому типу. Словакия же и к середине текущего столетия отставала от чешского соседа по важнейшим показателям общественного развития (занятость в промышленности, доля городского населения, уровень образования и др.) на 50—80 лет [1].

Задача экономического и культурного подъема Словакии провозглашалась КПЧ после ее прихода к власти в стране в феврале 1948 г. в качестве одной из приоритетных. Процессы так называемого выравнивания уровней, составлявшие важнейшую сторону «социалистического строительства», действительно получили в Чехословакии в период 1948—1989 гг. значительное развитие. Но их содержание ограничивалось лишь главенством политического начала. Подчиненные целям борьбы за власть и ее удержание, собственно экономические, государственно-правовые, культурные преобразования имели второстепенное, производное от «генеральной линии строительства социализма» значение. Вместе с тем монополия КПЧ на государственную власть, ее идеологический диктат, сосредоточение в одних руках всех хозяйственных ресурсов и абсолютизация перераспределительных — в материальном и духовном смысле — принципов обусловили возможность осуществления крупных сдвигов во всех сферах общественной жизни Чехии и Словакии. Со-

Коровицына Наталья Васильевна — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

циализм особенно ярко проявил себя в межнациональных отношениях и «выравнивании уровней» развития отдельных наций региона, прежде всего столь различных по своим исходным общецивилизационным параметрам — чешской и словацкой. Тема «выравнивания уровней» стала в те годы одной из наиболее выигрышных в плане пропаганды успехов политики КПЧ. Между тем, пройдя весь путь «взаимного сближения» — преимущественно экономического на первом этапе «строительства социализма» в 50—60-е годы и социально-культурного на втором его этапе в 70—80-е годы, — обе стороны пришли к решению о разделе Чехо-Словацкой федерации. Этот — второй случай распада единого государства в отличие от первого — в 1939 г. — был порожден не внешними (началом второй мировой войны, ролью фашистской Германии), а теперь уже внутренними факторами. Правда, корни распада Чехо-Словацкой федерации были общими для всего посткоммунистического мира. Закономерным этапом его трансформации стала национально-государственная дезинтеграция, которую можно рассматривать как оборотную сторону предшествующей жесткой стабилизации многонациональных государств региона. Воля верховной власти в обоих случаях оказывалась гораздо более весомым фактором, чем интересы национального развития, десятилетия межнационального сближения, его объективные результаты, а тем более воля отдельных народов как субъектов общественно-исторической практики. Пример Чехии и Словакии служит тому доказательством.

До ноября 1989 г. уравнительно-перераспределительная концепция национального развития господствовала в экономике, социальной сфере, культуре Чехословакии. Так, согласно исследованиям чешского экономиста А. Балека, в пересчете на душу населения инвестиции в словацкую экономику были существенно (на 22,6%) выше, чем в чешскую, при более низком уровне производительности труда и эффективности хозяйствования в восточной части страны. Опережающий по темпам экономический рост Словакии происходил в условиях перераспределения части (5,4%) созданного в Чехии национального дохода. Причем объемы перераспределяемых из более развитых регионов страны средств постоянно возрастали, достигнув своего максимума в 80-е годы [2. S. 5, 6]. Обеспечение политической стабильности государства, ставшее особенно актуальным в период «нормализации» после событий 1968—1969 гг., оставалось главной целью перераспределительной политики властей. Предназначавшиеся не под конкретные проекты, а для подъема народного хозяйства Словакии дополнительные «финансовые вливания» выполняли позитивную функцию лишь в 50—60-е годы, пока не была ликвидирована отсталость национальной экономики. Механическое продолжение и даже расширение практики перераспределения материально-финансовых средств с запада на восток страны после 1970 г. не способствовало адекватному вложениям росту производительности труда, характерному для предшествующего периода, и значительно затруднило последующее вхождение в систему рыночных отношений как в целом Словакии, так и каждого словака [2. S. 9].

Объектом перераспределения стали и структура и уровень заработков населения. Средний уровень оплаты труда занятых в госсекторе экономики Чехии и Словакии уже к концу 60-х годов практически выровнялся [3. S. 467, 668]. Вместе с тем, хотя к этому времени уровень занятости экономически активного населения Словакии в промышленности стал наконец выше, чем в сельском хозяйстве, словацкая нация оставалась преимущественно сельской [3. S. 429, 630]. Большинство населения сохраняло черты традиционного, полупатриархального образа жизни: даже значительная часть работающих на промышленных предприятиях в городах оставалась сельскими жителями¹.

Соотношение городского и сельского населения Словакии изменилось в пользу первого в результате роста крупных и крупнейших городов в 70-е годы. Этот процесс был тесно связан со сдвигами в соотношении работников физического и умственного труда, произошедшими в то десятилетие. Они были обусловлены

¹ Подробнее об этих и других процессах социального развития Чехии и Словакии в 50—80-е годы см. [4].

быстрым наращиванием образовательного потенциала восточной части страны. Если на первом этапе послевоенной истории — в 50—60-е годы — политика «выравнивания» вылилась в крупные перемещения в социально-экономической структуре населения, то на втором ее этапе — в 70—80-е годы — были произведены еще более масштабные изменения в его социально-культурной структуре.

Крупное социологическое исследование, проведенное на территории Чехословакии осенью 1967 г. под руководством П. Махонина, показало большие расхождения в дифференциации социальной структуры чешского и словацкого населения [5]. Хотя экономическая отсталость Словакии к этому времени уже была преодолена, но существовала значительная социокультурная неадекватность двух наций: велики были различия в стандартах потребления, в уровне культуры и образе жизни. Аналогичное исследование, осуществленное на заключительном этапе «нормализации», в 1984 г., выявило уже совершенно иную картину. Социальная структура взрослого населения Чехии и Словакии действительно стала тождественной по важнейшим параметрам. Практически не осталось различий в уровне сложности выполняемого труда и его оплаты, почти одинаковым стало качество жилища, активность населения в области повышения квалификации и участия в официальной политической деятельности. Некоторые расхождения в оснащенности домашнего хозяйства предметами длительного пользования (стиральными машинами, холодильниками, цветными телевизорами) в пользу Чехии, как и большая распространенность среди ее населения типично городских форм проведения свободного времени (посещение театров, концертов, выставок, чтение художественной литературы, занятия спортом и т. д.) имели достаточно второстепенный характер. В свою очередь, словаки отличались более высоким процентом обладателей собственных домов, земельных участков, были активней в своем общении в кругу родных и близких [6].

Процессы сближения социокультурного облика чешской и словацкой наций характеризовал перераспределительный тип господствующей общественно-политической системы, проявивший себя в сфере духовной не менее, если не более ярко, чем в сфере материальной, финансовой.

Политический режим, установленный в Чехословакии после ввода туда советских войск в 1968 г., был более «благоприятным» для восточных частей страны не только в материально-финансовом отношении, а также в создании словацкого большинства в аппарате управления страной, но и в том, что в целом словацкая нация, наделенная функцией проводника процессов «нормализации» в обществе, получила некоторые преимущества в своем развитии в противовес своему западному соседу. Чешская интеллигенция как движущая сила сопротивления тоталитарному строю в годы «Пражской весны» являлась основным объектом политики «нормализации». Процесс смены руководящих кадров и специалистов после событий 1968—1969 гг. был наиболее значительным вмешательством в социальную структуру населения со времени первой чехословацкой пятилетки. Около трети всех работников, занятых нефизическим трудом, лишились мест [7. S. 11]. Масштабы смены административно-управленческого аппарата в те годы превышали аналогичные процессы после февраля 1948 г. В результате было приостановлено формирование профессиональной основы системы управления, нарушенное в годы первой пятилетки, как и начавшееся в 60-е годы быстрое развитие общественных наук. В 1968—1973 гг. численность учащихся чешских вузов была сокращена на 15%, словацких, напротив, увеличена на 6% [7. S. 29]. Однако еще более существенными были структурные сдвиги в среде студенчества, касавшиеся прежде всего его социального происхождения, политических убеждений родителей. В 1970 г. был возобновлен отбор студентов по «классовому принципу», ликвидированный в 1963 г., а учеба детей лиц, подвергнутых политическим преследованиям, запрещена [8. S. 74].

На этом фоне центр тяжести образовательной мобильности в 70-е годы однозначно сосредотачивается на получении полного среднего и высшего образования. В это десятилетие была сформирована армия новой по социальному происхождению и общественным функциям интеллигенции, противопоставленной «старой», преимущественно чешской.

Перепись населения 1980 г. впервые зарегистрировала превышение доли экономически активного населения с высшим и полным средним образованием Словакии по сравнению с Чехией. Численность населения Словакии с высшим образованием увеличилась в 70-е годы почти вдвое, с полным средним — в полтора раза [9]. Для Словакии стала характерной «полярная» структура образовательного потенциала с большей представленностью не только высших, но и низших уровней образования, при меньшей, чем в Чехии, доле обученных рабочих [10].

Опережающий рост высших уровней образования происходил не только у словаков, но и в целом у женского населения по сравнению с мужским. Именно среди женщин Словакии удельный вес дипломированных специалистов достиг максимальных показателей.

Для Словакии был характерен главным образом восходящий тип образовательной мобильности. В Чешских же землях имела место нисходящая образовательная мобильность: все чаще совершался переход от полного среднего или высшего образования у отца к рабочей квалификации у сына [11]. Переход к более низким уровням образования у детей, по сравнению с их родителями, стал одним из важнейших средств «выравнивания» уровня образования прежде всего мужского населения.

Процессы социально-образовательных перемещений конца 60—70-х годов в Чехословакии отразились прежде всего на радикальном изменении состава и численности интеллигенции. К 1978 г. доля интеллигенции в социальной структуре экономически активного населения Словакии стала выше, чем в Чехии (соответственно 23 и 22%) [12].

Особенно быстро увеличивалась в Словакии в 70-е годы занятость в тех отраслях, в которых она уменьшалась в Чехии в результате политических репрессий — в образовании и культуре, науке, в сфере управления, юриспруденции. Семидесятые годы отмечены неблагоприятным с точки зрения межнациональных отношений приливом в Чешские земли словацких служащих на фоне снижения доли рабочих из восточной части страны, рост которой был характерной чертой 50-х годов [8. S. 76]. С конца 60-х годов сократились возможности роста наиболее высокообразованных контингентов населения одной из европейских наций с наиболее высоким накануне «строительства социализма» уровнем образования. Две трети ее мужского населения было ориентировано на получение лишь рабочей квалификации. Но не менее отрицательные долговременные последствия процесс «выравнивания образовательных уровней» 70-х годов имел для молодой словацкой интеллигенции, сыгравшей роль социальной основы реализации целей второго этапа модернизации по советскому образцу. Но главное — в очередной раз две родственные нации оказались противопоставленными друг другу. По оценке чешского историка К. Каплана, в конце 60-х — первой половине 70-х годов произошло углубление различий в социально-политических интересах чешского и словацкого общества [8. S. 83].

Итак, в результате серии послевоенных социальных перемещений перераспределительного характера поколение периода «нормализации» вслед за поколением первых пятилеток претерпело процессы восходящей социальной мобильности тех групп населения, которые имели низший социокультурный статус, и, напротив, нисходящей — высшей группы. Импульсом этих перемещений послужили в первом случае события февраля 1948 г. — завоевание КПЧ власти в стране, во втором — августа 1968 г. — борьба ее за удержание этой власти. Достижение политических целей правящей верхушки основывалось на противопоставлении отдельных социальных групп и в целом наций. По оценке П. Махонина, к середине 80-х годов Чешские земли представляли собой стагнирующую часть федерации, а Словакия — прогрессирующую [6. S. 3].

Решающая фаза модернизации общества с характерным для нее повышением уровня жизни совпала для Словакии с пиком перераспределительной политики 70-х годов, которая проявилась и в сфере межнациональных отношений. Это не могло не наложить отпечатка на социокультурный облик словацкой нации на завершающем этапе ее формирования, как и не повлиять на чехо-словацкие отношения. Вместе с тем революция 1989 г. радикально изменила тип этих отношений, как и в целом тип общественного развития, предопределив после-

довавший за сменой политического режима в стране распад федерации. Чешское и словацкое население неадекватно отреагировало на начавшееся изменение системы общественных отношений, которое выявило различия теперь уже главным образом историко-культурных характеристик двух наций.

Неадекватность темпов и содержания процессов общественной трансформации Чешской и Словацкой республик, проявившаяся сразу после 1989 г., приобрела в последующие годы тенденцию к росту. Бóльшая, чем в Чехии, социально-экономическая напряженность и латентный политический кризис в сильной мере обусловлены относительно низким адаптационным потенциалом словацкого общества, т. е. особенностями социально-культурных характеристик населения, их динамики в предшествующий период. Различия между чешским и словацким обществом в этой области существуют несмотря на то, что, согласно результатам систематических социологических исследований начала 90-х годов, между ними остаются минимальные расхождения в структуре доходов, занятости и профессий, образованности, участии в управлении, качестве жилища, его оснащенности предметами длительного пользования и образе жизни [13]. То есть была достигнута идентичность социальных структур двух республик. Вместе с тем остаются многочисленными свидетельства сохраняющейся диспропорции социального и культурного начал словацкого общества, свидетельства различия двух национально-культурных типов, сформированного историей менталитета двух наций.

На фоне остальных посткоммунистических государств, в том числе Словакии, население Чешской Республики расценивает свои шансы на переход к экономике и в целом к общественной системе европейского типа как вполне реальные. Фундаментом этой уверенности служит, по-видимому, не только более негативный, чем где бы то ни было, опыт национального выживания в условиях тоталитаризма, вынужденного «возврата» к пройденному периоду исторического развития с соответствующими ему цивилизационными параметрами. Дело прежде всего в объективно сохранившемся, несмотря на все социальные перемещения 1948—1989 гг., культурном облике чешской нации, в особенностях ее самосознания как результате длительного эволюционного развития в общеевропейском контексте.

В Чехии с ее одним из наиболее высоких в период социализма уровней национализации средств производства, с практически полной государственной монополией в экономике и господством перераспределительной системы общественных отношений сдвиги в ценностных ориентациях населения в направлении приближения к категориям рыночного хозяйства оказались одними из самых, если не самыми значительными среди бывших стран «советского блока». Чехи, которые в течение 40 лет практически не имели официальной возможности частного предпринимательства, по свидетельству всех международных сравнительных исследований последних лет, оказались наиболее свободными от эгалитарных настроений и психологически готовыми к включению в рыночную экономику [14].

Около четверти опрошенных чехов реализовали свое стремление к участию в различных формах предпринимательской деятельности (как основном или дополнительном виде занятости). Количество частных предпринимателей, достигнув пика в 1993 г., относительно стабилизировалось. Правда, практическая реализация процесса формирования этой новой социальной группы осуществлялась параллельно во всех странах региона, включая Словакию, подчиняясь в целом аналогичным закономерностям. Близка и общая траектория посттоталитарной трансформации чешского и словацкого общества. Иное дело — определяющее результативность этого процесса отношение к нему в различных социальных и национальных средах, которое служит в одном случае основой стабильности общественного развития, в другом — потенциальным источником его кризисности.

Различия в социокультурном облике двух родственных наций — чешской и словацкой, — имеющие далеко не внешний и случайный характер, наиболее ярко реализовались в наши дни в сфере ценностных ориентаций, в общественно-политических взглядах и отношениях населения. Национальные различия, производные от неадекватности современного исторического опыта, в том числе опыта

существования в системе отношений либерального типа, нашли многочисленные подтверждения в материалах социологических обследований. Так, люди, которые при переходе, по определению чешского социолога П. Матейю, от общества несправедливого равенства к обществу справедливого неравенства помещают себя ниже границы бедности, более склонны рассматривать это общество как несправедливое [15]. Поэтому, например, в чешских и словацких семьях с равным уровнем доходов ощущение их недостатка очень разное. Субъективная оценка их минимальных необходимых величин в Словакии оказалась выше [16]. Представление о справедливости как уравнительном типе отношений чаще можно встретить в Словакии [17].

Выявленное социологами впервые в 1991 г. несоответствие между относительным сходством социальных структур населения Чехии и Словакии и различием структур культурных, т. е. дифференциаций ценностных ориентаций проявилось в материалах 1993 г. — с развитием процессов общественной трансформации — гораздо более интенсивно. Об этом свидетельствуют следующие данные.

	Положительная оценка процесса трансформации общества и его перспектив (в %) [6. S. 5, 8]			
	1991		1993	
	ЧР	СР	ЧР	СР
Прошлое (1989—1991)	42,3	21,5	34,3	9,7
Обозримое будущее	52,3	34,7	38,9	26,8

Спад в доле позитивно оценивающих общественную действительность в Словакии, зафиксированный осенью 1993 г., был гораздо более значительным по сравнению с Чехией. К этому времени 53% чехов, но всего 28% словаков были удовлетворены характером функционирования государственного устройства, степенью его демократизма. 71% первых, но только 44% вторых одобряли направленность общественного развития страны. Что касается хода экономической реформы, то здесь оценки были более сдержанными: к числу ее сторонников относился 51% чешского населения и всего 23% словацкого. Примерно таким же было процентное соотношение приверженцев данного типа условий самореализации в Чехии и Словакии. Принципиально различалось отношение граждан двух республик к своему правительству. К числу сторонников его политики в Чешской Республике принадлежало 68% населения, в Словацкой — всего 32% [18].

Большие различия существовали в оценке чехами и словаками динамики уровня жизни и социального обеспечения.

Положительный ответ на вопрос
«Хватает ли денег в вашем семейном бюджете на...?»
в 1993 г. (в %) [6. S. 7]

	ЧР	СР
Питание	60,4	39,8
Одежду	41,9	26,3
Жилище	42,6	28,1
Культуру и досуг	36,3	17,6
Путешествия и туризм	22,8	9,4
Здравоохранение	68,6	28,6
Образование	57,8	27,5

Сравнение приведенных выше данных с данными ретроспективной оценки теми же респондентами в 1993 г. аналогичных возможностей материального и культурного потребления по состоянию на 1988 г. показывает снижение оценки уровня жизни в обеих республиках. Но в Словакии оно проявилось гораздо острее.

Пессимистические оценки происходящего, низкая самооценка, неверие в собственные силы, страх за свое будущее жителей Словакии оказались намного более широко распространенными и глубоко укорененными явлениями, по сравнению с чешской средой. Здесь опасения возможной неудачи самих реформ более значительны, чем опасения в их социальных последствиях. Со временем межреспубликанские различия приобретают все большую остроту, в чем очевидно немаловажную роль сыграл факт разделения государства на две самостоятельные части — чешскую и словацкую в начале 1993 г.

Очередной исторический перелом, начавшийся в странах Центральной и Восточной Европы в конце 80-х годов, отчетливо высветил сохраняющиеся там значительные межнациональные различия. Они заключаются теперь уже главным образом в особенностях национально-культурных типов, истории их формирования. Так, современное словацкое общество, сложившееся в условиях тоталитарного типа модернизации середины — второй половины XX в., демонстрирует наличие более глубоких корней эгалитаризма, тяги к государственному патернализму и авторитарной форме правления, чем чешское общество, которое столетием раньше прошло модернизацию западноевропейского типа. Вместе с тем события рубежа 80-х и 90-х годов сами явились стимулом углубления межнациональных различий, выявив их наиболее полно.

Переход к полной государственной самостоятельности вызвал необходимость кардинального пересмотра путей выживания и дальнейшего развития словацкой нации, отдельных социальных групп и индивидов. В этой ситуации половина опрошенных в Словакии заявила, что государство несет ответственность за обнищание населения. В Чехии их была всего треть [6. S. 9]. Таково же соотношение считающих, что сложившаяся система отношений характеризуется очень сильным неравенством в социальном положении людей. Суждение о том, что наиболее справедливым является уравнительный способ распределения, неприемлемо для 70% чехов и 60% словаков [19].

Чехия восприняла происходящие изменения прежде всего как «возвращение в Европу». Сформированное всей национальной историей рациональное чешское сознание, способное к быстрой адаптации к новым условиям, продемонстрировало образцы оптимистических оценок посткоммунистической трансформации на фоне остальных государств бывшего «советского блока». Среди стран Вышеградской четверки Чехия оказалась наиболее либерально настроенной, как Словакия более других склонной к социалистической концепции общественного развития [20. S. 14—15]. В словацкой среде увеличивается убежденность в том, что новый общественно-политический режим, по сравнению с режимом до 1989 г., имеет больше недостатков, чем достоинств. Так считало в мае 1991 г. 11% опрошенных словаков, в январе 1992 г.—16%, в марте 1993 г.—25%, в октябре 1993 г.—31% [21. S. 10]. Почти две трети респондентов в Словакии, но вдвое меньше чехов в этой ситуации разделяли мнение, что существующий общественный строй нуждается в радикальном изменении. П. Махонин констатировал наличие относительно стабильного в среднем 20—25-процентного разрыва в оценочных — позитивных и негативных — высказываниях чехов и словаков, касающихся современной общественной действительности [6. S. 8].

В течение относительно короткого периода времени после «бархатной революции» стало явным, что чешское и словацкое общества — два мира, духовная атмосфера которых приобретает все больше национально-специфических черт. Неадекватным оказался уровень доверия этих двух народов к официальной политической линии, ее общенациональная поддержка. Все это могло служить обоснованием принятия радикального политического решения о ликвидации Чехо-Словацкой федерации. Распад единого государства произошел 1 января 1993 г.

и рассматривался властными структурами как своеобразный барьер на пути потенциального обострения межнациональных противоречий в ходе продолжавшихся несколько десятилетий споров о разграничении компетенций центральных и национальных органов власти.

Вслед за 1989 г.— годом антитоталитарной революции, 1990—1992 гг. вошли в историю Чехо-Словакии прежде всего как период распада федерации, или точнее единого, более близкого к унитарному типу, государства, просуществовавшего более семи десятилетий. Столь радикальный способ «решения» национального вопроса адекватен логике предшествующего исторического периода, когда абсолютизировалась роль государственно-политических субъектов общественного развития в противовес роли различных социальных и национальных сил.

Даже для специалистов-обществоведов, а тем более подавляющего большинства чешского и словацкого населения распад ЧСФР оказался неожиданностью [19]. Вряд ли можно объяснить факт распада федерации состоянием национального сознания народов, их стремлением к эмансипации или тем более межнациональным противостоянием, ухудшением их отношений. Исследование, проведенное в октябре 1991 г., показало, что 90% опрошенных намеревалось участвовать в референдуме по вопросу о государственно-правовом устройстве федерации. Различия между чешским и словацким населением в этом отношении были мало-значительными. В ЧР свыше 90%, в СР — 80% высказались за сохранение единого государства. По оценке социологов, если бы референдум состоялся, государство должно было быть сохранено [22].

Неудивительно, что за разделение в Чехии в конце 1991 г. высказалось вдвое больше лиц со средним и высшим образованием, т. е. служащих и интеллигенции, чем лиц с низшими его уровнями. В Словакии отношение к разделу государства практически не определялось образовательными параметрами [22].

И после раздела государства доля оценивающих его положительно была меньше, по сравнению с противниками этой акции [23. S. 25]. Конечно, она не определялась характером отношений между двумя народами. Достаточно сказать, что в общей сложности 12% населения двух республик уже составляли выходцы из национально-смешанных семей [24. S. 12]. Отношение чехов к словакам было гораздо благоприятней, чем к представителям других национальностей: у 58% — хорошее, у 31% — нейтральное [25. S. 12]. В целом распад ЧСФР не встретил массовой поддержки и одобрения ни в Чехии, ни в Словакии. Через год после разделения государства на две самостоятельные части 59% чехов и 68% словаков заявило, что лучше бы его не было [18. S. 13].

Противоположной оказалась реакция чешского и словацкого населения на факт распада федерации. Чехи, первоначально отрицавшие идею разделения государства, отнеслись к ее реализации спокойно и с пониманием. Напротив, словаки, в среде которых, казалось бы, эта идея зародилась, пережили в результате ее осуществления значительное моральное потрясение, которое усилило их неуверенность в будущем нации, вызвало состояние апатии и ностальгические настроения. Подтверждением тому — данные социологических исследований, приведенных в Словакии в 1993 г. В марте того же года 84% опрошенных заявило, что распад федерации ухудшил экономическое положение и социальную ситуацию в Словакии. То, что она «дозрела» до возможности обретения полной государственной самостоятельности, было явным всего для 18% респондентов [24. S. 12]. Аналогичное исследование, проведенное в октябре того же года, показало, что количество противников разделения увеличилось на 10%, а сторонников, напротив, сократилось на 6%.

Возможно, даже заниженная у словаков самооценка шансов на достижение уровня развитых западных государств проявилась в их сравнительной оценке перспектив для отдельных стран бывшего коммунистического блока в ближайшие 5—7 лет. Наиболее оптимистичные прогнозы делало на этот счет 58% опрошенных словаков для Чехии, уже вдвое меньше для Венгрии, 16% — для Польши и всего 13% — для Словакии [21. S. 3].

Итак, в переломный момент чехословацкой истории проявились типологические различия, реально существующие между чешским и словацким обществом. Как оказалось, эти различия не были преодолены ни длительной историей совместного существования двух народов в границах одного государства, ни бурными процессами форсированной модернизации и всеобъемлющего «выравнивания уровней». Действительно, в послевоенный период путем многочисленных проб и трагических ошибок, путем нарушения естественной эволюции общественных систем и процесса смены поколений было достигнуто относительное тождество структуры экономики Чехии и Словакии — к середине 60-х годов, — а двумя десятилетиями позже — социальной структуры населения. На этом фоне еще заметней стали историко-культурные различия, существующие между ними. Их не подавили десятилетия массовой пролетаризации, атеизации и псевдополитизации общественного сознания.

Как показали социологические данные последних лет, вся история XX в. по-разному оценивается чехами и словаками. Так, чехи высоко чтят Чехословацкое государство межвоенного периода и негативно оценивают социалистическое прошлое, а, следовательно, с большим оптимизмом смотрят в будущее. Для словаков же социализм отождествлялся с определенными позитивными переменами, а ностальгия по межвоенному периоду им не свойственна [18. S. 13]. Наконец, как показано выше, в ЧР в целом преобладает положительная оценка настоящего, в СР — отрицательная.

История Чехословакии 1948—1989 гг. вместила в себя два витка искусственного перераспределения социальных и культурных характеристик чехов и словаков. Но также как попытка возврата Чехии на более раннюю стадию цивилизационного развития, соответствующую ее восточноевропейской ориентации, в годы первых пятилеток, так и интенсивные процессы восходящей социальной мобильности населения Словакии в годы «нормализации» накопили преимущественно отрицательный опыт решения национального вопроса на основе жестокого централизма власти. Преимущественно политические методы разрешения проблем общественного, национального развития использовались и в начале 90-х годов.

Следует особо подчеркнуть, что новая волна экономических, социально-политических преобразований, вызванная событиями ноября 1989 г., наглядно продемонстрировала значимость социокультурного фактора общественной жизни стран региона. Действительно, в период смены всей системы внутренних и международных связей и отношений особенности отдельных национально-культурных типов, их естественная неадекватность находят наиболее полное проявление. Вместе с тем акцентирование национальной специфики, как в прошлом ее полное отрицание, на современном этапе общественного развития стран Центральной и Восточной Европы сыграло роль эффективного инструмента в новом раунде борьбы различных политических сил за власть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Stručný hospodářský vývoj Československa do roku 1955*. Praha, 1969. S. 78; *Hospodářský vývoj Slovenska do konca predmnichovskej republiky*. Bratislava, 1987. S. 8.
2. *Bálek A. Přesun zdrojů z České Republiky do Slovenské Republiky a stabilita Československa*. Rukopis. Praha, 1994.
3. *Historická statistická ročenka ČSSR*. Praha, 1985.
4. *Коровицына Н. В. Агония социомодернизации. Судьба двух поколений европейских наций*. М., 1993.
5. *Machonin P. Československa společnost*. Bratislava, 1969. S. 512.
6. *Machonin P. Sociological evidence on historical development of Czech-Slovak relationships*. Praha, 1994.
7. *Kalinová L. Základní podmínky a charakteristika vývoje sociální struktury československé společnosti v. 70. a 80. letech*. Praha, 1993.
8. *Kaplan K. Sociální souvislosti krizí komunistického režimu 1953—1957 a 1968—1975*. Praha, 1993.
9. *Vývoj společnosti ČSSR. Podle výsledku sčítání lidu, domů a bytu 1980*. Praha, 1985. Č. 1. S. 119.
10. *Kalinová L. Zaměstnanost, vzdělání, intenzifikace*. Praha, 1986. S. 189.
11. *Matějí P. Demokratizace vzdělání a reprodukce vzdělanostní struktury v ČSSR ve světle mobilních dat/Sociologický časopis*. 1986. № 2. S. 145, 147.
12. *Charvát F. K aktuálním problémům vývoje sociálně třídní struktury naší společnosti/Sociologia*. 1982. № 1. S. 19.

13. Čermáková M. České a slovenské ženy — shody a rozdíly//Data a fakta. 1992. № 15.
14. Social change in East-Central Europe. Statistical and survey data. Praha, 1993.
15. Matějů P. Od nespravedlivé rovnosti ke spravedlivé nerovnosti? Názory na nerovnosti a sociální spravedlnost: podzim 1991//Data a fakta. 1992. № 5.
16. Večerník J. Chudoba — různé metody, odlišné výsledky//Data a fakta. 1992. № 2.
17. Šanderová J. Proč asi většina na Slovensku mlčí?//Data a fakta. 1992. № 6.
18. Hartl J. Zajímají někoho česko-slovenské vztahy?//Sociologické aktuality. 1994. № 6.
19. Machonin P. Česko-slovenské vztahy ve světle dat sociologického výzkumu//Data a fakta. 1992. № 7.
20. Tuček M. Popular attitudes towards the transformation of Czech society. Praha, 1993.
21. Aktualné problémy Slovenska po rozpadě ČSFR. Bratislava, 1993.
22. Tuček M. Jaké by byly výsledky referenda ke státoprávnímu uspořádání?//Data a fakta. 1992. № 8.
23. Názory na společenské změny 1993. Číselník. Praha, 1993.
24. Vrabec V. Slovensko — náš soused se zvláštními vztahy. Praha, 1993.
25. Hampl S. Attitudes of population in the Czech Republic. Praha, 1993.

КРЕСТИНТЕРН И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РУМЫНИИ. 1923—1931

Крестьянство из-за своей многочисленности всегда было объектом внимания различных политических сил, в том числе и коммунистических партий. В крестьянском движении компартии видят фактор, способный ускорить момент революционного взрыва. Учрежденный в 1919 г. Коммунистический Интернационал с самого начала своей деятельности уделял большое внимание крестьянскому вопросу. При Исполнительном Комитете Коминтерна существовала Аграрная комиссия, разрабатывающая политику и тактику коммунистических партий на «крестьянском фронте». Особенно активной была деятельность Коминтерна по привлечению крестьянства на сторону коммунистического движения в 1923—1930 гг., когда значительные силы и средства были «брошены» на революционизирование крестьянского движения. Эти годы известны как «крестьянская фаза» в деятельности Коминтерна. Связана она прежде всего с деятельностью созданного в октябре 1923 г. Коминтерном Крестьянского Интернационала. Являясь вспомогательным звеном в системе Коминтерна и руководимый коммунистами, но объявленный как беспартийная крестьянская организация, Крестинтерн должен был рассеять недоверие крестьян к коммунистам, активизировать работу по созданию рабоче-крестьянского союза в мировом масштабе, войти в непосредственный контакт с существующими крестьянскими организациями (экономическими и политическими), проникнуть в них, очистить их от «реакционных элементов», подчинить их влиянию коммунистических партий и таким образом подготовить широкую основу для осуществления социальной революции.

Деятельность Крестинтерна как в целом, так и в отношении отдельных стран, исследована лишь частично [1; 2]. В полной мере это относится и к Румынии. Первые публикации, раскрывающие деятельность Крестинтерна в Румынии, принадлежат перу сотрудников Коминтерна, являющихся одновременно руководителями или сотрудниками Крестинтерна — Т. Домбалю, М. Горову (псевдоним Ив. Орманова), С. Тимову, А. Бадулеску (псевдоним Г. Московича), Е. Арборе-Рали, Б. Бошковичу (псевдоним Ф. Филиповича) и др. [3; 4]. Для этих работ характерны слабая аргументация, политизированный подход при подборе и изложении фактов, преувеличение успехов Румынской коммунистической партии (РКП) и Крестинтерна в работе среди румынского крестьянства и его организаций в течение почти 30-ти лет. После роспуска Крестинтерна в начале 1931 г. публикации о его деятельности практически отсутствовали. Основная причина этого известна — недоступность до последнего времени архивных фондов Коминтерна и Крестинтерна. Появившиеся в 60-х годах работы о деятельности Крестинтерна были написаны на основе решений конгрессов и пленумов Коминтерна по аграрному вопросу, на материалах печатных органов Коминтерна, Крестинтерна и коммунистических партий, а также воспоминаний деятелей крестьянских партий или эмигрировавших сотрудников Коминтерна. Ограниченное количество источников не могло не привести к ошибкам в фактологии и в оценках результатов деятельности Крестинтерна. Что касается исследований о Крестинтерне, опубликованных в бывших социалистических странах, то зависимость исторической науки от партийной идеологии вела не только к политизации проблемы, но в значительной степени и к искажению действительности. Этим недостатком страдает и защищенная в 1989 г. кандидатская диссертация Н. Нарыковой «Деятельность Крестьянского Интернационала по сплочению международного крестьянского движения» [5].

В предлагаемой статье на основе документального материала из фондов Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), большая часть которых впервые вводится в научный оборот, проследим усилия Крестинтерна революционизировать крестьянство Румынии и результаты этой его деятельности.

О создании Крестьянского Интернационала и его задачах (установление союза рабочих и крестьян, рабоче-крестьянского правительства, борьба за землю и борьба против войны) было сообщено в воззвании, изданном его руководящим органом — Международным Крестьянским Союзом (МКС) и распространенным почти во всех странах. Но созданный коммунистами в Москве Крестинтерн не имел собственных организаций за границей, на которые он мог опереться в своей практической работе. Свою деятельность он мог осуществлять только через коммунистические партии. Поэтому сразу же после создания Крестинтерна Исполнительный Комитет Коминтерна посылает циркуляр всем компартиям, в котором уведомляет их о создании Крестьянского Интернационала и просит оказать содействие в его работе [6. Оп. 1. Д. 191. Л. 53]. Международный Крестьянский Совет тоже разослал всем коммунистическим партиям обращение с просьбой помочь ему установить связь с крестьянскими организациями и крестьянскими деятелями [6. Оп. 1. Д. 32. Л. 18]. По настоянию МКС Пятый конгресс Коминтерна (июнь — июль 1924 г.) принял специальную резолюцию об организационных задачах коммунистических партий в деревне. Коммунистические партии обязывались в кратчайшие сроки создать при ЦК отделы по работе в деревне, постоянно уделять внимание работе среди крестьянства, участвовать вместе с крестьянами или организовывать их борьбу против лати-фундистов и капиталистов, создавать временные или постоянные блоки рабочих и крестьян для проведения общих акций [7. Ч. I. С. 132—134].

Так как во многих европейских странах (особенно в Восточной и Юго-Восточной Европе) существовали крестьянские партии, ведущие за собой большинство крестьян, одной из основных задач Крестьянского Интернационала было установление связи с ними и привлечение их к борьбе против существующего режима на стороне коммунистических партий. Понимая, что крестьянские партии, объединяющие все слои крестьянства и руководимые, как правило, представителями состоятельных сословий, не пойдут на сотрудничество с Крестьянским Интернационалом, в Коминтерне и Крестинтерне была разработана специальная тактика, предусматривающая чистку крестьянских партий от состоятельных крестьян и от «реакционных» руководителей, формирование левых течений в крестьянских партиях и по возможности создание на базе существующих крестьянских партий левых партий, разделяющих идеи и цели коммунистического движения [6. Оп. 1. Д. 45. Л. 109—110; Д. 44. Л. 176—179; Д. 85. Л. 384—389; 8]. Пятый конгресс Коминтерна обязал коммунистические партии начать кампанию за присоединение крестьянских партий и организаций к Крестьянскому Интернационалу [7. Ч. II. С. 132—134].

Обращение к трудовым крестьянам Румынии, посланное МКС в начале 1924 г. с сообщением о создании Крестьянского Интернационала в Москве и призывом включиться в его ряды [6. Оп. 2. Д. 133. Л. 4—15], ЦК РКП распространил в стране на румынском языке и языках национальных меньшинств, проживающих на территории Румынии [6. Оп. 1. Д. 2. Л. 6—64]. Тогда же, в начале 1924 г., ЦК РКП по настоянию МКС пытается установить контакт с румынской царанистской¹ (крестьянской) партией (ЦП), оформившейся в конце 1918 г. на территории Старого Королевства². Благодаря выдвинутым требованиям о предоставлении земли крестьянам и о введении прогрессивного налога царанистская партия в короткий срок смогла объединить значительные крестьянские массы. На выборах в парламент в ноябре 1919 г. она получила 43 мандата. В 1921 г. к ней присоединилась созданная в 1919 г. крестьянская партия Бессарабии. Возглавляли партию учитель Й. Михалаке, бывший русский народник, попоранист³ проф. К. Стере, д-р Н. Лупу и бывший русский социалист-революционер П. Халиппа. В царанистской партии преобладали малоимущие крестьяне и мелкая городская буржуазия главным образом из Старого Королевства и Бессарабии и в незначительной степени из Трансильвании (бывшая Австро-Венгерская провинция), где большим вниманием пользовалась национальная партия Ю. Маниу и А. Вайда-Войвода.

Свою основную задачу царанисты видели в создании трудового крестьянского хозяйства. Руководство партии подвергло критике проводящуюся с конца 1921 г. в Старом Королевстве аграрную реформу, требовало распространения реформы на вновь присоединенные провинции, настаивало на предоставлении новых уступок крестьянству со стороны государства.

Царанистское учение признавало существование классов (крестьяне, рабочие и буржуазия) и классовой борьбы. Классовая борьба понималась как борьба за установление равного представительства классов в общественной жизни нации. Идеологи царанистской партии — Й. Михалаке, В. Маджару, К. Стере признавали необходимость совместной борьбы крестьян и рабочих, но считали, что руководящей силой в этой борьбе должны быть крестьяне. Лидеры-царанисты были категорически против вовлечения крестьян в революционную борьбу под руководством коммунистов.

Ответ на сделанное в начале 1924 г. ЦК РКП предложение о создании единого фронта коммунистической и царанистской партий был отрицательным. Генеральный совет царанистской партии обосновал свой отказ положением, что их партия стоит за демократические и мирные средства борьбы и не может воспринять революционную тактику. Узнав об этом, Международный Крестьянский Совет написал новое воззвание к румынским крестьянам, в котором обвинял руководителей царанистской партии в игнорировании нужд и интересов крестьянства и призывал их объединиться с рабочими для борьбы против общего врага — капитала [9].

Международный Крестьянский Совет пытался и сам установить контакт с лидерами царанистской партии д-ром Н. Лупу и Й. Михалаке. Каждому из них было послано письмо, в котором сообщалось о задачах Крестьянского Интернационала, его составе, о существовании кооперативной секции в

¹ Царанизм — идеология крестьянской партии.

² Румыния в границах до 1914 г.

³ Попоранизм — румынское народническое движение.

МКС и об организации в ближайшем будущем Международного аграрного института при Крестьянском Интернационале, об издании печатного органа — журнала «Крестьянский Интернационал» и др. Лупу и Михалаке было предложено опубликовать в «Крестьянском Интернационале» статьи о положении крестьянства в Румынии и написать специальную брошюру на подобную тематику. Д-ра Лупу попросили прислать в МКС программу царанистской партии [6. Оп. 2. Д. 133. Л. 43. Арх. ед. 11. Л. 7].

Почту для новых планов и действий в отношении царанистской партии дали МКС проводимые в 1924 г. переговоры между царанистской партией и национальной партией Трансильвании об объединении в одну национал-царанистскую партию. Объединение не осуществилось из-за несогласия местных организаций — бессарабской, самой сильной в составе партии, и добруджанской. Генеральный секретариат МКС решает поддержать настроенные против объединения организации: издать воззвание в поддержку оппозиции, помочь ей начать выпуск своего печатного органа [6. Оп. 2. Д. 133. Арх. ед. 30. Л. 54а].

Были подготовлены и распространены в Румынии два документа: письмо-обращение к членам царанистской партии и обращение к крестьянам Румынии. В первом обращении руководители ЦП обвинялись в том, что ради объединения с национальной партией Трансильвании готовы отказаться от дефиниции партии как классовой и выражалась уверенность, что в партии найдутся силы, которые окажут противодействие «предательству» своих лидеров и «поднимут знамя крестьянской классовой борьбы за освобождение румынского крестьянства» и вместо союза с капиталистами и крупными землевладельцами из национальной партии пойдут на союз с рабочими [6. Оп. 2. Д. 133. Л. 64]. В подобном духе было написано и обращение к крестьянам Румынии [6. Оп. 2. Д. 135. Л. 65—69]. Центральному комитету РКП Международный Крестьянский Совет послал письмо, настаивая, чтобы он, используя ситуацию брожения в ЦП, установил контакт с левыми элементами в партии [6. Оп. 2. Д. 133. Л. 86].

ЦК РКП издал воззвание «Что хотят крестьяне и как им изменяют руководители крестьянской партии. Что делать?», в котором лидеры царанистской партии обвинялись в отказе от требования национализации земли, лесов, пастбищ, а значит и от идеи трудовой поземельной собственности, от классовой борьбы и т. д. В разделе «Что делать?» как основная задача было указано создание единого фронта всех трудящихся и борьба за осуществление требований экспроприации всей земли без выкупа, осуществление принципа «земля тем, кто ее обрабатывает», отмена ипотек и долгов по займам, дешевый кредит, отмена косвенных налогов, всеобщая политическая амнистия, поддержка Крестьянского Интернационала, противодействие объединению с национальной партией Трансильвании и т. п. [6. Оп. 2. Д. 133. Л. 71—81].

Но к более активной работе среди крестьянства и тем более в царанистской партии ЦК РКП не был готов. После запрещения РКП весной 1924 г.⁴ ограничили и прежние возможности для работы коммунистов. Рабочие, крестьяне, национальные меньшинства, которые прежде поддерживали РКП, переориентировались на царанистскую партию [6. Оп. 1. Д. 54. Л. 269]. Стали распадаться и некоторые структуры компартии.

В августе — сентябре 1924 г. был проведен III съезд РКП, который принял программу действий по аграрному вопросу. Она предусматривала проведение полной и безвозмездной экспроприации всей обрабатываемой земли, лесов, пастбищ вместе с инвентарем и раздачу их крестьянам, освобождение мелких и средних крестьян от всех прямых и косвенных налогов, списание долгов бедным крестьянам, государственную поддержку бедных и средних крестьян, модернизацию сельского хозяйства и т. д. В программу были выключены и политические задачи: создание единого фронта рабочих и крестьян, установление рабоче-крестьянского правительства, объединение всех балканских стран в федеративную рабоче-крестьянскую советскую республику [6. Оп. 1. Д. 54. Л. 219; 10]. Международный Крестьянский Совет одобрил программу.

В МКС и в Балканской коммунистической федерации (БКФ)⁵ надеялись, что новоизбранный на III съезде центральный комитет, имея программу по аграрному вопросу, проявит большую активность в работе среди крестьянства и установлении связей с левыми силами царанистов [6. Оп. 1. Д. 45. Л. 159—160]. Руководство Крестинтерна через представителя РКП в Балканской комфедерации Ману⁶ пыталось обязать ЦК РКП связаться с левыми в царанистской партии. Но от ЦК пришел ответ, что левой группы в царанистской партии нет [6. Оп. 1. Д. 45. Л. 159—160].

К осени 1924 г. в царанистской партии все-таки оформилось левое крыло во главе с Драпи и Стирко. Вероятнее всего, в его обособлении как отдельной группы сыграли роль Юз. Красный — представитель МКС в Балканской комфедерации в 1924 г. и Ману. Связи с РКП эта группа не имела. Ее руководители заявили, что они за союз рабочих и крестьян, за объединение крестьян всех стран, за демократизацию управления, расширение границ проведения аграрной реформы — распространение ее на территорию всей страны, осуществление принципа «земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает» [6. Оп. 1. Д. 43. Л. 137; Д. 45. Л. 137]. МКС предложил представителям группы Драпи и Стирко приехать в Вену, в БКФ, для переговоров. Но в Вену никто не приехал. В БКФ получили сведения, что представители этой группы решили поехать в Москву — в МКС. Но в Москве они так и не появились [6. Оп. 1. Д. 43. Л. 32].

Наиболее деятельной была бессарабская организация РКП. Осенью 1924 г., используя недовольство

⁴ РКП была запрещена 5 мая 1924 г. Поводом для запрещения послужило заявление ЦК РКП в связи с проводящимися в Вене румынско-советскими переговорами о Бессарабии. РКП заявила, что население Бессарабии само должно решить свою судьбу.

⁵ Региональная организация Коминтерна.

⁶ Неустановленный псевдоним.

крестьян Бессарабии тем, что аграрная реформа сопровождалась «румынизацией» деревни, ей удалось поднять восстание в Южной Бессарабии. 15 сентября 1924 г. крестьяне в селе Татар-Бунар вышли на улицу с оружием и красными знаменами. Восстание быстро охватило большую территорию. Его лозунгом было установление рабоче-крестьянской власти. Руководители стремились распространить восстание на всю Бессарабию и установить там советскую власть. В ходе восстания был восстановлен, созданный в 1917 г. под влиянием революционных событий в России и распущенный после вступления румынской королевской армии в декабре 1917 г. в Бессарабию, Союз революционных крестьян Бессарабии.

В течение 20-ти дней восстание было подавлено. Руководство царнистской партии не поддержало восстание. В парламенте и печати лидеры ЦП назвали восставших крестьян «жертвами большевистских агентов» [4. С. 29]. Часть партии, особенно ее бессарабская организация, не разделили эту одностороннюю оценку восстания. По их мнению (К. Стере и др.), недовольство крестьян аграрной реформой огромно и оно не могло не проявиться, а руководители ЦП недостаточно учитывают интересы крестьян [4. С. 29].

Отношение к Татар-Бунарскому восстанию стало еще одной из причин обострения разногласий в руководстве ЦП. На этот раз против официальной линии руководства выступили Й. Михалаке и д-р Н. Лупу. Разногласия стали особенно очевидны накануне IV съезда партии. В первой половине октября, за 10 дней до начала съезда, д-р Лупу по настоянию части руководства партии и в связи с приглашением руководителя Хорватской республиканской крестьянской партии Ст. Радича едет в Загреб для переговоров. Так как в июне — июле 1924 г. Ст. Радич был в Москве и официально оформил присоединение своей партии к Крестьянскому Интернационалу⁷, в печати в Румынии и за границей стали распространяться предположения, что и д-р Лупу ориентируется на вступление в Крестинтерн [6. Оп. 1. Д. 43. Л. 32; 11]. Почти вся румынская печать осудила поездку Лупу в Загреб, называя царнистскую партию тайной сторонницей Третьего Интернационала [4. С. 29].

В докладе о политическом положении и задачах партии на IV съезде царнистской партии (24—26 октября 1924 г.) д-р Лупу раскритиковал политику правительства по проведению аграрной реформы, вскрыл злоупотребления при ее проведении, обвинил правительство в обострении положения в Бессарабии. Лупу сделал вывод, что подобная политика способствует укреплению левых сил в стране и царнистская партия должна бороться против этого всеми силами. Критике была подвергнута политика правительства и в докладе по аграрному вопросу Й. Михалаке и во многих других выступлениях делегатов на съезде. Но никто, кроме сторонников К. Стере, не поставил вопрос о необходимости совместной борьбы крестьян с рабочими против правительственной политики [6. Оп. 1. Д. 54. Л. 240—241].

Рассчитывая на противоречия в руководстве царнистской партии и контакты д-ра Лупу со Ст. Радичем, МКС решает послать поздравительную телеграмму съезду, адресовав ее лично Лупу. В телеграмме была высказана надежда, что съезд выскажется в поддержку платформы Крестьянского Интернационала [6. Оп. 2. Д. 133. Л. 54]. Но прежде чем попасть к адресату, телеграмма была опубликована в газете «Universul», а д-ру Лупу была передана машинописная копия. Правительственные круги использовали этот случай для организации широкой кампании против д-ра Лупу и всей партии, обвиняя его в связи с Москвой и МКС. Прозвучало и предложение объявить царнистскую партию вне закона.

Пользуясь случаем, что румынская пресса заговорила о Крестьянском Интернационале, Президиум МКС решает использовать ситуацию для популяризации организации. 29 ноября 1924 г. МКС посылает письмо «Крестьянам и крестьянкам Румынии», адресованное Генеральному исполнительному совету царнистской партии с копией в ее печатный орган — газету «Auroga». В нем указывалось, что это уже четвертое обращение Крестьянского Интернационала к румынским крестьянам с предложением установить контакты. Президиум МКС выразил надежду, что это его письмо будет опубликовано в печатном органе царнистской партии и исполнительный комитет партии решит вопрос о ее отношениях с Крестьянским Интернационалом [6. Оп. 2. Д. 133. Л. 22—25]. Это письмо было конфисковано органами безопасности. В правительственной прессе было изложено содержание письма, что привело к новым нападкам и угрозам в адрес руководства ЦП.

В начале декабря 1924 г. Президиум МКС отправил генеральному совету царнистской партии предложение послать в СССР делегацию румынских крестьян, которая познакомилась бы с правовым и экономическим положением крестьян в СССР [12]. Эта телеграмма также была отпечатана в «Universul». Причем содержание ее было изменено и получилось, что МКС приглашает в СССР только крестьян-коммунистов [6. Оп. 1. Д. 45. Л. 159]. Оба письма МКС — ноябрьское и декабрьское остались без ответа.

Нападки со стороны правительства на царнистскую партию после каждого нового письма, телеграммы или обращения МКС к ее руководству, ведущие к ухудшению политического климата в стране, заставили ЦК РКП обратиться к МКС с разъяснением, что вмешательство коммунистов в работу ЦП может стать поводом для ее разгрома. ЦК рекомендовал МКС временно прекратить посылать в царнистскую партию предложения об установлении связей с Крестьянским Интернационалом. МКС может издавать обращения, но не к партии, а к крестьянам всей страны [6. Оп. 1. Д. 67. Л. 122].

В Президиуме МКС согласились с мнением ЦК. Но в ответе было указано, что компартии следует усилить организационную и пропагандистскую работу снизу — непосредственно среди крестьянства, в царнистской партии и других крестьянских организациях, создавать в них коммуни-

⁷ В том же 1924 г. связь Ст. Радича и его партии с Крестьянским Интернационалом прервалась.

стические фракции, которые затем установили бы нелегальную связь с Крестинтерном и проводили бы его политическую линию [6. Оп. 1. Д. 67. Л. 122]. МКС также рекомендовал РКП заняться созданием в селах своих организаций среди крестьянства под видом комитетов в их защиту [6. Оп. 1. Д. 95. Л. 122].

Таким образом все попытки МКС в 1924 г. и в первые месяцы 1925 г. самостоятельно или с помощью РКП привлечь внимание крестьянства Румынии к деятельности Крестьянского Интернационала, связаться с царанистской партией не дали результатов. Идеи Крестьянского Интернационала явно не соответствовали интересам широких масс крестьянства Румынии, которое в 20-е годы думало не о революции, а об улучшении своего положения. Проведение аграрной реформы при всех ее недостатках значительно уменьшило революционные настроения у крестьян. Тесная связь Крестьянского Интернационала с Коминтерном отталкивала от установления контактов с ним даже политические силы радикального направления. Из-за отсутствия необходимых каналов и плохой организованности МКС не смог установить связь с прокоммунистически настроенной группой Драги и Стирко в царанистской партии, сформированной с помощью коммунистов — сотрудников БКФ, и с продолжившим свою деятельность после подавления Татар-Бунарского восстания Союзом революционных крестьян Бессарабии.

В апреле 1925 г. МКС провел свой II пленум⁸, который должен был обобщить результаты полугодичной деятельности Крестьянского Интернационала и наметить план работы на следующий год. Проведение пленума было приурочено к созыву Пятого расширенного пленума ИККИ (21 марта — 6 апреля 1925 г.). Президиум МКС, неудовлетворенный работой компартий среди крестьянства и его организаций, настаивал, чтобы пленум ИККИ вновь обратил внимание коммунистических партий на работу в аграрном секторе и принял соответствующие решения [6. Оп. 1. Д. 40. Л. 138—141]. Пятый пленум Коминтерна принял тезисы по крестьянскому вопросу, которые учитывали все предложения МКС [7. С. 594—596].

Второй пленум МКС собрался через три дня после окончания V пленума ИККИ. Так как деятели крестьянских партий и организаций не отозвались на приглашение МКС принять участие в пленуме, его делегатами были коммунисты, связанные с работой в сельском хозяйстве и принимавшие участие в работе V пленума ИККИ. Румыния была представлена двумя румынскими коммунистами из Бессарабии — В. В. Савельевым и И. Д. Усканзом [6. Оп. 1. Д. 20. Л. 3, 5—6]. Пленум отметил, что за первые полтора года своей деятельности МКС успел через издание обращений, воззваний, протестов, телеграмм, открытых писем и т. д. заявить о себе, начата работа среди крестьянства и его организаций, но о конкретных достижениях в установлении связи с широкими массами крестьянства говорить еще рано. Пленум принял резолюцию по крестьянскому вопросу, в основном повторяющую соответствующую резолюцию Пятого расширенного пленума ИККИ [6. Оп. 1. Д. 18. Л. 67—70, 72; Арх. ед. 61. Л. 25].

В документах пленума МКС было подчеркнуто, что доверие малоимущих крестьян коммунистическим партиям могут завоевать только путем выработки с учетом специфики развития отдельных областей совместных аграрных программ; включения беспартийных крестьян в списки компартий во время местных и парламентских выборов; поддержки крестьян при создании новых местных крестьянских организаций для защиты их интересов и участия в борьбе крестьян [6. Оп. 1. Д. 17. Л. 22].

На пленуме были приняты и планы конкретной работы по странам. Относительно Румынии было решено: в Старом Королевстве, Бессарабии, Банате и Добрудже, т. е. в областях, где крестьяне объединены или идут за царанистской партией, вести работу по ее организационному укреплению, усилению левого крыла в ней и привлечению ее на сторону Крестьянского Интернационала. Там, где организации царанистской партии не существует, создавать крестьянские союзы или комитеты, которые стали бы организаторами борьбы крестьянства в защиту их интересов [6. Оп. 1. Д. 18. Л. 190—191].

В МКС надеялись, что решения Пятого расширенного пленума ИККИ по крестьянскому вопросу и второго пленума МКС дадут новый толчок в работе компартий среди крестьянства и их политических партий. Действительно, ЦК РКП провел в июле 1925 г. пленум, который наметил выполнение ряда задач, на которых настаивал МКС: в предстоящей кампании по выборам в общинные и окружные советы участвовать под лозунгом единого фронта рабочих и крестьян; провести областные крестьянские конференции; для их подготовки выделить двух агитаторов [6. Оп. 1. Д. 67. Л. 122, 152, 155—156].

Но задача созыва областных крестьянских конференций оказалась непосильной [6. Оп. 1. Д. 67. Л. 155—156]. Безуспешными оказались и новые попытки РКП установить контакт с царанистской партией, даже с ее левонастроенными деятелями. Не достигли нужного результата и усилия РКП создать рабоче-крестьянский блок в связи с выборами в местные органы власти летом 1925 г. Согласно разработанному БКФ плану, РКП должна была для руководства избирательной кампанией создать рабочие комитеты в городах и организовать создание крестьянских комитетов в селах. Эти комитеты должны были послать своих делегатов на конференцию в Бухарест, которая в свою очередь избрала бы центральный избирательный комитет рабочих и крестьян. Таким образом, рабочие и крестьянские комитеты должны были начать кампанию за единый фронт снизу и сверху. Но в ЦК эта программа была воспринята как программа создания новой легальной рабочей партии, защищающей интересы рабочих и крестьян. В результате возникла легальная организация Рабоче-крестьянский блок (РКБ), главным образом из коммунистов. Создание ее не только свидетельствовало о том, что у РКП нет ни сил, ни объективных возможностей для осуществления предложенной Коминтерном тактики единого фронта, но и обнаружило непонимание ею указаний Коминтерна и Крестинтерна [6. Оп. 1. Д. 67. Л. 152].

⁸ Первый пленум МКС был проведен сразу же после создания Крестьянского Интернационала в октябре 1923 г.

После 1925 г. начался распад РКП, достигший кульминации к 1928 г. В этот период приостанавливается и та минимальная работа, которую вела РКП среди крестьянства. Прекращаются всякие контакты с левонастроенными крестьянами и крестьянскими деятелями. Более того, значительная часть коммунистических ячеек влилась в царнистскую партию [6. Оп. 1. Д. 208. Л. 24; Д. 219. Л. 124].

Спад революционного движения в Европе, заметная стабилизация в экономике и политической жизни в середине 20-х годов были основными причинами слабой результативности деятельности коммунистических партий, в том числе и среди крестьянства. Коминтерн не мог не признать факт экономической стабилизации в Европе. Но вместо реальной оценки новой ситуации, в Коминтерне была разработана концепция общего кризиса капитализма. Смысл ее заключался в следующем: стабилизация капитализма действительно наблюдается, но она имеет относительный, временный, частичный и неустойчивый характер; так как стабилизационные меры в капиталистических странах базируются на все усиливающейся эксплуатации трудящихся масс, то это непременно приведет к обострению классовой борьбы и подготовит решающий революционный взрыв [7. С. 626, 629]. Исходя из этой теории руководители Коминтерна и Крестинтерна прогнозировали, что быстрый и высокий рост палогов, усиление недовольства крестьян, неизбежный аграрный кризис приведут к перерастанию протестов крестьян в революционные действия и настаивали на усилении работы компартий среди крестьян и их организаций.

В принятой на VI пленуме ИККИ (июль 1926 г.) резолюции «О крестьянской работе» коммунистическим партиям вновь напоминалось, что в связи с усилением классовой борьбы в мировом масштабе и продолжением борьбы за крестьянство между буржуазией и пролетариатом они обязаны обратить внимание на работу в массовых крестьянских организациях, использовать их для проникновения в крестьянскую среду, способствовать усилению в них оппозиционных (левых) течений и групп [13. Оп. 18. Д. 447. Л. 1—5].

Исходя из этих решений, но не учитывая положения и возможностей румынской компартии, ИККИ и МКС продолжали настаивать, чтобы ЦК РКП связался с представителями левого течения в царнистской партии и оказал бы им помощь в организационном оформлении и усилении левого течения, занялся бы созданием крестьянских комитетов. МКС предлагал РКП начать издание крестьянской газеты (обещая материальную помощь), в которой обсуждались бы жизненно важные для крестьян вопросы и которая стала бы центром объединения левонастроенных крестьян и крестьянских деятелей [6. Оп. 1. Д. 96. Л. 30].

В ходе предвыборной кампании 1926 г. (в общины и в парламент) вновь проявилось стремление национальной партии Трансильвании и царнистской партии к объединению. 10 октября было подписано соглашение об их объединении в национал-царнистскую партию (НЦП) и согласована программа новой партии. Царнисты пошли на уступки в идейно-политическом и организационном плане. Царнистская партия отказалась от понятия «классовая борьба» и лозунга о конфискации латифундий. В основу программы НЦП был положен принцип «национальной солидарности» (т. е. идеи Великой Румынии) и экономическая доктрина «открытых дверей», предусматривавшая привлечение иностранных капиталов и усиление экономических связей с развитыми государствами. Это противоречило политике правящей национал-либеральной партии, а также взглядам некоторых лидеров царнистской партии, особенно бессарабской организации, убежденных, что будущее Румынии связано прежде всего с развитием сельского хозяйства [6. Оп. 1. Д. 208. Л. 24; Д. 219. Л. 24]. Новая партия заявила о своей преданности монархии. Председателем НЦП был избран Ю. Маниу, заместителями председателя — А. Вайда-Войвод и двое царнистов — Й. Михалаке и д-р Лупу. По численности и социальной базе НЦП стала самой значительной политической силой в Румынии.

В МКС ожидали, что бессарабская организация царнистской партии не согласится с объединением и выйдет из НЦП. Но вышел из НЦП только д-р Лупу⁹. Он основал новую крестьянскую партию, приступил, по его выражению, к восстановлению старой царнистской партии [6. Оп. 1. Д. 158. Л. 76]. Но у него было немного сторонников. В МКС сложилось мнение, что партия д-ра Лупу по своей экономической и политической программе даже более реакционна, чем НЦП, да к тому же малочисленна [6. Оп. 1. Д. 54. Л. 222], поэтому интереса к ней не возникло.

После объединения царнистов с национальной партией руководство РКП считало, что создание левого крыла в НЦП — иллюзия и нужно искать другие формы объединения левонастроенных крестьян [6. Оп. 1. Д. 28. Л. 117]. Но в Коминтерне и в Крестьянском Интернационале по-прежнему настаивали, чтобы РКП продолжила тактику, применяемую ранее в царнистской партии, — сформировать в НЦП левую группу, работающую на основе платформы Крестинтерна [6. Оп. 1. Д. 104. Л. 36; Д. 24. Л. 159], а при возможности создать в ней кофракцию [6. Оп. 1. Д. 132. Л. 284—285].

В 1927 г. в МКС не поступило почти никаких сведений из Румынии. В Президиуме МКС вынуждены были признать, что РКП из-за нелегальных условий существования никакой работы среди крестьянства не ведет. Ничего не сделано и для установления связи с левыми в НЦП [6. Оп. 1. Д. 132. Л. 282—285]. Безуспешной оказалась и предпринятая МКС попытка связаться с оставшимися после распада Союза революционных крестьян Бессарабии его местными организациями. При содействии руководителя Бессарабской организации РКП Александра при областном комитете РКП в Бессарабии была создана инициативная группа, которая связалась с этими организациями и начала снабжать их издаваемой Крестьянским Интернационалом литературой. Но существующие в бессарабских селах коммунистические ячейки не проявили никакого интереса ни к действиям инициативной группы, ни вообще к работе среди крестьян [13. Оп. 1. Д. 4. Л. 10, 14].

⁹ В 1934 г. Лупу вернулся в НЦП.

В связи с предстоящими в июле 1927 г. выборами в парламент Коминтерн и Крестинтерн рекомендуют ЦК РКП выдвинуть лозунг о создании широкого единого фронта снизу доверху и обратиться с предложением о его формировании ко всем оппозиционным партиям. В связи с этим в подготовленную РКП предвыборную платформу были внесены изменения: требование экспроприации всей земли было заменено положением о «расширении аграрной реформы в пользу всех крестьян», а требование создания условий для свободного развития национальных меньшинств, их права на самоопределение вплоть до отделения вообще снято [13. Оп. 1. Д. 188. Л. 7—9]. Но ни одна из партий не отозвалась на предложение РКП. Рабоче-крестьянский блок вновь был представлен только коммунистами. На состоявшихся в июле 1927 г. парламентских выборах НЦП получила около 700 тыс. голосов и вышла по количеству мандатов на второе место после либералов, а РКП получил только 30 тыс. голосов.

Разразившиеся в конце 20-х годов в Румынии события: смерть короля Фердинанда, поддерживавшего правящую национал-либеральную партию, а затем и смерть лидера НЛП премьер-министра Й. Братиану, реконструкция правительства, организация национал-царанистской партией народных демонстраций с требованием отставки либерального правительства и предоставления мандата НЦП во главе с Ю. Маниу на формирование нового кабинета, — были полной неожиданностью для МКС. Его руководство обвинило РКП в том, что компартия не смогла предвидеть эти события и упустила возможность установить взаимодействие рабочих и крестьян [13. Оп. 1. Д. 162. Л. 98]. Были отправлены указания в адрес ЦК РКП включиться в крестьянское движение и «направить его по революционному пути» [13. Оп. 1. Д. 162. Л. 98—99; Арх. ед. 173. Л. 73].

В 1927—1928 г. Коминтерн прилагает большие усилия для восстановления деятельности РКП. Обострение политической ситуации в Румынии заставило его форсировать первоначальные темпы. 29 июня — 2 июля 1928 г. в г. Харькове было созвано расширенное совещание РКП, которое объявило себя IV съездом РКП. Съезд избрал новый ЦК. Генеральным секретарем был назначен член Украинской компартии В. Холостенко. Съезд констатировал чрезвычайно слабое внимание РКП к крестьянскому вопросу и наметил несколько основных задач по работе на селе: создание партийных ячеек в селах, руководство национально-революционным крестьянским движением через коммунистические фракции; аграрно-крестьянского вопроса всеми партийными организациями и т. п. [13. Оп. 69. Д. 11. Л. 1; Д. 14. Л. 77].

Чтобы помочь РКП организовать работу среди крестьян, МКС подготовил и отправил в Румынию программу, которая могла бы привлечь крестьян на сторону компартии, включающую следующие положения: конфискация крупных земельных владений и сельскохозяйственного инвентаря и предоставление их безземельным и малоземельным крестьянам без выкупа; прекращение колонизации и румынизации, возвращение турецким, болгарским и крестьянам других национальностей отнятых у них земель, снабжение крестьян семенами, отмена налогов на скот, дома и т. д. [6. Оп. 1. Д. 189. Л. 160—161]. Так как РКП имела возможность вести легальную работу только через Рабоче-крестьянский блок, было предложено придать ему, фактически являющемуся «не блоком организаций, а блоком известных личностей, и то коммунистов», правильную организационную форму [6. Оп. 1. Д. 162. Л. 99]. Для оказания непосредственной помощи ЦК РКП в организации работы среди крестьянства МКС решил послать в Румынию своего сотрудника. Национально-царанистская партия на этот раз осталась вне планов Крестинтерна.

В ноябре 1928 г. деятельность НЦП увенчалась успехом. После отставки 3 ноября 1928 г. правительства В. Братиану, мандат на формирование нового правительства получил Ю. Маниу. 10 ноября кабинет был сформирован. От царанистов в него вошли Й. Михалаке (министр земледелия) и П. Халиппа (министр общественных дел). В конце ноября новое правительство выступило с декларацией-манифестом, в котором заявило о своем намерении провести в стране административную реформу (децентрализацию управления), судебную (независимость судебной системы от политической), военную (армия должна быть только средством обороны), оказывать помощь инвалидам, вдовам, сиротам, внимательно относиться к нуждам рабочих, устранить допущенные при проведении аграрной реформы злоупотребления, предоставить равные права иностранному и румынскому капиталам и т. д. [6. Оп. 1. Д. 162. Л. 33—38]. Новое правительство отменило цензуру печати, смягчило политическую атмосферу в стране. Создались более благоприятные условия и для работы РКП. Во время кампании по выборам в парламент в декабре 1928 г. РКП официально представила свои списки кандидатов в депутаты, легально издавала свою газету.

В Коминтерне и Крестьянском Интернационале победа НЦП была воспринята лишь как победа одной буржуазной партии над другой, а оглашенная ею программа как демагогия, не отвечающая интересам рабочих и крестьян и имеющая целью усилить развитие капитализма. Провозглашенная в декларации политика «открытых дверей» для иностранного капитала была оценена как полная капитуляция перед иностранным финансовым капиталом, ведущая страну к экономической и политической зависимости от международного капитала и превращающую ее в полуконию развитых государств [13. Оп. 1. Д. 12. Л. 77—78, 80, 88—89].

В ЦК РКП, в ИККИ и в МКС многократно обсуждались сложившаяся новая политическая ситуация и вопрос об отношении к НЦП. ЦК РКП считал, что в новых условиях нет смысла формировать левое крыло в НЦП. Более целесообразно следовать резолюции четвертого съезда РКП и создавать крестьянские комитеты, к которым присоединились бы оппозиционные члены НЦП [6. Оп. 1. Д. 28. Л. 117; 13. Оп. 69. Д. 18. Л. 10, 11]. При обсуждении вопроса в МКС мнения разделились. Одни (Ив. Орманов, В. Коларов, С. Дубровский, С. Тимов) отстаивали старое положение о необходимости создания левого крыла в НЦП, а другие — главным образом представители РКП в Международном Крестьянском Совете (Г. Москович, Рваль, Иванов) поддерживали мнение ЦК РКП и решения четвертого съезда РКП по крестьянскому вопросу [6. Оп. 1. Д. 28. Л. 103, 107—108,

116, 123, 131, 135; 13. Оп. 69. Д. 18. Л. 12, 27—28]. Единой позиции МКС не выработал, поэтому было решено вопрос о работе среди крестьян — членов НЦП обсудить в Политсекретариате ИККИ. РКП было рекомендовано усилить работу против НЦП, активизировать организационную и политическую деятельность среди бедных и средних крестьян, в том числе и среди тех, кто находится под влиянием НЦП, чтобы достичь «полной изоляции НЦП от крестьянских масс» [6. Оп. 1. Д. 191. Л. 184]. Последующие события показали, насколько нереальны были планы Крестинтерна в Румынии.

К концу 1929 г. связь РКП с деревней все еще была очень слабой; газета для крестьян так и не вышла; не был создан и отдел по работе в деревне, а только назначен ответственный за работу среди крестьянства; Рабоче-крестьянский блок существовал как лозунг и как ширма для РКП. Причины этого состояния одни видели в «сектанстве», т. е. в непризнании роли крестьян в революционной борьбе, другие — в существующем в партии «правом уклоне», представители которого считали, что национал-царанистское правительство сможет осуществить намеченные реформы [13. Оп. 69. Д. 19. Л. 16]. Действительные же причины неудачи работы РКП в деревне, кроме слабости партии, были в стабилизации экономики Румынии, в том числе и в сельском хозяйстве, и в курсе правительства на создание слоя сильного среднего крестьянства.

Центральное место в работе Крестинтерна в 1929 г. занимала подготовка созыва в Берлине, в конце марта 1930 г., Европейского крестьянского конгресса. МКС рассчитывал, что подготовка конгресса и сам факт его проведения будут способствовать расширению влияния Крестинтерна в Европе. Летом 1929 г. МКС разослал во все компартии подробную директиву с указаниями о подготовке конгресса. Коммунистические партии должны были организовать проведение крестьянских собраний с разъяснением задач созыва Европейского крестьянского конгресса (объединение крестьянских масс для борьбы против эксплуатации и прогнозирувшегося сельскохозяйственного кризиса, объединение рабочих и крестьян в борьбе против капитализма, борьба с опасностью новой войны и наступлением фашизма), обеспечить формирование на этих собраниях крестьянских комитетов, которые выдвинули бы делегатов на Европейский крестьянский конгресс. Вся кампания должна была проходить под знаком единого фронта.

Для оказания помощи РКП в подготовке к Европейскому крестьянскому конгрессу МКС решает послать в Румынию своего сотрудника, итальянского крестьянского деятеля Г. Мильоли, члена созданного в Берлине в связи с подготовкой конгресса Временного европейского комитета (ВРЕК). Мильоли было также поручено собрать информацию о НЦП, встретиться с радикально настроенными депутатами-царанистами, выяснить возможность издания в Румынии радикальной крестьянской газеты, которая стала бы центром объединения крестьян на платформе Крестьянского Интернационала [6. Оп. 2. Д. 191. Л. 87—88; Д. 198. Л. 4—5]. Мильоли прибыл в Румынию в октябре 1929 г. Но ЦК РКП не смог подготовить условия для работы Мильоли, и он не выполнил ни одну из поставленных перед ним задач. А в отчете о своей командировке в Румынию Мильоли отметил, что РКП не только не смогла ему помочь в работе, но и представила неверную информацию [6. Оп. 1. Д. 191. Л. 288; Арх. ед. 198. Л. 255; Д. 202. Л. 50—51].

Под давлением МКС вторая конференция ЦК РКП (октябрь 1929 г.) приняла решение начать широкую кампанию среди крестьянских масс по подготовке Европейского крестьянского конгресса. К этой работе должны были быть привлечены все существующие сельские партийные организации, издан специальный бюллетень [6. Оп. 2. Д. 139. Л. 1]. 7 ноября 1929 г. ЦК РКП провел совещание с коммунистами, работавшими среди крестьян, на котором был поставлен вопрос об организации общерумынской крестьянской конференции и избрании национального комитета для подготовки Европейского крестьянского конгресса.

Но ни в ноябре, ни в начале декабря общенациональная конференция в Румынии проведена не была и национальный комитет не был создан. В середине декабря ВРЕК вновь посылает в Румынию своего сотрудника — Кемптера¹⁰. Он застал в Румынии следующее положение: крестьянские комитеты были созданы только в Бессарабии, Добрудже и Банате и то как органы борьбы крестьян за их непосредственные нужды, не имевшие никакого намерения выступать в поддержку созыва Европейского крестьянского конгресса. В Трансильвании, Старом Королевстве имелись только доверенные лица ЦК, осведомленные о подготовке конгресса. Ни с одной из крестьянских организаций или с отдельными крестьянскими деятелями связь не была установлена. Секретарь крестьянского отдела Рабоче-крестьянского блока, ответственный за подготовку конгресса и издание бюллетеня, почти никакой работы не провел [6. Оп. 1. Д. 138. Л. 34].

С помощью Кемптера ЦК РКП создал комитет для подготовки Европейского крестьянского конгресса. В новогоднюю ночь 1929/1930 г. и 1 января в Констанце нелегально заседала национальная конференция представителей революционных крестьянских организаций. Ожидалось участие делегатов от 10 организаций, но прибыли от восьми: два представителя от Добруджанской революционной организации и по одному от крестьянских комитетов и организаций в Дубуше, Бессарабии, Банате, Буковине, Старом Королевстве и Трансильвании. Не прибыл делегат из буковинской организации («Вызволене») и из Бессарабии из-за затрудненной связи. Таким образом, присутствовали в основном представители из национальных областей, из созданных Коминтерном национально-революционных организаций, являвшихся по своему социальному составу крестьянскими, а часто и использовавших для прикрытия своих местных организаций форму крестьянских комитетов. На конференции присутствовали представитель ЦК РКП и член руководства РКБ, Конференция заслушала доклады и отчеты делегатов о результатах аграрной реформы в их областях, о политике национал-царанистского правительства, об опасности фашизма в Румынии, о положении румынских крестьян, т. е. вопросы, которые должны были рассматриваться на конгрессе [6. Оп. 1. Д. 138. Л. 36, 37].

¹⁰ Неустановленный псевдоним.

Конференция избрала национальный комитет для подготовки Европейского крестьянского конгресса. В его состав вошли 10 делегатов конференции. Председателем был избран не прибывший на конференцию член «Вызволена», а секретарем — представитель РКБ. До 15 января должно было быть сформировано бюро национального комитета. Национальный комитет должен был обратиться с воззванием к трудящимся крестьянам Румынии по поводу созыва Европейского крестьянского конгресса, а бюллетень национального комитета и крестьянские газеты в Добрудже, Бессарабии его отпечатать. Были определены и шесть делегатов для участия в конгрессе.

Присутствующий на конференции в Констанце представитель ЦК РКП выразил сомнение, что РКП сможет провести всю необходимую подготовку к конгрессу. Предположения его полностью оправдались. Бюллетень не был опубликован, хотя ВРЕК обеспечил все необходимое для издания. Работа по созыву крестьянских собраний, конференций велась нелегально и не могла принять сколько-нибудь значимые размеры [6. Оп. 1. Д. 222. Л. 11]. А национал-царанистское правительство запретило румынским делегатам выезжать из страны для участия в конгрессе. НЦП смотрела на созыв Европейского крестьянского конгресса как на «дело большевиков» и отвергала все начинания и акции, связанные с созывом этого конгресса. Только один делегат от Румынии смог прибыть на конгресс в Берлин, так как был эмигрантом.

Состоявшийся 27 и 28 марта в Берлине Европейский крестьянский конгресс принял платформу, предусматривающую свержение власти крупных землевладельцев и капиталистов, образование рабоче-крестьянского правительства, безвозмездную конфискацию всех латифундий, ликвидацию налогов и т. д. Международный крестьянский совет отметил, что в ходе подготовки конгресса вдвое увеличилось число стран, в которых Крестьянский Интернационал установил связь с крестьянскими организациями. Среди них была и Румыния. По мнению МКС, принятая на конгрессе платформа послужит политической и организационной базой для дальнейшего развития крестьянского движения. Чтобы использовать до конца результаты работы конгресса, было решено продолжить популяризацию платформы и решений Европейского крестьянского конгресса, а также линию на создание крестьянских комитетов [6. Оп. 1. Д. 223. Л. 15—16; 14].

Международный Крестьянский Совет настаивал, чтобы РКП развернула работу по созданию сети крестьянских комитетов на основе решений конференции в Констанце и платформы, принятой Европейским крестьянским конгрессом, начала бы издавать крестьянскую газету. Но как и накануне Европейского крестьянского конгресса, РКП оказалась беспомощной в формировании широкого левого крестьянского движения, в создании крестьянских комитетов. До конца 1930 г. ничего конкретно в этом направлении не было предпринято. Только крестьянские организации, созданные в Добрудже, и крестьянские союзы в Бессарабии развили организационную деятельность. Но и они действовали нелегально и не могли стать базой для широкого левого крестьянского движения [6. Оп. 1. Д. 138. Л. 37].

Вопреки настоянию МКС, РКП не связалась и с членами НЦП, так как считала, что не только бесполезно, но и вредно работать для идеологического и организационного оформления революционно настроенной левой группы в НЦП. Лучше сосредоточить усилия на создании крестьянских комитетов [15].

Что касается НЦП, то в 1930 г. в организационном и численном отношении она была самой сильной партией в Румынии. Почти в каждом селе существовали ее низовые организации. Она руководила кооперациями и профсоюзами сельскохозяйственных рабочих [6. Оп. 1. Д. 138. Л. 37].

Слабая результативность деятельности Международного Крестьянского Совета и коммунистических партий среди крестьянства и его организаций, одним из примеров которого было и состояние работы МКС в Румынии, полный провал идеи представить Крестьянский Интернационал как беспартийную массовую крестьянскую организацию, способную помочь коммунистическим партиям установить связи с другими организациями крестьянства, заставили Коминтерн поставить вопрос о целесообразности существования Крестьянского Интернационала. 12 января 1931 г. было принято решение о роспуске Крестинтерна.

Работа Крестьянского Интернационала в Румынии потерпела неудачу. Причины различны. Прежде всего, это отсутствие интереса крестьян к коммунистической идеологии и революционной борьбе. Поднявшаяся после первой мировой войны волна революционного движения крестьянского брожения вскоре спала и любые решения о подъеме революционного движения крестьян были обречены на провал.

Основной проводник работы Крестьянского Интернационала в Румынии — РКП не проявила большого интереса к работе среди крестьянства и принимала решения под давлением Коминтерна и Крестинтерна ЦК РКП. Но самое главное — ставившиеся МКС перед РКП задачи и не могли быть осуществлены, так как РКП после запрещения в 1924 г. по «Закону о защите государства» представляла собой малочисленную, преследуемую полицией, политическую силу.

Добиваясь установления связей с царанистской, а затем с национал-царанистской партией, Коминтерн и МКС имели в виду разоблачение политики ее руководства, создание левой группы в партии — послушного проводника интересов компартии или комфракции для установления прямого контроля над политикой партии. Подобный подход к «сотрудничеству» не мог не привести к полному провалу.

Хотя деятельность Крестинтерна дала толчок к определенной активизации работы РКП среди крестьянства, в целом борьба Коминтерна и Крестинтерна за крестьянство в Румынии потерпела поражение. Крестьянство шло за национал-царанистской партией, так как именно она в наибольшей мере отражала их интересы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ангелова Тр.* Васил Коларов и международното революционно селско движение (1923—1940)//Известия на Института по история на БКП. 1977. Т. 37; *Ангелова Тр.* Г. Димитров — виден деец на Селския интернационал//Политическа просвета. 1985. № 5; *Ангелова Тр.* Г. Димитров и Селският интернационал (1923—1931)//Г. Димитров. 1882—1972. София, 1972; *Горанович М. М.* Крах Зеленого Интернационала. 1921—1938. М., 1967; *Димов Н.* Васил Коларов и международното аграрно движение (1924—1939)//Истор. преглед. 1978. № 5; *Димов Н.* Великата октомврийска социалистическа революция и международното прогресивно аграрно движение//Великият Октомври и социалистическите революции в Централна и Югоизточна Европа. София, 1980; *Димов Н.* Георгий Димитров и европейското крестьянское движение. 1923—1936//Etudes Balkaniques. 1982. Vd. 3; *Димов Н.* Крестинтернт и селските партии в страните на Югоизточна Европа. (1923—1929)//Studie Balkanica. 1983. Vd. 17; *Могилевский С. А.* Коминтерн и образование Красного Крестьянского Интернационала//Международное коммунистическое и рабочее движение. Л., 1976; *Резякина Л.* Крестьянский Интернационал и аграрные партии на Балканах (октябрь 1923 — апрель 1925)//Etudes Historiques. 1984. Vd. 12; *Jackson George D.* The Green Internationale (1919—1930). New York, 1962; *Jackson George D.* Comintern and Peasant in Eastern Europe 1919—1930. New York, 1966.
2. *Ангелова Тр.* Селският интернационал и единоедействието на БКП и БЗНС. 1923—1931. София, 1987.
3. Борьба за крестьянство/Сб. статей Т. Домбалья, Б. Бошковича, А. Хевени, М. Горова. М., 1926; *Домбаль Т.* Задачи и достижения Крестинтерна (доклад на II пленуме МКС). М., 1925; *Домбаль Т.* Крестьянский Интернационал. М., 1925; *Арборе-Рали Е.* Положение крестьянства в Румынии и Румынская крестьянская партия//Крестьянский Интернационал. 1924. № 2; *Бадулеску А.* Съезд Румынской крестьянской партии//Крестьянский Интернационал. 1924. № 7—9; *Тимов С.* Аграрный вопрос и крестьянское движение в Румынии. М., 1928; *Тимов С.* Царанизм//На аграрном фронте. 1926. № 5—6, 7—8; *Хевени А.* Обзор международного движения аграриев//Аграрные проблемы. 1928. № 3.
4. *Бадулеску А.* К IV съезду Румынской крестьянской партии//Крестьянский Интернационал. 1924. № 10—12.
5. *Нарыкова Н.* Деятельность Крестьянского Интернационала по сплочению международного крестьянского движения. (1923—1931). Автореферат канд. диссертации. Л., 1989.
6. РЦХИДНИ. Ф. 535.
7. Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932. М., 1933.
8. ЦПА Болгарской социалистической партии. Ф. 147. Оп. 2. А. е. 779. Л. 9—15.
9. Воззвание Международного Крестьянского Совета к крестьянам и крестьянкам Румынии//Крестьянский Интернационал. 1924. № 2. С. 127—128.
10. Documente din istoria Partidului comunist din Romania. 1953. Editia a II-a. P. 51—52.
11. Народно знаме. Бр. 78, 23 дек. 1924.
12. Известия. № 277. 4 дек. 1924.
13. РЦХИДНИ. Ф. 495.
14. *Ангелова Тр.* Селският Интернационал и единоедействието на БКП и БЗНС. София, 1987. С. 375.
15. *Кабакчиев Хр., Бошкович Б., Ватис К. Д.* Коммунистические партии Балканских стран. М., 1980. С. 22—23.

К 50-летию Института Славяноведения и Балканистики РАН

Славяноведение, № 6

© 1995 г. КАЛНЫНЬ Л. Э., КЛЕПИКОВА Г. П.

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Лингвистические исследования, проводившиеся в Институте славяноведения и балканистики (ИС[Б])¹, с начала его существования были ориентированы на традиции, характерные для славистики. Особенно это касалось выбора объекта исследования приоритетное значение наряду с памятниками письменности имеют диалекты как территориально ограниченные формы национального языка. Изучение славянских диалектов заняло важное место и в научной практике лингвистов ИСБ. Инициатором и организатором этой работы стал С. Б. Бернштейн, руководивший долгое время (до середины 70-х годов) сектором языкознания Института и одновременно кафедрой славянской филологии МГУ, что позволило ему уделять большое внимание подготовке квалифицированных кадров диалектологов.

Конец 40-х — начало 50-х годов были обозначены активизацией интереса к идеям структурализма и, в частности, к возможности применения их в исследовании диалектов. Это требовало преодоления ряда стереотипов, свойственных диалектологии, и вытекающих прежде всего из того, что она как наука по существу не имела своего теоретического обоснования. Диалекты расценивались как источник фактов для истории языка и как объект лингвогеографической интерпретации. Лингвогеография, т. е. изображение диалектного ландшафта, в принципе считалось предельной целью диалектологии. При этом также подразумевалось, что и диалектная карта имеет вспомогательное значение для истории языка, а иногда и для истории народа. Такая оценка диалектологических штудий была закономерной, поскольку перед наукой, не имеющей теоретического обоснования, существует выбор: или 1) примкнуть к традиционно апробированным разделам науки, или 2) свестись к элементарному коллекционированию фактов. Поэтому, с одной стороны, происходило слияние диалектологии с историей языка, а с другой — возобладал дифференциальный подход к диалектам, когда фиксировались только явления, отличающие диалект от кодифицированной формы языка.

Между тем в мировой лингвистике стала актуальной проблема включения

Калнынь Людмила Эдуардовна — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

Клепикова Галина Петровна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ С 1946 г. — ИС, с 1968 г. — ИСБ. См.: Институт славяноведения и балканистики. 1947—1977 (справочно-информационный обзор). М., 1977. С. 3, 10; 25 лет деятельности Института (Институт славяноведения и балканистики АН СССР). М., 1971.

диалектных форм языка в общее русло лингвистического анализа, когда приоритетной задачей стало определение структуры языкового идиома. В 1947 г. вариант решения этой проблемы предложил Р. И. Аванесов; позже, в 1954 г., сходные размышления были изложены У. Вайнрайхом.

Р. И. Аванесов [1] по-новому формулирует задачи диалектологии, переводя ее в ранг науки, без которой нельзя понять устройство национального языка. Р. И. Аванесов отказывается от традиционного представления о национальном языке как конгломерате территориальных, социальных вариантов и литературной формы языка. Предлагалось интерпретировать национальный язык как единую, особым образом организованную систему, сочетающую в себе, с одной стороны, черты общие для всего языка, а с другой — черты варьирующиеся по диалектам. Варьирующиеся явления приводятся в отношении эквивалентности в рамках «соответственного явления». В дальнейшем, разрабатывая идею «общей системы» на материале лишь диалектной части русского языка, Р. И. Аванесов назвал полученную макросистему «диалектным языком» (далее — ДЯ) [2]. Модель ДЯ дает возможность представить диалектный континуум как структурированное пространство, в котором реализована система, сочетающая постоянные и варьирующиеся звенья. Включение постоянных звеньев в характеристику диалектного идиома означает, что каждый отдельный диалект рассматривается как частная диалектная система (далее — ЧДС) во всей полноте ее лингвистических проявлений. У. Вайнрайх для системной интерпретации диалектного континуума использует понятие «диасистема», практически тождественное понятию ДЯ. Ср.: диасистема — это «система высшего уровня, сконструированная из дискретных и гомогенных систем, созданных на основе описания, из которых каждая представляет собой уникальную формальную организацию» [3].

Модель ДЯ весьма продуктивна как для синхронной характеристики диалектного ландшафта, так и для определения тех структурных фрагментов, которые находятся в состоянии динамики. Интерпретация диалектного континуума через призму понятия ДЯ превращает диалектологию из прикладного раздела языкознания в компонент структурной лингвистики. Идея ДЯ не всеми была воспринята адекватно. Так, например, Ф. П. Филин, относившийся отрицательно к этой идее, аргументировал свою позицию тем, что «на диалектном языке никто не говорит» [4]. Однако несостоятельность этого упрека очевидна. Когда речь идет об интерпретации сложного языкового объекта приемом моделирования, критерий «говорения» на нем вообще не применим. Моделирование системы — это компетенция лингвиста, а не говорящих на данном языке.

Представления о славянском диалектном континууме как с т р у к т у р и р о в а н н о м лингвистическом пространстве и об отдельном говоре — как о частной (единичной) диалектной системе нашло отражение в диалектологических исследованиях, проводившихся в ИСБ. В значительной мере это касается лингвогеографических штудий (где вместе с тем были сильны и «традиционные» подходы) и — в особенности — исследований, выполненных в жанре описательной диалектологии. Далее мы рассмотрим некоторые аспекты этих исследований. При этом отметим, что мы не ставим задачу детального рассмотрения иных проблем, так или иначе имеющих отношение к диалектологии, — например, и с п о л ь з о в а н и я новых диалектных фактов наряду с данными литературных языков и т. д. в историко-этимологических, сравнительно-сопоставительных и иных трудах. Эта тема может быть объектом специального обзора (ср., например, [5]).

1. Лингвистическая география.

А. Первым трудом такого рода, изданным в ИС(Б), стал «Атлас болгарских говоров в СССР» (далее — АБГ. М., 1958), который одновременно является и первым атласом в истории болгарской диалектологии. Еще в 1947 г. С. Б. Бернштейн, имея в виду традиции изучения говоров болгарских переселенцев, живших с XVIII—XIX вв. в Северном Причерномории (ср., например, работы Н. С. Державина), высказал идею описания этих говоров методами лингвогеографии [6]. В ряде предварительных публикаций им была определена концепция атласа

говоров, функционирующих (и эволюционирующих) в течение длительного времени в изоляции от диалектов метрополии, как особого типа лингвогеографического исследования. Цель последнего — не выявление изоглосс в обычном понимании (репрезентация старых диалектных и народно-племенных границ), но 1) установление структурных типов говоров на обследованной территории и соотношения общих и различающихся черт на отдельных языковых уровнях (опыт классификации переселенческих говоров) и 2) реконструкция состояния этих говоров на момент прихода их носителей из метрополии в места нынешнего обитания (разграничение архаических и инновационных явлений и др.), что позволяет идентифицировать и сопоставлять колониетские говоры и родственные им говоры Болгарии. Теоретическое и практическое значение АБГ для развития, в частности, болгарской диалектологии было высоко оценено рецензентами (см., например, [7]). Ценность новых диалектных данных, содержащихся в АБГ и в иных публикациях 50-х годов (предпринятых прежде всего в издании ИСБ [8]), видится в том, что на их основе разрабатывались новаторские концепции диалектного описания (работы И. К. Буниной, Е. В. Чешко, Э. И. Зелениной, В. К. Журавлева и др. [9; 10]). В целом, справедлива следующая оценка деятельности ученых Института в тот период: «...работы советских диалектологов-болгароведов, взятые в своей совокупности, представляли собой реализацию е д и н о г о (разрядка наша.— Л. К., Г. К.) научного замысла, а именно всестороннего и комплексного изучения болгарских переселенческих говоров в ситуации иноязычного окружения и являлись фактически целостным коллективным трудом большого авторского коллектива» [10. С. 313]. К сожалению, ныне, когда интерес к этим болгарским говорам усиливается, в том числе и в самой Болгарии, часто остается в тени уникальная роль, которую сыграл ИС(Б) в изучении указанной диалектной области.

Б. В середине 50-х — начало 60-х годов сотрудники ИС(Б), работавшие ранее над АБГ, приняли активное участие в совместном с болгарскими учеными фундаментальном труде — «Български диалектен атлас» (далее — БДА). Идея создания атласа говоров Болгарии родилась еще в межвоенный период, но лишь в конце 40-х годов возникли благоприятные условия для ее реализации, — напомним, что первый вариант вопросника БДА был опубликован Ст. Стойковым в 1947 г. Существенным моментом в истории БДА стала подготовка АБГ, на что обратил внимание Ф. Славский. Он писал, что АБГ очень важен «как методологический образец для подготавливающегося атласа исконных диалектов Болгарии» [11]. Некоторые теоретические принципы, реализованные в АБГ, полевой опыт диалектологов ИС(Б) оказали определенное влияние на формирование концепции БДА и были учтены при организации экспедиций. Сотрудники ИС(Б), как, впрочем, и некоторых других научных организаций СССР, в период с 1955 г. до начала 60-х годов участвовали в обсуждении Программы БДА, Инструкции по сбору диалектных материалов, в анкетировании 190 населенных пунктов (из 402) 1-го тома Атласа, посвященного говорам Юго-Восточной Болгарии, в составлении карт и комментариев к ним. С. Б. Бернштейн, вместе с Ст. Стойковым руководили всей работой и стали ответственными редакторами этого тома [12]. В последующих томах наши диалектологи участия не принимали, однако реальные знания о болгарских диалектах метрополии, которые они приобрели во время экспедиций, опыт изучения конкретных языковых явлений в условиях творческого сотрудничества с болгарскими коллегами, несомненно, положительно сказались на дальнейших занятиях в области славянской диалектологии и лингвогеографии всех участников работы над БДА. Уникальный материал БДА и его архива, собственные наблюдения над явлениями различных языковых уровней явились надежной базой для дальнейших исследований. Отметим статьи С. Б. Бернштейна и Е. В. Чешко по вопросам классификации болгарских говоров (ср. и [13]), работы Т. В. Поповой по болгарской диалектной фонетике, Г. К. Венедиктова — по диалектной морфологии, Г. К. Венедиктова, Э. И. Зелениной, Г. П. Клепиковой — по болгарской диалектной лексике, публиковались наблю-

дения Н. И. Толстого над некоторыми явлениями и т. д.; представляет интерес и сопоставительное изучение И. К. Буниной генетически связанных говоров Болгарии и Бессарабии и т. д. [10]. Достижения болгарской лингвогеографии позволили обратиться к анализу не только отдельных изоглосс, репрезентирующих единичные явления, но и к ареалогической интерпретации пучков изоглосс с целью изучения генезиса некоторых переселенческих говоров [14]. В дальнейшем анализ пучков изоглосс БДА при изучении диалектной основы языка новоболгарских памятников письменности получил теоретическое обоснование и широкое применение в монографии Е. И. Деминой [15].

Начало качественно нового этапа в развитии славянской диалектологии в ИСБ связано с организацией и проведением, по инициативе Института, 1-го Координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения (январь 1961 г.). Совещание, в частности, поставило задачи создания регионального атласа западноукраинских говоров, интенсификации работы над «Общеславянским лингвистическим атласом» (далее — ОЛА), а также составления словаря полесских говоров [16]. Решение всех этих задач было возможно лишь при объединении усилий ученых многих научных центров, как в стране, так и за рубежом.

В. Идея регионального украинского атласа, получившего название «Карпатский диалектологический атлас» (далее — КДА), сформировалась на фоне широко развернувшейся лингвогеографической интерпретации украинских говоров как в рамках национального атласа, так и диалектных штудий, охвативших зону Карпат. КДА имел и специфическую задачу — установление лексико-семантических схождений между юго-западными украинскими и южнославянскими диалектами. Стимулом такого исследования явилась гипотеза В. М. Иллич-Свитыча о роли так называемой «карпатской миграции славян». Он видел в украинско-южнославянских параллелях лингвистические результаты продвижения предков южных славян из области своей прародины — через Карпаты — на Балканский полуостров. Этот миграционный процесс, сопровождавшийся глубокими изменениями в условиях жизни и хозяйствования славян, повлек за собой интенсивное семантическое развитие в ряде лексических групп (ландшафт, строительство, орудия труда и под.). Семантические сдвиги, происходившие в эпоху миграции, находят отражение и в ряде южнославянских диалектных зон ([17] ср. [18]). Именно эта идея явилась исходной при создании концепции КДА, а также в процессе подготовки его программы-вопросника.

Предложение ИС(Б) о создании КДА было поддержано многими украинскими диалектологами (Институт общественных наук во Львове, ряд университетов и др.), а также молдавскими учеными, поскольку по программе КДА предполагалось обследовать несколько пунктов с молдавским (румынским) населением. Опубликованный в 1967 г. Атлас содержал 212 карт [19]; его материалы, а также Архив КДА послужили основой для написания многих работ, посвященных изучению отдельных явлений в карпатоукраинских говорах, а также проблемам сравнительно-исторического характера (см. статьи С. Б. Бернштейна, Г. П. Клепиковой, Т. В. Поповой, Н. И. Толстого и других, обзоры Е. И. Можяевой в [20; 21]). Вместе с тем необходимо отметить, что выход в свет КДА не привел к заметной активизации исследований в сфере карпато-южнославянских схождений, и обычно КДА воспринимается как один из региональных украинских атласов. Особый характер Атласа оценили лишь некоторые ученые, например, П. Ивич [22].

Г. Между тем значение проблем, которые были особенно важны для КДА, вновь обрели актуальность в начале 70-х годов, когда стало ясно, что указанный карпато-южнославянский параллелизм составляет один из аспектов более общей проблематики карпатского языкознания (далее — КЯ). Задача этого раздела лингвистики состоит в изучении и интерпретации процессов и результатов языковых взаимодействий и интерференций в масштабе карпатской (и шире — карпато-балканской) макрозоны. Обоснование важности развития данного направления, представляющего совокупность нескольких дисциплин (ареальной лингвистики,

теории контактов, типологии и др.) принадлежит С. Б. Бернштейну [19. Т. 1. С. 22; 23. С. 134]. Наиболее значимой в 70-е годы была признана диалектологическая (лингвогеографическая) проблематика, так как именно специальное обследование карпатского лингвистического пространства, включающего диалекты западно- и восточнославянских языков, а также румынские и венгерские диалекты, позволяет создать собственную фактографическую базу карпатологических штудий.

Так возник проект «Общекарпатского диалектологического атласа» (далее — ОКДА), который был изложен С. Б. Бернштейном в докладе на VII съезде славистов [24]. Чрезвычайно существенным в концепции Атласа было обоснование р а с ш и р е н и я области диалектного обследования, прежде всего за счет диалектов балканославянских языков, албанского и других, поскольку рассмотрение многих явлений лишь в масштабах карпатского ареала оказывалось недостаточным, — и в синхронном, и тем более в диахроническом планах. ОКДА должен был, таким образом, дать ответ на вопрос, существуют ли между карпатской и балканской областями лишь изолированные связи, или же можно говорить о существовании карпато-балканской языковой макрообщности, типологически близкой к некоторым видам языковых союзов.

Реализация ОКДА стала возможной только при условии международного сотрудничества ученых-диалектологов многих стран. И такое сотрудничество возникло в 1974 г. — был создан международный коллектив ОКДА, возглавляемый Международной редколлекгией под председательством С. Б. Бернштейна. В настоящее время в работе участвуют представители Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, Украины, Молдовы, России, Македонии, Союзной республики Югославии. Создание Атласа близко к завершению: изданы Вступительный [25] и 4 (7) тематических выпуска карт и комментариев [26], опубликовано большое число статей, интерпретирующих данные ОКДА как в синхронном, так и диахроническом аспектах (их библиографию см. в обзорах И. Е. Можяевой в [27; 28; 29]; ср. также: БУ. С. 40). Результаты двадцатилетней деятельности коллектива ОКДА изложены и в докладе Международной редколлекгии к XI съезду славистов (Братислава, 1993 г.) [30] (ср. [31]).

Важным итогом создания Атласа явилась разработка теории многоязыкового атласа, описывающего генетически гетерогенный диалектный континуум и впервые в лингвистике занимающегося изучением следствий языковых контактов, осуществлявшихся в определенном регионе на протяжении длительного времени (ср. преимущественно сравнительно-сопоставительные задачи, решаемые в «Лингвистическом атласе Европы»). ОКДА позволяет эксплицировать в карпато-балканском пространстве различные типы ареалов, изучение которых важно не только для соответствующего фрагмента Славии, но также и для восточнороманского диалектного континуума и западной части финно-угорского. Впервые в лингвогеографии анализируются как изолексы, изосемы, так и большое число изолиний, которые базируются на различии (противопоставленности) мотивационных признаков («внутренних форм»), лежащих в основе номинации.

Д. ИСБ является одним из инициаторов и такого фундаментального труда, как «Общеславянский лингвистический атлас» (см. доклад Р. И. Аванесова и С. Б. Бернштейна на IV съезде славистов [32]; о начальном этапе этой работы см. [33]). Лингвисты Института принимали участие в обследовании русских говоров по Вопроснику ОЛА, а с конца 70-х годов работают над составлением карт очередных выпусков Атласа обеих серий — фонетико-морфологической и лексико-словообразовательной. Во всех фонетических выпусках [34—37] есть карты как на отдельные словоформы, так и обобщающие, подготовленные Т. И. Вендиной, Л. Э. Калнынь, Т. В. Поповой; выпуск, посвященный рефлексам *ѣ, вышел под ответственным редактированием Т. И. Вендиной и Л. Э. Калнынь. В выпусках лексической серии, начиная со 2-го, содержатся карты Г. П. Клепиковой. В настоящее время московская группа ОЛА занята подготовкой и контролем за работой над томом «Рефлексы *о» и «Лексика домашнего хозяйства». Следует специально подчеркнуть, что материалы ОЛА, уникальные по своему

составу и богатству, дают основание для нетривиальных выводов о специфике славянского диалектного континуума. Наблюдения такого рода широко публикуются сотрудниками ИСБ, прежде всего в ежегоднике ОЛА (библиографию этих работ см.: БУ. С. 34—38). Подробнее об истории создания ОЛА и некоторых результатах см. [38].

Е. С начала 90-х годов ИСБ сотрудничает с Институтом русского языка РАН по теме «Восточнославянские изоглоссы» (далее — ВСИ). Задача целостного лингвогеографического изучения всех восточнославянских языков была сформулирована Р. И. Аванесовым в конце 50-х годов. Эту идею конкретизировала С. В. Бромлей, которая в 1987 г. предложила концепцию труда как атласа рекартографированных материалов из русского, белорусского и украинского национальных атласов. Ныне коллектив, которым руководит Т. В. Попова, видит свою цель в том, чтобы, интерпретируя указанные данные, получить лингвогеографический аргумент при решении сложной проблемы генезиса восточнославянского диалектного континуума. Как известно, по этой проблеме существуют различные точки зрения. Согласно одной, нынешняя близость этих языков трактуется в качестве результата генетического единства, обусловившего большое сходство между языками вплоть до XIV в. Иная точка зрения допускает изначальную диалектную неоднородность этого континуума, вытекающую из диалектной дробности его еще в позднеславянский период (Р. И. Аванесов, А. А. Зализняк, Ю. Шевелев и др.). Помимо упомянутой выше исторической задачи, ВСИ предполагает типологическое осмысление современных данных и выявление синхронно фиксируемых диалектных типов — в масштабах Восточной Славии — на основе установления системных отношений между различными явлениями. Поэтому интерес представляют и карты, свидетельствующие о единстве (по определенным признакам) на современном этапе развития языков ареала, и карты, показывающие специфику каждого из них (или отдельных групп их говоров). При этом важна установка на углубленное комментирование, основанное на широком использовании историко-этимологических, сопоставительных и иных исследований. В 1995 г. выйдет в свет 1-й выпуск ВСИ, в котором есть разделы, написанные Л. Э. Калнынь и Г. П. Клепиковой.

Ж. Упомянем и участие ИСБ (Т. И. Вендина) в коллективном труде, посвященном лингвогеографическому изучению русской диалектной лексики [39]. Этот атлас, несомненно, станет важным источником при изучении проблем этногенеза русского народа. Уже разработана концепция труда, составлена детальная программа, на очереди — сбор самих диалектных материалов.

3. Наконец, к сказанному надо добавить еще одно: сотрудники ИСБ (Л. Э. Калнынь, М. И. Ермакова) по приглашению ученых ГДР участвовали в диалектологическом обследовании лужицких говоров для «*Sorbischer Sprachatlas*» [40] в 1960—1961 гг. Знакомство с полевым серболужицким материалом послужило основой для ряда исследований, опубликованных ИСБ в 60—80-е годы. Упомянем монографию Л. Э. Калнынь, интерпретирующую фонетику нижнелужицких говоров сквозь призму «диалектного языка» [41], статьи Л. Э. Калнынь и М. И. Ермаковой, а также издание Институтом 4-х специальных сборников, в которых также широко использовались материалы полевых обследований Лужицы [42—45].

2. Описательная диалектология.

Среди лингвистических исследований, проводимых ИСБ, значительное место занимало и занимает описательное направление в диалектологии. Эффективность его базируется на подходе к диалекту как языковому идиому, обладающему своей спецификой на всех языковых уровнях, что, в частности, исключает дифференциальный отбор фактов при характеристике диалекта. Существование дифференциального метода в диалектологической практике означает сопоставление диалектной речи с эталоном. В качестве последнего может выступать литературный язык, и тогда из диалекта выбираются черты, отличающие его от литературного языка. Эталоном может быть и наиболее архаичная форма диалекта, свойственная старшей генерации носителей диалекта — в этом случае внимание сосредотачивается именно на этом корпусе фактов.

Описание говора (далее — ЧДС) как полноценного языкового идиома соответствует первой задаче диалектологии, поскольку именно территориально фиксированный говор является исходным объектом изучения в этой науке. В зависимости от содержательности знаний об устройстве отдельных говоров находится возможность суждений о характеристике диалектного континуума и его динамике.

Идея применения к диалекту тех критериев описания, которые используются при моделировании синхронных языковых систем вообще, не новая. О необходимости такого подхода к изучению диалектов писали Л. Блумфилд, А. Мартине, Г. Глисон и др. Но первая практическая реализация синхронного описания диалекта была предпринята много ранее того, как был высказан этот теоретический постулат, и сделано это было в отечественном языкознании — имеем в виду монографию Л. В. Щербы [46].

Исследования, выполненные в жанре описательной диалектологии, имеют свою специфику на всех этапах, начиная с составления программы обследования диалекта. Это — особый вид программы, поскольку она в полученных на нее ответах должна предусмотреть информацию, достаточную для моделирования системы диалекта. Так, синхронное описание фонетической системы диалекта предполагает предварительное получение полных сведений о составе гласных и согласных, употребляемых в идиоме, и о правилах их сочетания друг с другом и с паузой. На этой основе устанавливаются правила звуковой синтагматики, которые могут быть переформулированы в парадигматические характеристики системы. Описание фрагментов грамматического уровня предполагает выявление списка морфем, выражающих актуальные в диалекте грамматические категории и правила их распределения в парадигмах. Пример вопросной процедуры, устанавливающей правила именного словоизменения в болгарском диалекте см. в [47]. Морфонологический уровень, находящийся на стыке фонетики и морфологии, требует получения сведений о состоянии в диалекте обоих фрагментов системы [48].

Программа сбора материала для синхронного описания диалекта настолько специализирована, что для изучения хотя и находящихся в пределах одного языкового уровня, но разных проблем, необходимо составление специальных вопросников. Так, программа обследования фонетики говора не достаточна для суждения о слоговой специфике того же идиома. Изучение ее возможно на основе особого вопросника.

Программа создается для обследования говора (говоров) одного языка и основывается на некоторых предварительных знаниях о фонетических и грамматических особенностях соответствующего региона. Все единицы, список которых приводится в вопроснике, и их сочетания снабжаются диагностическим текстом, составленным на основании диалектных описаний, грамматик литературного языка, словарей. Этот текст необходим как вспомогательное средство для получения максимально полной информации о корпусе единиц каждого уровня, и далее — о системных связях, в которые эти единицы включены. Из сказанного можно заключить, что вопросник, ориентированный на синхронное описание диалекта, является особым видом диалектологической программы.

Описание диалектов как синхронных систем предполагает признание приоритетности описательного раздела лингвистики вообще. В этой связи уместно привести следующее замечание Л. В. Щербы, сделанное им еще в 30-е годы: «Что же касается презрительной характеристики некоторыми лингвистами описательной грамматики, как ненаучной, то это, конечно, глубоко несправедливо: выведение из данных в опыте фактов «речи» общего, т. е. «языка как системы» является, как всякое обобщение единичных фактов, одной из основных целей, к которой стремится каждая наука: вопрос о причинных связях явлений может с успехом ставиться лишь в той мере, в которой продвинут процесс обобщения частного. Кроме того, задача эта является самой трудной в лингвистике: если бы это было иначе, мы давно бы имели прекрасные грамматики и словари всех известных языков. У нас не только этого нет, —... но мы даже не знаем, как должны в идеале выглядеть эти грамматики и словари» [49].

В исследовательской практике ИСБ описание славянских диалектов осуществлялось в отношении разных фрагментов системы, в разном объеме и с разными целями. В наибольшем объеме представлено описание фонетического строя диалектов. Монографическое описание отдельных диалектов было как самоцелью [50], так и использовалось для моделирования макросистем, сочетающих постоянные и варьирующиеся звенья. Модель макросистемы типа «диалектный язык» на фонологическом уровне явилась результатом сопоставления ряда описаний западноукраинских говоров карпатского ареала [51]. Особенностью этой макросистемы является то, что система консонантизма обладает большим количеством постоянных звеньев, чем система вокализма, и тем самым в сравнении с последней является более унифицированной. Это проявляется не только в меньшем количестве диалектных различий, выявляемых в рамках консонантизма. Показательно, что все взятые ЧДС на уровне фонемной консонантной системы сопоставимы в отдельных своих звеньях, в то время как на уровне вокализма такое сопоставление не всегда возможно, и некоторые частные вокальные системы в целом образуют компоненты вариативного звена системы ДЯ. Высокий уровень дифференцированности диалектного вокализма можно расценивать как типологическую особенность украинского ДЯ.

Макросистема более сложного содержания моделируется на основе сопоставления синхронных систем диалектов, репрезентирующих разные славянские языки. Построению сопоставительной модели фонологической системы славянских диалектов посвящена монография Л. Э. Калнынь и Л. И. Масленниковой [52]. Сопоставительная система устанавливает синхронное сходство и различие между диалектами и тем самым дает основания для синхронной структурной классификации диалектов на фонетическом уровне. Классификация отражает специфику инвентаря и правил сочетания и чередования звуков и фонематических единиц. В качестве классификационного критерия могут быть приняты функционально тождественные явления, имеющие в сопоставляемых диалектах или разную реализацию при структурном тождестве, или разное структурное устройство. Это значит, что в качестве классификационных критериев могут быть использованы явления, входящие в состав вариативного звена сопоставительной системы, или образующие диалектные различия. При этом диалектное различие не должно иметь разное проявление в каждой из классифицируемых ЧДС. Явления, неварьирующиеся в анализируемом собрании диалектов, не могут получить значение классификационного критерия в применении к этим диалектам.

Выделенные в монографии классификационные критерии не одинаковы по своему системному значению. Одни имеют более общий характер, другие — весьма конкретны. Это — 1) признаки, классифицирующие диалекты по типам систем, что связано с наличием ~ отсутствием в системе определенных ДП; 2) признаки, классифицирующие диалекты по устройству фрагмента системы одного типа, что проявляется в разных правилах сочетания одних и тех же ДП в пределах тождественного фрагмента системы; 3) признаки, классифицирующие диалекты по наличию ~ отсутствию явлений, хотя и различающих диалекты, но не связанных с различиями в устройстве системы или ее фрагмента. Подобная классификация славянских диалектов, т. е. через призму сопоставительной системы, дает возможность составить реестр классификационных признаков, актуальных для славянского континуума, и далее установить иерархию этих признаков в дифференциации диалектов. Достоверность этой иерархии гарантируется тем, что решения принимаются путем перехода от конкретных элементов системы, близких к фактам речи, к элементам более абстрактным и обобщающим, а не наоборот.

Сопоставление синхронного описания фонетики двух болгарских говоров, имеющих одинаковое происхождение, с целью выяснения различий в их динамике за время изолированного друг от друга функционирования, предпринято в монографии Л. Э. Калнынь и Т. В. Поповой [53]. Говоры были обследованы по специальной программе, предусматривающей получение полной информации о

звуковой синтагматике, составляющей основу для парадигматических суждений. Работа была осуществлена при деятельной поддержке Института болгарского языка БАН, со стороны которого на начальном этапе исследования участвовал И. Кочев. Сопоставление переселенческого говора и говора метрополии показало консервативность их фонетического строя. Общность между говорами проявляется в построении фонетической модели слова на основе одинаковых ограничений, в типах редукции безударных гласных, в звуковом оформлении внешнего сандхи и др. Актуально и фонологическое тождество говоров. Различия между говорами касаются артикулирования отдельных звуков языка, разной частоты изменений в пределах одинаковых сегментов, дистрибуции гласных и согласных и др. Делается вывод, что на основе только синхронного моделирования системы не всегда можно сделать заключения о генезисе фонетических различий между говорами. Опыт этого исследования может быть использован более широко при изучении островных говоров (переселенческого типа) в сравнении с диалектами метрополии.

Исследованию такой специфической особенности фонетического строя диалекта как слогаобразование и слогаделение посвящена монография Л. Э. Калнын и Л. И. Масленниковой [54]. В отличие от перечисленных выше работ, здесь не дается фонологическая модель системы. Но и здесь в основе лежит идея языковой самостоятельности диалектного идиома. Исследование, выполненное по специально созданной программе, рассматривает проблему на фонетическом уровне. Дается исчерпывающий корпус сведений о распределении консонантных групп в начале, середине и конце слова и о слогоразделе в интервокальных консонантных группах. Объектом исследования стали севернорусский, южнорусский, украинский (губульский), польский говоры.

Анализ фонетики слога на таком материале позволил сделать выводы системного характера. Выявляются не только разные типы слоговыделения, характерные для разных говоров, но и устанавливается специфика соотношения звуковых контуров слога и слова, отношение слогаделения к звуковой синтагматике и морфемному составу слова. В итоге дается функциональная характеристика современного слога в славянских диалектах — это единица, функционирующая на границе языкового и речевого уровней, обладающая некоторыми свойствами каждого из них.

Проблемам моделирования фонологических систем говоров славянско-литовского пограничья, где отмечается ситуация дву- и триязычия, обусловленная междиалектными (межязыковыми) контактами, и интерпретируемая как стадия формирования «балтийско-славянского языкового союза» [55—57], посвящены многие работы Т. М. Судник, в частности ее монография [58]. Автор использует имеющиеся диалектные записи и собственные наблюдения. Описываются фонологические системы 4-х населенных пунктов, в которых сосуществуют и взаимодействуют белорусский, польский, литовский языки; делаются выводы об индивидуальной картине интерференции в каждом говоре. Это дает повод для выявления «сходства и расхождения, которые обнаруживают говоры одного языка, приуроченные к различным трехязычным комплексам» [58. С. 171]. В последнем случае сопоставляемые говоры как бы выключаются из языковой ситуации, и объект исследования обретает иную специфику. Отметим также статьи по близкой проблематике С. М. Толстой, М. И. Лекомцевой. В изучении данных говоров существуют тесные связи ученых ИСБ и Белоруссии (см. [59]), а также Польши (см. [60]; ср. библиографию Л. Г. Невской [БСИ. 1983. М., 1984] и аналитический обзор [61]).

В последние годы в ИСБ публикуются исследования, широко применяющие методы описательной диалектологии к акцентологическому материалу. Хотя эти работы создавались в ходе подготовки и в русле концепции «Акцентологического словаря славянских языков» (далее — АССЯ), ставящего задачу исторического изучения просодических явлений [62], они, несомненно, имеют и самостоятельное значение — как опыт полной инвентаризации по специальным программам (О. Д. Мудрак, С. Л. Николаев) фактов акцентной системы различных славянских

диалектов (о сборе таких данных в карпатоукраинских говорах в 1987—1993 гг. см. [63]). В этой связи упомянем исследования Е. Э. Будовской [64], Г. И. Замятиной [65]. В частности, в последней детально изучены акцентные типы, являющиеся «тривиальными» рефлексам праславянского состояния, и случаи различного развития тех или иных типов праславянской просодии, которые могут выступать как классификационные критерии в современном словенском диалектном континууме. Данная статья является важным фрагментом описания истории словенской акцентологической системы и ее внешних связей.

Анализ правил включения морфонологических признаков (чередований) в характеристику глагольных парадигм предпринят Т. В. Поповой [66]. Автор рассматривает не только литературную форму языка, но и устанавливает полный набор морфонологических признаков, актуальных в отдельных болгарских говорах. Отметим, что столь полная морфонологическая характеристика определенной грамматической категории предпринята впервые. В дальнейшем эти данные были интерпретированы Т. В. Поповой как критерий классификации болгарских диалектов [67].

В диалектологической практике лингвистов ИСБ имеется и опыт описания диалектной системы на грамматическом уровне. В этом плане интересны разработки, предпринятые Л. И. Масленниковой в ряде статей [68—71]. Она исследовала субстантивное словоизменение в польском говоре с. Орняны (Литва) по специальной программе, которая включала все разновидности существительных (рассматриваемых с точки их структуры и лексико-грамматического значения) и была ориентирована на выявление для каждой группы существительных полной словоизменительной парадигмы. Задачи исследования — описание и классификация субстантивных словоизменительных парадигм как фрагмента морфологической системы говора, функционирующего в условиях билингвизма. Поэтому при сборе полевого материала необходимо было установить максимальный набор формальных средств для выражения всех грамматических значений, присущих системе данного говора как одной из реализаций польской языковой системы. В результате было установлено, что в говоре, как и в литературном польском языке, функционирует трехродовая система субстантивного словоизменения, однако внутренне устройство этой системы в говоре иное, чем в литературном языке. Имея два общих компонента (категории м. и ж. родов), эти языковые идиомы различаются по третьему: в литературном языке — средний род, в говоре — смешанный. В парадигмах последнего комбинируются формальные признаки м. и ж. родов. Другой особенностью указанного говора является более широкая сфера морфологического выражения категории одушевленности, поскольку она охватывает и одушевленные существительные ж. р. Категория персональности (мужского лица) в говоре также представлена, хотя и в ослабленном виде. Указанные статьи содержат и некоторые другие интересные наблюдения над морфологической системой говора.

Методом описательной диалектологии пользуется М. И. Ермакова в грамматическом исследовании [72]. Это — полная синхронная дескрипция современного словоизменения имени существительного в литературном языке и в диалектах, сведения о которых были почерпнуты как из имеющихся публикаций, так и в ходе полевого обследования Нижней Лужицы. Выявлялись все возможные типы морфологических структур отдельных классов лексем и парадигматических отношений между формальными морфологическими средствами. Широкое использование данных говоров и сопоставление их с фактами литературного языка присуще и некоторым другим работам того же автора [73; 74].

В этом разделе отметим и исследования, выполненные в ИСБ в 60—70-е годы и посвященные моделированию лексико-семантической системы в совокупности восточнославянских ЧДС (фрагментов соответствующих ДЯ), идея которых была сформулирована Н. И. Толстым. Это позволило описать парадигматические и синтагматические отношения в рамках особым образом конструируемого «семантического поля» ([75]; ср. [76]). Основой указанных трудов стали наблюдения над диалектной лексикой Белорусского Полесья, собранной в 1963—1965 гг.

(часть материалов опубликована в 1968 г. в сборниках «Полесье», «Лексика Полесья»).

Формулируя содержание термина «семантическое поле», Н. И. Толстой писал: «... Граница микрополя определяется величиной «амплитуды колебания» одной лексемы, которая называется опорной, ...во всех привлекаемых для рассмотрения в синхронном плане диалектов или языков», что не позволяет «игнорировать ряд релевантных и весьма прочных семантических связей, остающихся часто вне наблюдений исследователя при подходе к семантическому полю с точки зрения чистых понятий или предметных и семантических групп» [75. С. 36, 38]. Таким образом, преимущество данного подхода, по сравнению с иными (И. Трир, Г. Вейсгербер и т. д.) состоит в том, что граница «семантического поля» и — тем самым — характер связей внутри него выявляются на основе собственно лингвистических критериев. Эти принципы системного изучения диалектной лексики оказали влияние на теорию и практику славянской лингвогеографии, ср., например, тот факт, что она была использована при формулировке вопросов Программы КДА; это позволило в дальнейшем составить для него (и для других исследований) «структурные» карты [77; 78]. Заметим, что «полевые» методы были приняты некоторыми белорусскими и украинскими диалектологами (Г. Вешторт, Л. Выгонная, Н. Никончук и др., см. [79; 80]).

Метод «семантического поля» был применен Н. И. Толстым и к материалу диалектного словообразования [81]. К сожалению, в дальнейшем подобный подход (по-видимому, в силу достаточной сложности разработки специальных программ) в чистом виде не использовался. Однако необходимость выявления количественных параметров (фреквентности) суффиксов в рамках ЧДС и континуума диалектов учитывалась некоторыми исследователями [82].

Задачи сопоставительного описания лексики (в ономаσιологическом аспекте) решались в монографии Э. И. Зелениной [83], в которой за основу взято детальное описание системы одного говора, а данные остальных сравниваются с ситуацией в первом населенном пункте. Сходные приемы представлены и в некоторых статьях того же автора [84] (ср. [85]).

Анализ диалектологических разысканий, проводившихся в ИСБ в течение полувека, показывает, что в первую очередь речь идет о масштабных проектах, реализация которых рассчитана на длительный срок. На современном этапе — это прежде всего участие в создании лингвистических атласов различных типов — ОЛА, ВСИ, Русский лексический атлас. Данный вид научного исследования относится к наиболее трудоемким, но в то же время и к весьма перспективным научным предприятиям. Карты атласов, материалы их картотек могут становиться объектом самостоятельных исследований в синхронном и диахроническом планах. Диалектная карта весьма информативна — она не только дает изображение диалектного ландшафта, но и сама инициирует постановку многих теоретических вопросов языкознания (диалекты и пространство, диалекты и история языка, «островные» диалекты, результаты контакта диалектов между собой и с иными формами языка, например, со стандартом и под.). То, как на фоне уже завершенных лингвогеографических трудов возникают новые задачи, показывает ОКДА. Именно на его основе создается словарь лексем, отраженных в Атласе, который задумывается как компендиум карпатской лексики. Актуально и создание справочного пособия, которое содержало бы изложение основных понятий карпатского языкознания, как нового отдела лингвистики.

Становится все более ясной перспективность и описательного направления в диалектологии. Важно само по себе коллекционирование описаний отдельных диалектных систем, основанных на полевом обследовании конкретных диалектов по специальным программам, ориентированным на разные языковые уровни. Выполненные таким образом описания создают основу для дальнейших сопоставительных штудий с целью выяснения типологических средств и различий между диалектами одного языка (или нескольких родственных языков), диахронического расстояния между разными диалектами. Именно описательная диалектология

дает возможность проведения разнообразных исследований и в конечном счете углубляет наши знания об общих и специфических чертах славянского диалектного континуума и степени его дифференциации.

Опыт разноаспектных исследований славянских диалектов в ИСБ дает основание для некоторых теоретических обобщений в рамках монографии «Актуальные проблемы современной славянской диалектологии». Создание такой монографии можно было бы считать важной задачей диалектологов-славистов на пороге XXI в.

Из сказанного выше следует, что авторы не ставили перед собой задачу осветить все работы по диалектологии, подготовленные в ИСБ. Наша цель состояла в том, чтобы показать, а, может быть, кому-то и напомнить, те важнейшие, на наш взгляд, направления, которые определяли развитие исследований по славянской диалектологии в Институте на протяжении всех пятидесяти лет.

Сокращения

БСИ — Балто-славянские исследования. М.

БУ — Библиографический указатель к публикациям в сборниках Отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН за 1947—1992 гг. и в сборниках Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования за 1965—1993 гг., М., 1993.

ИСД — Исследования по славянской диалектологии. М.

КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М.

ОЛА. Мат-лы и иссл.— Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М.

СБЯ — Славянское и балканское языкознание. М. ,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р. И. Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка//Известия ОЛЯ АН СССР. 1947. Вып. 3.
2. Вопросы теории лингвистической географии/Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.
3. Weinreich U. Is a structural dialectology possible? Word, 20. 1954. P. 390.
4. Филлип Ф. П. О так называемом «диалектном языке»//Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 37, 40.
5. Клепикова Г. П. Некоторые вопросы использования болгарских диалектных материалов в лексико-семантических исследованиях советских ученых//СБЯ. 1983.
6. Бернштейн С. Б. Болгарский лингвистический атлас//Вестник АН СССР. 1948. № 2.
7. Стойков Ст. Болгарска диалектология. София, 1993. С. 392.
8. Статьи и материалы по болгарской диалектологии. М., 1952—1962. Т. 2—10.
9. Венедиктов Г. К. Итоги изучения в СССР вопросов болгарской диалектологии//КСИС. 1962. Вып. 35 (там же библиография).
10. Попова Т. Обзор работ советских диалектологов-болгаристов (послевоенный период)//ОЛА. Мат-лы и иссл. 1984 (там же библиография).
11. Славски Ф. Рец.: Атлас болгарских говоров в СССР//Вопросы языкознания. 1960. № 3. С. 125.
12. Български диалектен атлас. София, 1964. Т. 1. Ч. II. С. 5.
13. Бернштейн С. Б. К вопросу о членении болгарских диалектов//Вопросы языкознания. 1983. № 4.
14. Клепикова Г. П., Попова Т. В. О значении данных лингвогеографии для решения некоторых вопросов истории болгарского языка//Вопросы языкознания. 1968. № 6.
15. Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин. Памятник болгарской письменности XVII в. София, 1985. Т. III.
16. Актуальные проблемы славяноведения//КСИС. 1961. Вып. 33—34. С. 8 (там же доклады Р. И. Аванесова и С. Б. Бернштейна).
17. Иллич-Свитыч В. М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян//Известия ОЛЯ АН СССР. 1961. Вып. XIX. С. 222.
18. Клепикова Г. П. Гипотеза В. М. Иллич-Свитыча о роли «карпатской миграции славян»//Лексика в ОКДА. М., 1992. Т. II. С. 115.
19. Карпатский диалектологический атлас (I, II). М., 1967.
20. Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972.
21. СБЯ. 1975.
22. Сборник за филологију и лингвистику. XIII/1. Нови Сад, 1970.
23. Бернштейн С. Б. Общекарпатский диалектологический атлас//Прилози. МАНУ. XIII/1. Скопје, 1988. С. 134.
24. Бернштейн С. Б. Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных

- сравнительной диалектологии//Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973.
25. Общекарпатский диалектологический атлас. Вступительный выпуск. Скопје, 1987.
 26. Общекарпатский диалектологический атлас. Кишинев, 1989. Т. 1; М., 1994. Т. 2; Warszawa, 1991. Т. 3; Київ, 1993. Т. 4.
 27. Справочно-информационные материалы. 2. М., 1978.
 28. Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М., 1981.
 29. Лексика в ОКДА. 1. М., 1989.
 30. *Бернштейн С. Б., Видоски Б. и др.* Проблемы дифференциации славянского диалектного ландшафта (по данным ОКДА). М., 1993.
 31. *Бернштейн С. Б., Клепикова Г. П.* О некоторых итогах работы над «Общекарпатским диалектологическим атласом» (1973—1993 гг.)//ОЛА. Мат-лы и иссл. 1995.
 32. *Аванесов Р. И., Бернштейн С. Б.* Лингвистическая география и структура языка. М., 1958.
 33. *Толстой Н. И.* 60 лет служения славистике//Studia slavica. М., 1991. С. 22.
 34. ОЛА. Рефлексы \ddot{e} . Белград, 1988.
 35. ОЛА. Рефлексы \ddot{e} . М., 1992.
 36. ОЛА. Рефлексы $*q$. Wrocław, 1992.
 37. ОЛА. Рефлексы $\ddot{y}r$, $\ddot{y}l$, $\ddot{y}r$, $\ddot{y}l$. Wrocław, 1994.
 38. *Иванов В. В.* История и современное состояние диалектов славянских языков на картах ОЛА//Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М., 1993.
 39. *Попов И. А. и др.* Лексический атлас русских народных говоров в кругу славянских атласов//Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М., 1993.
 40. Sorbischer Sprachatlas. I. Bautzen. 1965. S. 18.
 41. *Калынь Л. Э.* Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М., 1967.
 42. Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963.
 43. Исследования по серболужицким языкам. М., 1970.
 44. Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1989.
 45. Проблемы становления и развития серболужицких языков и диалектов. М., 1995.
 46. *Щерба Л. В.* Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.
 47. *Калынь Л. Э., Попова Т. В.* Синхронное описание одного диалекта как особый вид диалектологического исследования//ОЛА. Мат-лы иссл. 1981. С. 28.
 48. Славянская морфонология. М., 1987. С. 7.
 49. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 49.
 50. *Калынь Л. Э.* Фонологический строй одного гуцульского говора//ИСД. М., 1992. Т. 1.
 51. *Калынь Л. Э.* Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. М., 1973.
 52. *Калынь Л. Э., Масленникова Л. И.* Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов. М., 1981.
 53. *Калынь Л. Э., Попова Т. В.* Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации//ИСД. 1993. Т. 2.
 54. *Калынь Л. Э., Масленникова Л. И.* Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.
 55. *Судник Т. М., Толстая С. М., Топоров В. Н.* К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза//Советское славяноведение. 1967. № 2.
 56. *Невская Л. Г., Судник Т. М.* Диалектные контакты в зоне современного балтийско-славянского пограничья//Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978.
 57. *Судник Т. М., Цивьян Т. В.* К типологическому сопоставлению механизмов двуязычия (балто-славянский и балканский языковые союзы)//Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. М., 1983.
 58. *Судник Т. М.* Диалекты литовско-славянского пограничья. Очерки фонологических систем. М., 1975.
 59. Польские говоры в СССР. Минск, 1973. Т. I, II.
 60. *Можалева И. Е.* Обзор работ по западнославянской диалектологии, изданных в СССР//ОЛА. Мат-лы и иссл. 1979.
 61. *Толстая С. М.* Диалекты польско-восточнославянского пограничья: новые подходы и результаты//ОЛА. Мат-лы и иссл. 1993.
 62. *Булатова Р. В., Дыбо В. А., Николаев С. Л.* Проблема акцентологических диалектизмов в праславянском//Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. М., 1988.
 63. *Бушкевич С. П., Николаев С. Л., Толстая С. М.* Хроника карпатских экспедиций//Славяноведение. 1994. № 3.
 64. *Будовская Е. Э.* Некоторые акцентные изоглоссы западноукраинских говоров (ударение тематических глаголов)//ИСД. Т. 1. 1992.
 65. *Замятина Г. И.* Материалы к акцентологической классификации словенских диалектов (непроизводные имена)//ИСД. Т. 2. 1993.
 66. *Попова Т. В.* Глагольное словозменение в болгарском языке (морфонологический аспект). М., 1975.
 67. *Попова Т. В.* К вопросу о значении морфонологических признаков для диалектного членения болгарского языка//ОЛА. Мат-лы и иссл. 1979.
 68. *Масленникова Л. И.* Некоторые вопросы классификации именных парадигм (на материале польского говора)//СБЯ, 1976.
 69. *Масленникова Л. И.* О морфологических вариантах у существительных//Studia nad polszczyzną kresową. I. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1982.

70. *Масленникова Л. И.* О судьбе имен существительных общего рода в одном польском говоре на территории Литвы//Советское славяноведение. 1991. № 2.
71. *Масленникова Л. И.* О лично-мужских существительных на -а в одном польском говоре//Studia nad polszczyzną kresową. IX. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1994.
72. *Ермакова М. И.* Нижнелужицкое именное словоизменение. Имя существительное. М., 1979.
73. *Ермакова М. И.* Соотношение системы словоизменения имени существительного в нижнелужицких диалектах//ОЛА. Мат-лы и иссл. 1979.
74. *Ермакова М. И.* Из нижнелужицкой диалектной морфологии//ОЛА. Мат-лы и иссл. 1981.
75. *Толстой Н. И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава//Вопросы языкознания. 1963. № 1.
76. *Толстой Н. И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии//Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. М., 1968.
77. *Клепикова Г. П.* Из опытов картографирования славянской лексики//ОЛА. Мат-лы и иссл. 1968.
78. *Клепикова Г. П.* К проблеме изучения лексико-семантической вариативности в гомогенном и гетерогенном диалектном континууме//СБЯ. 1986.
79. *Толстая С. М.* Об одном опыте ареального исследования полесской лексики//ОЛА. Мат-лы и иссл. 1982.
80. *Толстая С. М.* О новых направлениях в белорусской диалектной лексикографии//ОЛА. Мат-лы и иссл. 1985.
81. *Толстой Н. И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава (II)//Вопросы языкознания. 1966. № 5.
82. *Клепикова Г. П.* Карпатоукраинские диалекты и проблемы словообразования. I. Дериваты с суф. -іса//ИСД. Т. 1. 1992.
83. *Зеленина Э. И.* Сравнительный тематический словарь трех болгарских сел Молдавии. София, 1981.
84. *Зеленина Э. И.* Шелководческая терминология в трех болгарских говорах Бессарабии//Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
85. *Зеленина Э. И.* Работы советских болгаристов по болгарской диалектной лексикографии. Советская болгаристика. М., 1983. С. 322.

Црногорска библиографија. 1494—1994. Т. IV. Књ. 2. Библиографија о Црној Гори на руском језику 1722—1989. Цетинье, 1992. 288 С.

Черногорская библиография 1494—1994. Т. IV. Кн. 2. Библиография о Черногории на русском языке 1722—1989

Рецензируемый том является частью много-томного библиографического издания — «Черногорская библиография 1494—1994». Он охватывает библиографию работ о Черногории и ее населении на русском языке. Это монографические публикации (книги и брошюры), статьи из журналов и сборников, авторефераты диссертаций, карты, ноты и другие материалы в оригинале и переводе, опубликованные в России и СССР с 1722 г. (появление первого перевода) до 1989 г. Эти работы были изданы вне пределов Черногории. Их авторами, как правило, выступают не черногорцы, а иностранцы, в основном русские.

Обширные библиографические сведения, содержащиеся в IV томе, могут служить большим подспорьем для исследователей истории Черногории, ее экономики, политики, культуры и проч. Обилие и многообразие литературы объясняется традиционными связями, установленными в далеком прошлом (в 1711 г.) между Россией и Черногорией. Тесные русско-черногорские взаимоотношения способствовали тому, что среди различных слоев русского общества был проявлен большой интерес к героическому прошлому черногорского народа, его жизни и быту, культуре. О Черногории было издано множество работ русскими путешественниками, посетившими страну, писателями, учеными различных профессий и др.

Составители рецензируемого труда — сотрудники Российской национальной библиотеки в Петербурге и Центральной народной библиотеки им. Джурдже Црноевича в Цетинье проделали большую работу по выявлению и систематизации черногорской библиографии (научные контакты между обозначенными библиотеками были установ-

лены в 1986 г.). С российской стороны непосредственная работа была проведена группой библиографов РНБ под руководством Э. Ф. Цветковой. Главным редактором черногорской библиографической публикации является Душан Й. Мартинович.

В рецензируемом издании представлено около 5 тыс. библиографических единиц. Библиография Черногории составлена на основе визуального просмотра материала, предложенного российскими библиографами. Включенный в том материал систематизирован по тематическим разделам и содержит научную, научно-популярную, публицистическую литературу, издания исторических и статистических источников, переводы фольклорных трудов и искусствоведческой литературы Черногории. В указателе представлена также учебная литература по славяноведению, имеющая отношение к черногорской тематике, и рецензии. Большой интерес для исследователей представляет помещенный в приложении регистр материалов из русских газет за период 1853—1916 гг., хотя он не исчерпывает всего богатства русской прессы о Черногории.

Материал внутри каждого раздела расположен в хронологическом порядке, а в пределах одного года — в алфавитном порядке авторов и заглавий. Разделы открывают политические и юридические акты, письма и воспоминания, которые рубрицированы внутри каждого раздела. Том открывается предисловием, написанным с большим знанием проблем истории русско-черногорских связей, автор — акад. Милослав Бабович.

Большим достоинством публикуемой библиографической работы является наличие кратких

аннотаций, которые, однако, не носят реферативного характера. Чаще всего они выполняют аналитическую функцию, указывая, какая часть издания, более широкого по содержанию, содержит материал, относящийся к теме работы.

Библиографический указатель состоит из 12 разделов. Среди них: «Население. Язык. Фольклор», «История», «Государство и право», «Политическая система», «Религия и церковь» и др. На наш взгляд, особую важность представляет раздел «Культура. Просвещение. Общественные связи с Россией и другими странами», в особенности та его часть, в которой содержатся библиографические данные о русско-черногорских связях. Они свидетельствуют о большом интересе, проявляемом в России к Черногории как раньше, так и в настоящее время.

Работа выполнена на высоком профессиональном уровне, снабжена иллюстративным матери-

алом. К сожалению, в библиографическом указателе встречаются опечатки. Вместе с тем в книге отсутствует географический указатель, который необходим в такого рода публикации. Естественно, что в одной работе нельзя исчерпать всего обилия материала о Черногории, поэтому есть пропуски в перечне журнальных и газетных публикаций.

В целом рецензируемый труд отличается высоким полиграфическим исполнением, богатством систематизированного материала и широтой охвата рассматриваемой проблемы. Но, к сожалению, это необходимое для исследователей библиографическое издание малодоступно для отечественной науки, так как есть оно только в РНБ и в Черногории.

© 1995 г. Хитрова Н. И., Аншаков Ю. П.

Славяноведение, № 6

Cominform. Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949. Milano, 1994. 1054 P.

Коминформ. Протоколы трех совещаний 1947/1948/1949

Появление этого фолианта — значительное событие в мировой исторической науке. Его выход знаменует начало нового этапа в понимании событий мировой истории второй половины 40-х годов. Возможность работы с документами фондов КПСС, открывшаяся с августа 1991 г., впервые реализовалась в таком поистине грандиозном издании в результате завершения совместного проекта РЦХИДНИ и Фонда Фертинелли (Италия), в рамках которого успешно трудились российские и итальянские историки.

Публикация тома наглядно разрушает легенду о «безжалостном разграблении российских архивов иностранцами». Оказывается, что иностранцы не только «копируют тысячи листов ценнейших документов и вывозят их из России», но также и вводят их в научный оборот. В данном случае документы опубликованы на русском языке с параллельным постраничным переводом на английский, вступительные статьи, комментарии и другие пояснения — на английском.

В издании опубликованы полные стенограммы трех совещаний Коминформа, что потребовало от составителей труда, сходного лишь с изданием средневековых манускриптов, сопоставления версий, вариантов, позднейших вставок и корректив. Публикации предшествовала кропотливая исследовательская работа: тексты протоколов, хранящиеся в ЦХСД (Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 46, 73) были выверены с текстами оригиналов протоколов, подписанных участниками конференций, хранящимися в Архиве Президента Российской Федерации, что позволило выявить и уточнить ряд расхождений (прежде всего по записям совещания 1947 г. — доклада Жданова, материалы которого в 1951 г. были затребованы Москвой из Бухареста, вычищена критика французской КП, а потом перепечатанный вариант вернули в Бухарест и выдавался он за оригинал; лишь сопоставление с документами коллекции Жданова и Архива Президента РФ позволило установить истину).

Документы блестяще откомментированы,

каждое из совещаний сопровождается вступительными статьями, написанными как на основе опубликованных документов, так и на основе материалов, с которыми работали составители при подготовке тома к печати. В заключении книги дан обзор материалов фонда Коминформа (1947—1956 гг.), хранящихся в РЦХИДНИ.

Протоколы изданы на языке оригинала с параллельным (постраничным) переводом на английский язык. Сложно переоценить значение издания. Из этого исследователи были по сути лишены подлинной источниковой базы и пользовались лишь отрывочными данными (не были известны даже точные даты совещаний). Атмосфера секретности способствовала рождению самых невероятных версий (о четвертом совещании и т. п.). Практически не было известно ничего.

События первого совещания реконструировались историками на основе мемуаров его участников, прежде всего Реале, а также нескольких страниц у Карделя и Джиласа [1] и ряда документов первого совещания в Шклярской-Порембе (Польша, ноябрь 1947 г.), когда с некоторой задержкой появились выступления, сделанные участниками о работе партий, доклад А. Жданова «О международном положении» и резолюции. В издании опубликован доклад Гомулки о создании Коминформа и дискуссии участников, в том числе посвященные критике действий итальянских и французских коммунистов.

В новом виде предстает второе Совещание (Бухарест, 12—23 июня 1948 г.). До появления тома единственными ее документами были резолюция о «Положении в Компартии Югославии» и заключительное коммюнике совещания. Ныне в оборот введены протоколы обсуждения, в частности дискуссия по поводу приглашения представителей КПЮ в Бухарест, доклад А. Жданова «О положении в коммунистической партии Югославии», дискуссия по докладу Жданова, а также решения и обсуждения о переводе Коминформа, создании Секретариата Коминформа и выработке Устава.

Протоколы третьего совещания (16—19 ноября 1949 г.) также опубликованы полностью. Они содержат доклад М. Суслова «Защита мира и борьба с поджигателями войны», выступления по докладу Суслова, доклад Тольятти «Единство рабочего класса и задачи коммунистических и рабочих партий», выступления по докладу Георгиу-Дежа «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» и выступления по докладу Георгиу-Дежа, а также обсуждение резолюций по докладу Суслова и резолюцию «Защита мира и борьба с поджигателями войны», опубликован-

ная и на французском, резолюцию «Единство рабочего класса и задачи коммунистических и рабочих партий», а также резолюцию «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». Среди прочих материалов — доклад Дюкло «О проекте Устава Информбюро», текст Устава «Информбюро коммунистических партий». До этого исследователи были знакомы лишь с докладами Суслова, Тольятти и Георгиу-Дежа, а также с заключительными документами Совещания.

Вступительные статьи к протоколам трех совещаний имеют самостоятельное научное значение. Их авторы работали на документах фонда Коминформа (в частности статьи, предворяющие протоколы первого и второго совещаний были подготовлены с использованием материалов хранящегося в ЦХСД личного фонда Жданова (Ф. 77. Оп. 3). Статьи Л. Гибианского (о втором и третьем совещаниях) подготовлены также и на основе документов архивов стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Эти статьи — серьезные научные исследования, во многом по-новому осмыслившие как отдельные детали, так и целые пласты событий второй половины 40-х годов.

Следует ожидать, что внимание пользователей издания привлечет и справочный аппарат — комментарии к протоколам конференций. Они являются значительными научными исследованиями, поскольку не ограничиваются комментариями совещаний, а основаны на различных материалах, использовавшихся издателями-составителями в ходе подготовки документов к печати, но по тем или иным причинам не вошедшие в текст издания основных документов.

В четвертой части издания — обзор коллекции Коминформа, подготовленный российскими исследователями Г. Адиековым, Л. Гибианским и Р. Ермолаевым, с сопроводительной статьей Г. Адиекова «Кое-что об источниках».

В последней части издания — индекс фамилий. Не может не вызвать сожаления то обстоятельство, что отсутствуют предметный указатель и биографические справки, так как подготовленные справочные данные о персоналиях были опущены издателями по соображениям экономии места.

© 1995 г. Едемский А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Reale E.* La nascita del Cominform. Milan, 1958; *Djilas M.* Rise and Fall. New York, 1985; *Kardelj E.* Reminiscences. The Struggle for Recognition and Independence: The New Yugoslavia, 1944—1957. London, 1982.

ИМЕ-ТУХЕЛ В. Das «nördliche Dreieck». Die Beziehungen zwischen der DDR, der Tschechoslowakei und Polen in den Jahren 1954 bis 1962. Köln, 1994. 403 S.

ИМЕ-ТУХЕЛЬ В. «Северный треугольник». Отношения между ГДР, Чехословакией и Польшей в 1954—1962 гг.

Писать о событиях истории современности всегда нелегко. Слишком живы они в памяти людей, слишком субъективны и пристрастны споры, слишком устойчивы мифы, возведенные вокруг них участниками. И попытка исследователя серьезно разобраться в них заслуживает особой признательности.

Одному из таких моментов сравнительно недавней истории посвящена монография немецкого историка, сотрудницы Восточноевропейского института Свободного университета Берлина Беате Име-Тухель о взаимоотношениях и внешней политике трех стран, составлявших северо-западный фланг блока так называемого реального социализма. В политико-публицистической литературе они получили название «северного треугольника». Два из этих государств — Восточная Германия и Чехословакия — были в индустриальном отношении наиболее развитой частью блока. Польша традиционно играла центральную роль на востоке Европы. Конец 50-х — начало 60-х годов в истории этих стран были богаты важными событиями и значительными поворотами. Среди них — последствия речи Хрущева на XX съезде КПСС, «польская революция» 1956 г., возведение берлинской стены, начало десталинизации в Чехословакии, которая привела позднее к «Пражской весне». Вопрос о месте трех государств в мировой политике был сильно мифологизирован по обе стороны «железного занавеса». В лагере «реального социализма» официально провозглашалось монолитное единство позиций и интересов союзников по Варшавскому договору, на Западе многие смотрели на восточноевропейские страны как на простых бесправных агентов Кремля, не имевших каких-либо самостоятельных внешнеполитических интересов и инициатив. Не случайно, вероятно, что серьезного систематического исследования отношений между тремя государствами и их взаимосвязи с внешней политикой Советского Союза до сих пор не было.

Б. Име-Тухель с самого начала пытается не попасть в ловушки мифов и подойти к теме своего исследования дифференцированно, и это, безус-

ловно, следует поставить ей в заслугу. У нее уже есть солидный опыт в изучении Восточной Европы. Она автор работ о внешней политике ГДР, книги об отношениях Советского Союза с его соседями в Центральной и Юго-Восточной Европе в 1947—1968 гг. Работая над своей новой книгой, немецкий историк широко использовала материалы Третьего и Четвертого европейских отделений МИД СССР, хранящиеся в архиве Министерства иностранных дел Российской Федерации, и документы бывшего Центрального партийного архива ГДР (в настоящее время — Архива партий и массовых организаций бывшей ГДР в Федеральном архиве Германии). Среди последних — материалы ЦК, Политбюро и других органов СЕПГ, фонды различных германских политиков — А. А. Акермана, О. Винцера, Р. Гипфнера, О. Гротевольфа, Б. Кенена, В. Кенена, Б. Лойшнера, Г. Матерна, А. Нордена, Г. Рау, В. Ульбрихта, Г. Хандке, Г. Штиби. Многие из советских и восточногерманских документов стали доступными для исследователей только в последние годы, и Б. Име-Тухель впервые ввела их в научный оборот. В то же время, как признает автор, ей так и не удалось получить доступ к бывшим архивам КПСС.

Немецкий историк ставит перед собой цель исследовать двусторонние контакты между ГДР, Чехословакией и Польшей в 1954—1962 гг., трехстороннее сотрудничество, а также влияние Советского Союза на эти страны и на взаимоотношения между ними. Ее интересуют соответствующие мотивы, устремления и цели сторон и их эволюция. При этом она полагает, что речь идет не о «добровольном союзе трех государств с независимой внешней политикой», а о сотрудничестве, «которое на протяжении данного периода с различной интенсивностью поощрялось гегемониальной державой — Советским Союзом» (S. 8). В то же время идею тесного взаимодействия и союза Восточной Германии, Чехословакии и Польши нельзя рассматривать только как разработанную в Москве. Региональное сотрудничество между ними — несмотря на различную интен-

сивность и направленность — носило систематический характер, причем каждое из государств руководствовалось при этом и своими собственными, зачастую различными интересами (S. 357).

Б. Име-Тухель детально анализирует различные фазы существования «блока» трех стран. Сама идея «северного треугольника» была, по ее мнению, выдвинута Советским Союзом в период «после Сталина», в конце 1954 г. Если до тех пор Москва рассматривала государства «народной демократии» просто как свои «ударные бригады», то отныне им придавалась отдельная роль во внешней политике: они должны были оказывать влияние на Европу с тем, чтобы предотвратить интеграцию Западной Германии в западный военный союз. При этом СССР использовал и собственные мотивы и настроения партнеров — страх перед германской военной мощью, перед военной угрозой с Запада. Польша и Чехословакия опасались за судьбу своих послевоенных границ, гарантированных Советским Союзом, а ГДР — за свое существование. Одновременно советское руководство пыталось добиться «исторического примирения» между Восточной Германией и ее соседями, чтобы можно было без проблем интегрировать ее в восточный блок. Такое стремление соответствовало интересам восточноберлинского правительства, и именно оно выступило рьяным поборником наиболее тесного сотрудничества во всех областях — не только в борьбе против ремилитаризации ФРГ, но и в экономической, политической, военной, культурной и других сферах, вплоть до координации их хозяйственных планов. Руководство Чехословакии следовало политическим желанием СССР, а Польша, исходя из своих интересов, проявляла определенную сдержанность прежде всего в том, что касалось экономических аспектов.

Очень интересны данные, приводимые Б. Име-Тухель относительно существовавших в 1955 г. планов создания военного блока трех стран. Она признает, что здесь еще много неясного и нуждающегося в дальнейшей изучении. Идея выдвигалась ГДР и, по-видимому, обсуждалась ею с Польшей. Непонятно, поддерживала ли ее Чехословакия. Во всяком случае, полагает автор, такой пакт «никоим образом не соответствовал интересам Советского Союза» (S. 102), который мог усмотреть в нем возможную конкуренцию Варшавскому договору. Вывод представляется обоснованным, учитывая всегдашнее резко негативное отношение СССР к любой идее сепаратных конфедераций и союзов в Восточной Европе, даже если они выдвигались вполне лояльными по отношению к нему режимами. Пытаясь ответить на вопрос, почему же самый верный союзник

Москвы мог выдвинуть не устраивающие СССР предложения, Б. Име-Тухель высказывает мысль, что СЕПГ, правящая партия ГДР, «в своем стремлении к блоковой дисциплине и к созданию особых отношений с Советским Союзом часто превосходила требуемую СССР меру» (S. 102). Такого объяснения явно недостаточно. Приходится признать, что, во-первых, союзники Москвы уже тогда могли выступать с собственными инициативами, пусть даже не будучи в состоянии реализовать их против воли ведущей державы блока, а во-вторых, что Восточный Берлин имел свои интересы, действительно совпадавшие в тот период с интересами Советского Союза. О том, чем руководствовалось правительство СЕПГ, пишет и автор книги: это было желание придать законность своему существованию в противовес Западной Германии.

Вторую фазу в отношениях между странами региона исследовательница связывает с польскими событиями осени 1956 г. Новое руководство страны во главе с В. Гомулкой стало проводить определенную десталинизацию и развивать экономические связи с Западом. Польша выражала также недовольство отводимой ей ролью поставщика сырья своим «реально-социалистическим» партнерам. Так называемый национальный коммунистический курс вызвал резкую критику со стороны СССР и сталинистских правительств ГДР и Чехословакии. Но, в отличие от Венгрии, в этом случае военной интервенции не произошло. Соседям Польши надлежало теперь способствовать возвращению «блудного сына» в восточный блок и постепенному сворачиванию «польского эксперимента». В этом интересы Советского Союза и его союзников совпадали. Вплоть до 1958—1959 гг. политические контакты между СССР, ГДР и Чехословакией развивались при известной изоляции Польши, которой не полностью доверяли. В то же время в 1957 г. намечалась стабилизация в отношениях с Польшей: Восточный Берлин и Прага оказали Варшаве экономическую и финансовую помощь.

Острые внешнеполитических действий с 1957 г. направлялось против размещения ядерного оружия в Западной Германии и планов атомного вооружения Бундесвера, а также против усиления западноевропейской экономической интеграции. Ощущение угрозы со стороны ФРГ оставалось стимулом политики трех стран. С этим автор связывает третью фазу в развитии «треугольника». Агитационное наступление опиралось уже на целую сеть двусторонних и трехсторонних договоров и соглашений и сопровождалось активизацией экономического взаимодействия в рамках СЭВ. Все это делало возможным скоординированные акции.

Особое место в книге уделено так называемому плану Рапацкого — выдвинутому в 1957 г. (и впоследствии неоднократно модифицированным) предложением польского министра иностранных дел о ядерной демилитаризации Центральной Европы. Несмотря на то, что многое в истории формулировки этого плана остается неясным, автор выдвигает аргументированную гипотезу о том, что он не был продиктован Москвой, как это полагали на Западе, хотя и получил вначале ее поддержку. Это была инициатива стран региона, которая «могла стать началом совместной и независимой от Советского Союза политики» (S. 246). Однако она не была воспринята США и ФРГ, а после ультимативных требований Н. Хрущева к Западу демилитаризовать Западный Берлин и признать ГДР (ноябрь 1958 г.) интерес к плану потеряли и союзники Польши.

В книге обращается также внимание на еще одну возможность большей самостоятельности региона. С 1959 г. Польша активно пыталась укрепить экономическое сотрудничество с ГДР и Чехословакией. Появился даже термин «Восточное ЭЭС» (S. 358). Однако СССР имел другие интересы — усиление разделения труда в рамках СЭВ, чтобы теснее привязать эти страны к себе. Были разработаны и утверждены планы кооперации, в соответствии с которыми Восточная Германия и Чехословакия специализировались на машиностроении и химии, а Польша оставалась аграрно-сырьевой страной.

Последнюю фазу в истории «северного треугольника» (1958/1959—1962 гг.) Б. Име-Тухель определяет как «установившееся сотрудничество, которое ориентировалось на советские цели, выдвигаемые для всего восточного блока, но не имело большого значения в расчетах СССР» (S. 359). Советский Союз отныне вплоть до конца 80-х годов стремился использовать общевосточные хозяйственные, политические и военные механизмы и не проявлял интереса к особым региональным группировкам. С другой стороны, в странах «реального социализма» нарастали экономические трудности, что не способствовало их взаимной помощи. После возведения берлинской стены в 1961 г. Чехословакия и Польша отвергли требования ГДР о дальнейших экономических льготах. Если руководство СЕПГ продолжало настаивать на своей роли «угрожаемой витрины Востока», то для двух других стран Восточная Германия превратилась в нормальное «социалистическое» государство, и теперь надлежало подумать и о себе. Ситуация в трех государствах все более различалась. ГДР продолжала идти прежним жестким курсом, режим В. Гомулки в Польше прекратил десталинизацию, а Чехословакия, наобо-

рот, начинала тот путь, который несколько лет спустя привел к «Пражской весне». А после того, как в 1962 г. чехословацкое руководство объявило, что больше не чувствует угрозы со стороны Западной Германии, исчезло и единство внешнеполитических целей трех стран. С этого момента, полагает Б. Име-Тухель, говорить о «северном треугольнике» больше не приходится.

Явно стремясь избежать следованию расхожим политическим мифам, автор, к сожалению, подчас сама попадает под их влияние. Так, например, вслед за некоторыми другими исследователями, она подчеркивает роль идеологических мотивов в советской внешней политике, говорит о «полной энтузиазма атмосфере уверенности в победе социализма над капитализмом» в конце 1950-х годов и о «наивной вере в осуществление коммунизма» у Н. Хрущева (S. 104), ссылаясь на высказывания самого советского лидера, воспоминания и публицистику А. Аджубея, Ф. Бурлацкого и А. Стреляного, которые по разным причинам не свободны от субъективизма. В действительности прав, по-видимому, исследователь правящего класса советского общества М. Восленский, доказывавший, что ни о каком социализме или коммунизме речь всерьез не шла, что «идеология класса номенклатуры — не марксизм и даже не ленинизм», а «пересыпанная марксистскими терминами» великодержавность и что «путем создания во всех странах режима реального социализма номенклатура стремится установить свое мировое господство» [1]. В зависимости от международной и внутренней ситуации ее тактика могла быть более наступательной, опирающейся на веру в победу новых, более рациональных способов господства, или более оборонительной, когда упор делался на сохранение status quo. Чем дальше, тем больше, по меткому замечанию бывшего активиста оппозиционного движения в ГДР Б. Герке, «воспринимающая себя как авангард номенклатуры уступала место элитарной, а героический бюрократ — потребляющему» [2].

В этой связи стоит еще раз присмотреться к тому, как Б. Име-Тухель истолковывает интересы исследуемых ею стран. По ее логике, подлинные «национальные интересы» Польши и Чехословакии состояли в максимальной независимости от Москвы, а у Восточной Германии таковые отсутствовали вообще, поскольку речь не шла об особой нации. Здесь не время и не место для подробной критики концепции «государств — наций». Отметим лишь, что за «национальными интересами» скрываются устремления правящих слоев соответствующих государств, а они в рассматриваемый период в данных странах совершенно не обязательно противоречили великодержавной политике

Советского Союза, что, кстати, неоднократно демонстрирует сама автор книги. Членство в восточном блоке позволяло режимам удержаться у власти и до поры до времени осуществлять форсированную модернизацию производственных систем.

Придирчивый читатель мог бы, наверное, высказать и какие-нибудь иные критические замечания. Но не это главное. Книга Б. Име-Тухель, несомненно, займет место в ряду фундаментальных исследований послевоенной внешней политики восточноевропейских стран. Ученым, которые занимаются этой темой, без знакомства с этой работой не обойтись. А привлечение мате-

риалов из польских, чешских и партийных советских архивов позволит, будем надеяться, дать ответ на все еще спорные вопросы о механизмах выдвигания и реализации политических инициатив в государствах восточного блока.

© 1995 г. *Дамье В.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1994. С. 410, 472.
2. *Gehrke B.* Selbstäuschung und Emanzipation// *Skaven.* 1994. № 4/5. S. 50.

ОТДЕЛ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ РАН ПЕРЕД НОВЫМИ ЗАДАЧАМИ

В состав отдела современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения и балканистики РАН, помимо заведующего¹, в настоящее время входят: ведущие научные сотрудники, доктора исторических наук Э. Г. Задорожнюк, Б. Й. Желицки, Н. В. Коровицына, В. В. Марьина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова, и ведущий научный сотрудник-консультант, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ А. Я. Манусевич; старшие научные сотрудники, кандидаты исторических наук Е. Л. Валева, Т. В. Волокитина, Ю. Ф. Зудинов, Л. Б. Милякова, Т. А. Покивайлова; научные сотрудники, кандидаты исторических наук А. Б. Едемский, О. Н. Майорова (ученый секретарь отдела), В. В. Мирошников, Г. Ю. Харциева, а также научный сотрудник без степени Т. Ф. Маковецкая; младший научный сотрудник без степени Д. А. Ермакова и старший лаборант Н. А. Кливетова.

Во временные рамки исследований отдела входят: во-первых, история второй мировой войны применительно к странам Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) и их послевоенная история, которая может быть отождествлена с 45-летием строительства в этих странах так называемого реального социализма (в международном плане окончание послевоенного периода датируется, как известно, подписанием участниками ОБСЕ в ноябре 1990 г. Парижской хартии); во-вторых, история посткоммунистического периода, начавшегося радикальными изменениями в регионе 1989—1991 гг. и продолжающегося поныне. Первому направлению уделяют преимуществен-

ное внимание Е. Л. Валева, Т. В. Волокитина, Д. А. Ермакова, А. Я. Манусевич, В. В. Марьина, Т. Ф. Маковецкая, Л. Б. Милякова, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова, Т. А. Покивайлова. Посткоммунистическим периодом, включая так или иначе многие сюжеты предшествовавшей ему истории послевоенного периода, занимаются А. Б. Едемский, Э. Г. Задорожнюк, Б. Й. Желицки, Ю. Ф. Зудинов, Н. В. Коровицына, О. Н. Майорова, В. В. Мирошников, Ю. С. Новопашин и Г. Ю. Харциева.

Таким образом, содержание работы коллектива составляет изучение следующих профильных для отдела проблем: 1) вторая мировая война 1939—1945 гг. в контексте истории стран восточноевропейского региона; 2) власть и общество на этапе становления в упомянутых странах системы советского типа; 3) тоталитаризм как способ существования и причина краха этой системы; 4) политические кризисы и конфликты в странах региона внутреннего и международного характера; 5) посткоммунистические изменения в ЦЮВЕ: плюсы и минусы становления демократической системы.

Уже из перечисления основных исследовательских проблем отдела видна, как представляется, его сугубая специфика, имеющая неоднозначный характер. Можно констатировать, что нет больше в ИСБ подразделений, кроме этого, которые, начиная, естественно, с известной исторической ретроспективы, выходили бы, что называется, на злобу нынешнего дня или, скажем академичнее, на современность. И это вроде бы неоспоримое достоинство, поскольку без выхода

¹ С момента создания отдела в 1992 г. возглавляет его заместитель директора ИСБ РАН, д-р философ. наук, профессор Новопашин Ю. С.

на современность нельзя себе представить Института славяноведения и балканистики, института, ареалом изучения которого был и остается восточноевропейский регион, подвергшийся в последние полвека уникальному социалистическому эксперименту и не менее уникальным для новейшей истории антикоммунистическим революциям конца 80-х — начала 90-х годов. Но оборотной стороной этого, так сказать, исследовательского достоинства является такой очевидный недостаток, как перманентный источниковый голод. И тут отдел современной истории и социально-политических проблем оказывается в сравнении со всеми другими историческими подразделениями института в незавидном положении.

Что касается отечественных архивов, то они рассекретили, да и не то полностью, фонды, относящиеся к проблематике отдела, всего два — три года назад. Кроме того, количество других элементов источниковой базы, включая монографические издания соответствующих стран, их научную периодику и ежедневную печать, чрезвычайно сократилось по ряду причин, прежде всего бюджетно-финансовых. Сократилось даже в ведущих научных библиотеках Москвы, не говоря уже о возможностях ИСБ получения прессы по подписке, равных сейчас нулю. Разумеется, существует гипотетическая возможность работы в архивах и библиотеках изучаемых стран. Но она превращается в действительность не так часто, как хотелось бы в интересах дела, все по тем же, в основном бюджетно-финансовым, причинам, хотя, когда все же эта возможность реализуется, сотрудники стремятся максимально ею воспользоваться. Они выступают по итогам своих поездок на заседаниях отдела, рассказывают, с какими архивными фондами ознакомились, демонстрируют экземпляры той новейшей научной литературы, которые им удалось привезти, и в солидном, надо сказать, для каждого конкретного случая объеме. Так что все возможное делается, но в целом подобные отдельные положительные примеры все же не меняют общего незавидного положения с источниковой базой.

Однако сказанное отнюдь не означает, что коллектив отдела опустил перед трудностями руки и вообще мало что делает или сделал, например в прошлом, 1994 году.

В рамках решения первой из профильных проблем (вторая мировая война в контексте истории стран восточноевропейского региона) исследовательской группой под руководством В. В. Марьиной завершена работа над коллективным трудом «Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» объемом в 35 п. л. Этот труд готовился под эгидой Отделения

истории РАН и был приурочен к 50-летию Победы. По линии Отделения истории проходит также и работа над многотомником «Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Очерки истории». Сотрудники отдела Е. Л. Валева, Б. Й. Желички, В. В. Марьина и находящаяся сейчас на пенсии В. С. Парсаданова участвовали в написании третьего тома, который создавался под руководством академика Г. Н. Севастьянова и был посвящен характеристике положения в воюющих странах накануне Победы. Соответствующие разделы этого тома по Болгарии, Венгрии, Польше и Чехословакии завершены в 1994 г.

В рамках решения второй проблемы (власть и общество на этапе становления в восточноевропейских странах системы советского типа) выполняется научный проект «Сталинизм в Восточной Европе. 1944—1953 гг.» По этому проекту исследовательской группой под руководством Г. П. Мурашко был запланирован на 1991—1995 гг. сборник «Восточная Европа в документах российских архивов», т. 1 (1944—1948 гг.); т. 2 (1948—1953 гг.). Подготовка сборника поддержана грантом Российского фонда фундаментальных исследований (ныне — Российский гуманитарный научный фонд). Первый том, в составлении которого участвовали, помимо Г. П. Мурашко, Т. В. Волокитина, Д. А. Ермакова, Т. Ф. Маковецкая, А. Ф. Носкова и Т. А. Покивайлова, сдан в производство в 1994 г., выпущен он будет издательством «Сибирский хронограф».

Собранный для выполнения проекта «Сталинизм в Восточной Европе» большой архивный материал позволил коллективу под руководством А. Ф. Носковой (в который, кроме нее, вошли Т. В. Волокитина, Д. А. Ермакова, Г. П. Мурашко) подготовить и издать в 1994 г. документальный сборник на 16 п. л. под названием «НКВД и польское подполье. 1944—1945 гг. (По «Особым папкам» И. В. Сталина)». Этот сборник вызвал у научной общественности, особенно польской, большой интерес в связи с уникальностью содержащихся в нем документов, впервые увидевших свет.

В рамках решения третьей из профильных проблем отдела (тоталитаризм как способ существования и причина краха системы советского типа) коллективом под руководством В. В. Марьиной и при авторском участии Ю. Ф. Зудилова, Н. В. Коровицкой, Л. Б. Миляковой, Ю. С. Новопашина и некоторых сотрудников других отделов ИСБ подготовлен и вышел в этом году в свет сборник статей «Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы». В 1993 г. отдел имел от РФФИ грант по теме «Проблемы борьбы с тоталитаризмом в Восточной Европе». В плане разработки этой темы тогда был написан и издан

второй выпуск сборника «Власть и интеллигенция (Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы)» объемом в 12 п. л. Годом раньше появился первый выпуск этой серии, авторами которого выступили девять сотрудников Института.

Разработка четвертой из профильных проблем отдела (политические кризисы и конфликты в странах региона внутреннего и международного характера) закреплена за исследовательской группой под руководством Б. Й. Желицки. Разумеется, понятие группы весьма подвижно, она приобретает численную определенность в процессе организации работы над той или иной конкретной темой, подготовки соответствующих коллективных (или индивидуальных) публикаций. Еще в 1992 г. был обговорен с Б. Й. Желицки вопрос о желательности серии публикаций под общим названием «Политические кризисы и конфликты в Восточной Европе». Первый сборник этой серии о кризисах и конфликтах 50-60-х годов при авторском участии А. М. Орехова, Б. Й. Желицки, А. С. Стыкалина, В. Т. Середы, М. В. Латыша, Ю. С. Новопашина, Н. Ю. Калашниковой вышел в 1993 г. Над вторым Б. Й. Желицки в качестве научного организатора работы трудится сейчас.

В заслугу руководителю этой группы следует поставить его активные и плодотворные усилия как редактора-составителя сборника «Бывшие «хозяева» Восточной Европы», в котором в форме научно-популярных исторических очерков даны политические портреты Т. Живкова, Я. Кадара, Э. Хонеккера, В. Ярузельского, Н. Чаушеску и Г. Гусака [1]. Получилась интересная и полезная с информационно-справочной точки зрения работа, поскольку ни официальных, ни критического плана биографий этих коммунистических деятелей в нашей стране никогда не издавалось.

Отдел вообще нацеливается применительно к восточноевропейскому региону на серию «Политические портреты». Скажем, Б. Й. Желицки в ближайшем будущем намеревается написать исторический очерк о Миклоше Хорти в форме небольшой монографии или брошюры, ибо собрал об этом неоднозначном венгерском деятеле большое количество оригинальных архивных материалов. При наличии солидной источниковой базы могли бы быть созданы работы и о других видных деятелях стран ЦЮВЕ, в том числе о тех, имена которых в недавнем прошлом замалчивались, подвергались идейно-политическому остракизму.

Наконец, о пятой из профильных проблем (посткоммунистические изменения в ЦЮВЕ: плюсы и минусы становления демократической системы). Уже из формулирования этой проблемы видно, что в своих рассуждениях о восточноевропейском регионе после переломного 1989 г.

сотрудники отдела хотели бы избежать, с одной стороны, так сказать «ребячьего восторга», а с другой — «стариковского брюзжания». Разумеется, весь научный коллектив придерживается той точки зрения, что крушение коммунистических режимов и последующая деятельность новых властей стран нашего ареала изучения — это революционные события, отражающие общемировую демократическую тенденцию. Но посттоталитарная действительность оказалась весьма отличной от первоначальных позитивных прогнозов, и нельзя не видеть, что радикальность перемен во всех странах проявилась пока что главным образом в сломе старых организационно-управленческих систем, посредством которых осуществлялось функционирование и развитие этих стран четыре с половиной послевоенных десятилетия. Что же касается становления новых антитоталитарных, плюралистических систем, то оно происходит, как правило, медленно, часто непродуманно и непоследовательно, т. е. витриной успешного перехода к рыночным отношениям и демократическому правлению не является. Да к тому же из 22 государств, выкристаллизовавшихся после восточноевропейских революций и распада СССР в 1991 г., экс-коммунисты не командуют ныне только в трех — Албании, Латвии и Чехии. Совокупный людской потенциал последних — 16 с половиной млн, а всех остальных — около 360 млн человек. Так что, думается, нацеленность на выявление плюсов и минусов посткоммунистических изменений, на порождаемые этими изменениями трудности и проблемы вполне понятна и оправдана.

Разработка указанной пятой проблемы обеспечивается в отделе исследовательской группой под руководством Э. Г. Задорожнюк. В 1994 г. эта группа выпустила сборник на 15 п. л. «Политические партии и движения Восточной Европы. Проблемы адаптации к современным условиям». Его авторы — Е. Л. Валева, Э. Г. Задорожнюк, А. Б. Едемский, Б. Й. Желицки, О. Н. Майорова, Ю. С. Новопашин и Г. Ю. Харчиева. Объектом исследования в сборнике стали развитие политической системы восточноевропейских стран после 1989 г., непростая адаптация общества к условиям партийного плюрализма после четырех с лишним десятилетий жесткого коммунистического моноцентризма. Впервые в российской научной литературе здесь обстоятельно рассказано, в частности, о болгарском Союзе демократических сил, Венгерском демократическом форуме и Независимой партии мелких хозяев этой страны, о возродившейся чешской и словацкой социал-демократии и т. д.

Еще в конце 1993 г. группа выступила с заявкой на двухгодичный исследовательский проект «В поисках нового вектора: политические и

социально-экономические преобразования в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» и получила под него грант от РФФИ. В 1994 г. в рамках реализации этого проекта был подготовлен и вышел в свет сборник «Постреволюционная Восточная Европа: экономические ориентиры и политические коллизии». В нем преимущественное внимание уделено социально-экономическому развитию восточноевропейских стран за последние пять лет. В первую очередь анализируются, естественно, приватизационные процессы — ключевые с экономической точки зрения для всего переходного периода к рыночному хозяйствованию. Следует в этом контексте упомянуть и о «круглом столе» на тему «Посттоталитарная Восточная Европа: проблемы развития», который был проведен группой Э. Г. Задорожнюк в мае 1994 г., а его материалы в объеме 2 п. л. журнал «Славяноведение» опубликовал в шестом номере за тот же год [2].

Разумеется, речь выше шла только о профильных для отдела проблемах и важнейших коллективных трудах², выполненных в 1994 г. в рамках разработки этих проблем. Иными словами, не ставилась задача перечислить буквально все, сделанное сотрудниками за истекший год. Думается, что как раз именно то, о чем уже рассказано, определяет лицо отдела современной истории и социально-политических проблем, его важное место в комплексной институтской программе исследований и соответствующей целям реализации этой программы структуре научных подразделений.

Вообще же сотрудники отдела имеют весьма разносторонние интересы, выходящие за рамки очерченных здесь профильных научно-исследовательских проблем. Похвальную активность с точки зрения, например, журнальных публикаций, в том числе в зарубежных изданиях, проявили в 1994 г. Е. Л. Валева, Б. Й. Желицки, Э. Г. Задорожнюк, В. В. Марьиной, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова, Т. А. Покивайлова и др. [4]. Всего же отдельческий список опубликованных в 1994 г. плановых и внеплановых глав, статей, выступлений, обзоров и рецензий насчитывает свыше 50-ти наименований. Причем в данном случае оставлены за скобками подготовленные, но еще не увидевшие свет работы. У Марьиной, например, пять таких работ, в том числе три — для различных изданий Института военной истории МО РФ. Укажем также брошюру Волокитиной, Мурашко и Носковой под названием «Сталинизм в Восточной Европе. 1944—1948 гг.», написанную в качестве пособия для высшей школы, статьи для «Славянской энциклопедии» Маковецкой, Миляковой и т. п.

Говоря о научной активности сотрудников

отдела, надо хотя бы пунктирно прочертить тему их участия в конференциях, симпозиумах и «круглых столах». Они выступили в 1994 г. с докладами и сообщениями на десяти международных конференциях, проходивших в Москве, Софии, Братиславе и Праге, на международном семинаре в Тюбингене, на трех московских международных «круглых столах», одной всероссийской конференции, на Дриновских чтениях и встрече IV департамента МИД РФ с учеными-полонистами. Доклады и выступления были подготовлены и прочитаны Е. Л. Валева, Т. В. Волокитиной, Б. Й. Желицки, Э. Г. Задорожнюк, Ю. Ф. Зудиновым, Н. В. Коровицкой, Т. Ф. Маковецкой, В. В. Марьиной, В. В. Мирошниковым, Г. П. Мурашко, Ю. С. Новопашиним, А. Ф. Носковой и Т. А. Покивайловой.

Более подробно говорить о международных связях не приходится, ибо они превратились для всех без исключения сотрудников отдела в достаточно редкое событие. Вообще же это весьма актуальный вопрос, лежащий часто в плоскости поиска новых для научного сотрудничества партнеров, восстановления сократившихся до минимума или вовсе прервавшихся межакадемических и иных контактов. И тут должна использоваться (и используется) любая возможность. В частности, за счет средств из грантов оплачиваются в некоторых случаях транспортные расходы по межакадемическому эквиваленту, еще сохраняющему свое значение в отношениях с отдельными восточноевропейскими странами.

Что касается перспектив работы отдела, то они, быть может, несколько туманны с точки зрения общеполитической и социально-экономической ситуации в стране, но с научной вполне ясны и конкретны по всем пяти упоминавшимся профильным исследовательским проблемам. В русле дальнейшей разработки первой из них находится, например, монография В. В. Марьиной «Чешско-словацкий вопрос в политике СССР. 1939—1941 гг.»; в русле второй — завершение собрания в архивах материалов для второго тома сборника «Восточная Европа в документах российских архивов» и составление его макета, а также подготовка документального издания о трех визитах А. Я. Вышинского в Бухарест и др. В русле третьей проблемы — работа над вторым выпуском серии «Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы», имеющем подзаголовок «Коммунисты и их оппоненты». В русле четвертой — завершение подготовки второго выпуска серии «Политические кризисы и конфликты в Восточной Европе». В русле разработки пятой из профильных проблем отдела — написание статей для сборника «Политический ландшафт стран Восточной Европы в середине 90-х годов», который

² За 1992—1994 гг. опубликовано двенадцать коллективных работ [3].

значится в упоминавшемся выше двухгодичном исследовательском проекте «В поисках нового вектора: политические и социально-экономические преобразования в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», поддержанном и на 1995 г. грантом от РГНФ.

Конечно, последнее 50-летие развития восточноевропейского региона вместило в себя такое количество разнообразных исторических событий, что не только отдел, но и десятки подобных коллективов разных стран долго еще будут не в состоянии дать в своих исследованиях систематическую и разностороннюю научную картину всего произошедшего. Ведь на этом отрезке бурной и поистине трагической истории восточноевропейского региона дважды кардинально менялись векторы общественных преобразований: один раз — от межвоенной эпохи буржуазно-демократического развития к авторитаризму военного времени и послевоенной коммунистической диктатуре; другой же — на рубеже 80—90-х годов — от тоталитаризма советского типа вновь к западному парламентаризму и рыночным методам хозяйствования. И все же стремиться понять и объяснить эти глубочайшие общественные катаклизмы — долг каждого исследователя, взявшего на себя нелегкую ношу изучения современной истории.

Возьмем упомянутый второй том сборника «Восточная Европа в документах российских архивов», охватывающий период 1948—1953 гг. Его составители считают этот период относительно самостоятельным, полагая, что именно за указанные пять — шесть лет в восточноевропейских странах в условиях идеологического императива марксистско-ленинского социализма оформились политические системы, которые основывались на властной монополии верхушки коммунистической партии и фактически представляли собой аналоги советской модели 30—40-х годов. Собранные авторским коллективом документы, комментарии к ним должны пролить свет на процесс складывания в этих странах партийно-государственной номенклатуры, показать рычаги ее идейно-политического и организационно-управленческого воздействия на общество. Материалы второго тома, связанные с функционированием в регионе системы советского типа, будут, как представляется, способствовать объяснению причин нарастания и в конечном счете возобладания в государственном устройстве стран ЦЮВЕ тоталитарных тенденций, что обусловило «закупорку» каналов обратной связи и довело противоречия между властью и обществом до крайней, любовой формы их разрешения.

Без такого рода документальных изданий можно много рассуждать о тенденциях общественного развития и превратностях судьбы не только властных элит, но и целых народов, но

невозможно аргументированно объяснить, почему пробили себе дорогу именно эти, а не другие тенденции, что повлияло на принятие коммунистической номенклатурой решений, последствия которых оказались гибельными для нее самой. Вот почему этому направлению работы придается в отделе и в ИСБ в целом важное значение.

Однако не меньшее значение придается теоретико-методологической стороне дела, расширению сотрудниками своего исследовательского инструментария. Отдел и шага не сделал бы вперед в разработке своих профильных проблем, если оставался бы в плену марксистско-ленинских посылок о решающей роли в общественном развитии классовой борьбы, о революции как «повивальной бабке» истории и «празднике угнетенных», о социализме и коммунизме, к которым-де с железной, естественно-исторической необходимостью движется человечество, и о коммунистической партии как «провозвестнице» этого движения, единственно будто бы способной довести до конца дело освобождения от эксплуатации рабочего класса и всех трудящихся. Мимо внимания сотрудников отдела не прошли соображения выдающихся русских мыслителей И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и других, убедительно показавших, что отнюдь не везде и не всегда классовая борьба играет решающую роль в общественном развитии, что чаще не она, а единые действия всех слоев населения помогали решать судьбоносные для той или иной страны проблемы и двигали эту страну гигантскими шагами вперед. Революция же, даже по словам социалиста Ж. Жореса, есть «варварская форма прогресса. Сколь благородна, плодотворна, необходима ни была бы революция, она всегда принадлежит к более низкой и полузвериной эпохе человечества» [5]. Как подчеркивал С. Л. Франк, «исторически революция всегда есть бессмыслица. Она есть попытка с помощью взрыва исправить недостатки паровой машины или с помощью землетрясения установить целесообразно распланировку улиц города» [6].

Гораздо менее плодотворной была бы, видимо, работа сотрудников отдела по анализу нарастания и постепенного возобладания в восточноевропейских странах тоталитарно-коммунистических тенденций, если бы они не познакомились и во многом не восприняли мысли И. А. Ильина, который писал, что «сущность тоталитаризма состоит не столько в особой форме государственного устройства (демократической, республиканской или авторитарной), сколько в объеме управления; этот объем становится всеохватывающим. Однако, — отмечал он, — такое всеобъемлющее управление осуществимо только при проведении самой последовательной диктатуры, основанной на един-

стве власти, на единой исключительной партии, на монополии работодателя, на всепроникающем сыске, на взаимодоносительстве и на беспощадном терроре. Такая организация управления позволяет придать собственно государственной форме любой вид: советский, федеративный, избирательный, республиканский или иной. Важна не государственная форма, а организация управления, обеспечивающая всеохват; до последнего закоулка городского подвала, деревенского чулана, личной души, научной лаборатории, композиторской фантазии, больницы, библиотеки, газеты, рыбацкой лодки и церковной поповедальни» [7].

Такого рода соображения отечественных и зарубежных мыслителей — непримиримых противников большевистских хозяев Кремля и их сателлитов из восточноевропейского региона — не могут не быть в арсенале тех российских исследователей, которые занимаются историей посткоммунистического периода, осмысливают опыт демократических преобразований в странах этого региона и пытаются ознакомить читающую публику со своими общениями и выводами. Потребность в этом, кстати, огромна. Чтобы хоть как-то удовлетворить ее и выбрана такая более или менее оперативная форма публикаций, как сборники научных трудов. Их подготовка и своевременное издание — также в числе важнейших направлений работы отдела.

Думается, разговор о новых задачах отдела не будет полным, если не указать хотя бы на некоторые из трудностей и нерешенных вопросов. Они существуют. Например, кадровый вопрос. Имеются очевидные пробелы в укомплектованности отдельными специалистами. Вместо Н. Ю. Калашниковой, перешедшей на другую работу, найти специалиста по современной истории Румынии так пока и не удалось. В рецензии журнала «Свободная мысль» на сборник «Политические партии и движения Восточной Европы. Проблемы адаптации к современным условиям» справедливо указывалось на отсутствие статьи по Албании [8]. И во всех других коллективных работах отдела таких статей тоже нет, что, естественно, плохо, если мы пишем о странах ЦЮВЕ, а не только о славянских народах этого региона.

Тезис о привлечении научной молодежи аксиоматичен, но молодежь, например, с кафедры истории западных и южных славян исторического факультета МГУ, заниматься современной историей не хочет. Отпугивают весьма призрачная архивно-источниковая база и пертурбации, которые в регионе сейчас происходят. Хотя и не только, но и по этой причине, очевидно, никто в последние годы не идет и в аспирантуру ИСБ по проблемам современной истории. Исключение составляет лишь заочник А. В. Кузьмин (питомец Б. Й. Желицки), который, однако, едва ли сменит работу в МИД

РФ на нищенское положение академического со-трудника даже с кандидатской степенью.

© 1995 г. *Новопашии Ю. С.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бывшие «хозяева» Восточной Европы. Политические портреты. М., 1995.
2. Посттоталитарная Восточная Европа: проблемы развития (материалы «круглого стола») // Славяноведение. 1994. № 6. С. 59—80.
3. Власть и интеллигенция. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. М., 1992; Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития. М., 1992; «Восточноевропейский социализм»: становление режима, попытки его модификации, причины краха. М., 1992; Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993; Власть и интеллигенция. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы. М., 1993. Вып. 2; Народная демократия: миф или реальность? М., 1993; Политические кризисы и конфликты 50—60-х годов в Восточной Европе. М., 1993; НКВД и польское подполье. 1944—1945 гг. (По «Особым папкам» И. В. Сталина). М., 1994; Политические партии и движения Восточной Европы. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994; Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939—1945 гг. М., 1995; Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.
4. *Валева Е. Л.* Стратегия Коминтерна в Болгарии и деятельность болгарских коммунистов (1941—1943 гг.) // Славяноведение. 1994. № 6; *Желицки Б. Й.* Венгрия в 1989—1994 гг. // Преподавание истории в школе. 1994. № 7; *Zseliczky B. Moszkva-Budapest: 1956. A felső szintű szovjet-magyar kapcsolatok történetéhez // Múltunk. 1994. № 3. 20—52. old.; Задорожнюк Э. Г.* Культурно-исторические судьбы славянства // Вестник Российской академии наук. 1994. № 3; *Марына В. В.* Коминтерн: ликвидация или модификация? (1939—1943 гг.) // Славяноведение. 1994. № 5; *Marina V. V.* Soviet Union and the Slovak national uprising // Slovakia. 1994. № 7. S. 36—37; *Murasko G. P., Nosková A. F.* Národní a teritoriálna otázka ve Východní Evropě po II světové válce // Slovansky přehled. 1994. № 2; *Новопашии Ю. С.* От тоталитаризма к демократии: неоднозначность итогов // Славяноведение. 1994. № 6; *Покивайлова Т. А.* Коминтерн и Коммунистическая партия Румынии. 1939—1940 гг. (По документам российских архивов) // Славяноведение. 1994. № 6.
5. *Волкогоннов Д. А.* Ленин. Политический портрет. М., 1994. Кн. 1. С. 250.
6. *Франк С. Л.* По ту сторону «правого» и «левого». Статьи по социальной философии // Новый мир. 1990. № 4. С. 208.
7. *Ильин И. А.* Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948—1954 гг. М., 1992. Т. 1. С. 94—95.
8. *Шкундин Г. Д.* К западу от СНГ // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 107.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В ОБЩЕСТВЕННОЙ И НАУЧНОЙ ЖИЗНИ НАРОДОВ ЕВРОПЫ»

30 мая 1995 г. в Институте славяноведения и балканистики (ИСБ) РАН был проведен круглый стол на тему: «Славянский вопрос в общественной и научной жизни народов Европы» в рамках ежегодных дней славянской письменности и культуры. Заседание вел *М. А. Робинсон* (ИСБ РАН).

Это уже третья конференция, посвященная вопросам славянской идеологии, в рамках «Дней». Первая — «Славянские съезды XIX—XX вв.» состоялась 1 июня 1993 г., вторая — «Славянская идея в общественной мысли славянских народов: история и современность» — 7 июня 1994 г. Участники круглого стола подчеркивали, что общественный интерес к славянофильству, панславизму и другим трансформациям славянской идеи особенно возрастал в периоды коренных преобразований в социально-политической и духовной жизни славянских народов, а потому в нынешнее время — эпоху серьезных общественно-политических сдвигов в Центральной и Юго-Восточной Европе — эта проблематика приобретает особую актуальность. На конференции было заслушано 13 докладов и сообщений.

Итогам и перспективам изучения славянского вопроса был посвящен открывший конференцию доклад *В. А. Дьякова* (ИСБ РАН). В его выступлении были проанализированы трактовки славянской идеи в России в XIX — начале XX в. у представителей как левых, так и правых течений русской общественной мысли.

В докладе *О. А. Акимовой* и *Г. П. Мельникова* (ИСБ РАН) «Идея славянской солидарности в средние века» впервые выявлены характерные черты средневековых представлений о славянстве сопоставительно на чешском и хорватском материале: чехо(хорвато)центризм славянского мира, тесная взаимосвязь с христианской идеологией, «детерминированная этатизмом и универсализмом имперского типа».

И. В. Чуркина (ИСБ РАН) в докладе «Славянская идея у южных славян в первой половине XIX в.» констатировала различия в проявлениях славянской идеи на территории Словении и Хорватии, связанные с исторически сложившимся правовым положением этих земель в Австрийской монархии.

И. И. Лещиловская (ИСБ РАН) рассмотрела

проблемы славянской взаимности в культурном развитии славян в первой половине XIX в. на материале литературы (особенно народной поэзии), музыки и национальной периодической печати.

Джон Хи-Сок (Республика Корея) в докладе «Идея славянского единства в мировоззрении Ф. И. Тютчева» проанализировал поэтические произведения и трактаты поэта в контексте проблем русской дипломатии и идейно-политической борьбы славянофилов в середине XIX в.

В докладе *В. М. Хевролиной* (Ин-т российской истории РАН) «Идея славянского единства во внешнеполитических концепциях поздних славянофилов» выделены два этапа в эволюции их представлений: первый — до болгарского кризиса 70—80-х годов, когда отстаивался приоритет славянского вопроса во внешней политике России, и второй — после кризиса, проявившийся в поисках общеправославных интересов России и обращении славян на Запад.

Н. И. Хитрова (Ин-т российской истории РАН) рассмотрела представления о славянской взаимности в мировоззрении представителя русских демократических кругов второй половины XIX в. *П. А. Ровинского*.

Выступление *В. А. Артамонова* (Ин-т российской истории РАН) было посвящено проявлениям славянской взаимности у восточных славян (в основном русинов) в XIX—XX вв. Он призвал слушателей к актуализации исследований по славянской идеологии, в частности, проведению социологических опросов, что неоднозначно было воспринято аудиторией.

Представитель «Русско-сербского православного братства» *К. И. Еришков* в эмоциональной форме рассказал о проявлениях русско-сербской взаимности в настоящее время на примере последних трагических событий в Боснии и Герцеговине.

С. М. Фалькович (ИСБ РАН) в докладе «Проблемы славянской взаимности в русской и польской общественной мысли XIX в.» провела сопоставительный анализ сходства и различия в представлениях о славянской идее в кругах русской и польской, преимущественно радикальной, интеллигенции.

З. С. Ненашева (МГУ) в докладе «Австрийская дипломатия и славянский вопрос в России на

рубеже XIX—XX вв.» рассказала о своих находках в венском архиве МИД, позволивших внести уточнения в сложившуюся концепцию неославизма.

В докладе *Л. П. Лантевой* (МГУ) «В. И. Ламанский как организатор обсуждения славянского вопроса в русской периодике конца XIX в.» рассматривалась многогранная научная и общественно-политическая деятельность ученого, в том числе и как издателя «Славянских известий» С.-Петербургского комитета Славянского благотворительного общества, «Живой старины» и пр.

В. И. Косик (журнал «Педагогика») рассмотрел проблемы югославянства — славянства в русской эмигрантской периодике межвоенного периода.

В докладе *А. Н. Горяинова* «Славянская взаимность в трактовке отечественной историографии 20—30-х годов XX в.» показана эволюция подхода

советских властей к идее славянской взаимности и славяноведения. Полное равнодушие к ним в 20-е годы сменилось отрицанием в начале 30-х, сопровождавшимся репрессиями в отношении славистов. Возрождение идей и науки стало возможным лишь накануне второй мировой войны.

М. Ю. Досталь (ИСБ РАН) в докладе «Идея славянской общности: и несостоявшийся Первый общеславянский конгресс ученых славистов в Москве в 1948 г.» рассмотрела на новых архивных материалах идеологическую подоплеку готовившегося форума славянских ученых.

В дискуссии были высказаны пожелания продолжения изучения проблематики славянской идеологии в широком контексте и ее обобщения в специальном энциклопедическом издании.

© 1995 г. *Досталь М. Ю.*

Славяноведение, № 6

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА»

Круглый стол состоялся 25 мая 1995 г. в Институте славяноведения и балканистики (ИСБ) РАН. В заседании приняли участие сотрудники Института — специалисты по новейшей истории стран Восточной Европы и приглашенные ученые из Института всеобщей истории, Института российской истории и Института военной истории Министерства Обороны РФ (ИВИ), а также историки, представлявшие Архив внешней политики РФ (АВП РФ) и Государственный архив РФ (ГА РФ). В обсуждении участвовали гости из Югославии — С. Живанов, Р. Медаревич и А. Пушкаревич.

Открыл заседание заместитель директора ИСБ доктор философских наук проф. *Ю. С. Новопашин*, который отметил, что настоящее собрание ученых посвящено двум большим праздникам, отмечаемым в эти дни в России — 50-летию победы в Великой Отечественной войне и Дням славянской письменности.

А. Ф. Носкова (ИСБ) предложила на примере истории славянских и иных народов восточно-европейского региона в годы второй мировой войны обсудить следующие вопросы: содержание антифашизма и роль идеи славянской взаимности; правда и вымысел о движении Спротивления;

коллорабационизм: истоки и сущность; 1945 г.— освобождение или оккупация; советские планы послевоенного урегулирования в регионе; проблемы национально-территориального размежевания в Восточной Европе после войны: границы и переселения.

Взявшая первое слово в дискуссии *В. В. Марьяина* (ИСБ) остановилась на двух вопросах. Она представила собравшимся вышедшую в 1995 г. монографию «Движение сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939—1945 гг.». Книга подготовлена с учетом новых документов из российских и зарубежных архивов и содержит новые оценки ряда существенных фактов истории движения Спротивления в регионе. Далее В. В. Марьяина изложила свое понимание той политической роли, которую играла идея славянской взаимности в борьбе с фашизмом, выделила три этапа функционального использования этой идеи (1939 — июнь 1941 гг.; июнь 1941—1943 гг.; 1944—1945 гг.) советскими политиками; представила новые конкретные документы, выработанные в НКВД СССР.

В историографическом ключе подошла к проблеме движения Спротивления в Румынии *Т. А. Покивайлова* (ИСБ), выделив в современной

румьинской историографии два направления. Первое — набирающее силу крайне националистическое течение, представители которого реанимируют идеи рваншизма начала 40-х годов, и в частности обеляют режим И. Антонеску. Второе направление — умеренно-центристское, тяготеющее к фактологическому изложению событий. Его представители пытаются проанализировать ранее закрытые по конъюнктурным соображениям вопросы и воздерживаются от откровенного антисоветизма, восхваления и реабилитации тоталитарного режима И. Антонеску.

Проблема антифашизма в теоретическом ключе и его конкретного проявления в разных странах региона, прежде всего в Болгарии и Румынии, были подняты М. Д. Ерещенко, Е. Л. Валеовой, Т. А. Покивайловой (ИСБ).

В выступлении *А. Ф. Носковой* был поставлен вопрос о понятии «коллаборационизм», с чем, по мнению ряда исследователей, ассоциируется прежде всего политическая или военно-политическая, противоречащая интересам нации, деятельность тех или иных лиц, организаций или партий национально-сепаратистского толка. Говорилось о необходимости выделять коллаборационизм из разнообразных форм сотрудничества с оккупантами, без которых невозможно обеспечение жизни общества (коммунальные службы, транспорт, связь, энергия, продовольствие и т. п.) и что допускается нормами международного плана.

Весьма обстоятельными, основанными на по- вых документах, были вызвавшие немало вопросов сообщения *И. В. Михутиной* (ИСБ) и *Т. В. Царевской* (ГА РФ) о коллаборационистских организациях на оккупированных территориях Украины и Белоруссии.

Сотрудница ГА РФ предложила подготовить публикацию документов, главным образом НКВД, отражающих возникновение, цели и деятельность таких националистических сепаратистских организаций, как Украинская повстанческая армия. Объединение украинских националистов, Белорусская независимая партия, Белорусское объединение и др., выступавших за создание независимых от СССР украинского и белорусского государств, за недопущение восстановления советской власти на Украине и в Белоруссии.

Участники дискуссии в связи с этим ставили новые научные вопросы, весьма важные сегодня с политической точки зрения, например, *С. Живанов* о том, можно ли сегодня оправдывать деятельность этих организаций, *В. В. Марына* о влиянии, к примеру, Белорусской независимой партии среди коренного населения, *А. Ф. Носкова* об отношении Гитлера и его окружения к различным коллаборационистским организациям и

правительствам. *Р. Медаревич* поднял вопрос о коллаборационной роли католической, а *А. И. Пушкаш* (ИСБ) — униатской церкви в ряде стран региона в годы войны.

Ю. С. Новопашин отметил, что коллаборационисты рекрутировались из числа бывших военнослужащих Красной Армии, причем как из рядовых, так и из командного состава. Он призвал к изучению этой проблемы более тщательно и на новых материалах, раскрывая и послевоенную судьбу бывших власовцев.

Прозвучал тезис о необходимости исследовать отношение населения к коллаборационистам, особенно националистически-сепаратистского толка, но, по мнению историков-архивистов, это не представляется возможным без допуска к архивам ФСБ.

Активно и эмоционально обсуждалась политически злободневная в наши дни проблема: что же принес с собой в Европу советский солдат — освобождение или новую оккупацию.

Свои суждения высказали некоторые участники «круглого стола». *Н. В. Васильева* (ИВИ) констатировала, что пока нет полной картины действий Красной Армии, особенно негативных сторон ее пребывания в странах Европы, что сам термин «освободительная миссия Красной Армии» — не научное, а идеологизированное понятие, что настало время отказаться от мессианского подхода в оценках действий СССР. С точки зрения военных результатов, считает *Н. В. Васильева*, действия советских войск носили освободительный характер и военный итог — разгром Германии и ее союзников соответствовал целям СССР и его союзников в войне. Что же касается оценки политического характера действий советских войск, то здесь, по мнению исследовательницы, оценка должна быть более сложной и неоднозначной, хотя вряд ли можно с 1944—1945 гг. безоговорочно говорить о советизации всех стран Восточной Европы. Скорее речь шла о нарушении прав народов на суверенитет и о вмешательстве СССР во внутреннюю жизнь во имя обеспечения советских внешнеполитических целей.

Участники дискуссии, будучи сторонниками различных точек зрения по обсуждаемому вопросу, обосновывали свои позиции конкретным материалом. *А. И. Пушкаш* настаивал на том, что нахождение советских войск на территории Венгрии, Румынии и Болгарии было в полном соответствии с соглашениями глав великих держав и не противоречило нормам международного права.

Признавая очевидность освободительной миссии Красной Армии в Венгрии и законность оккупации страны в конце 1944 — начале 1945 гг., *Б. Й. Желицки* (ИСБ) счел очевидным фактом постепенное превращение этой оккупации в систему ущемления национального суверенитета.

Присутствие советских войск в Венгрии вплоть до конца 80-х годов, утверждал Б. Й. Желицки, весьма способствовало закреплению в массовом сознании мнения о пролонгировании советской оккупации Венгрии на сорок лет.

Опираясь на болгарский материал *Е. Л. Валева* (ИСБ) настаивала на том, что речь должна идти не об освобождении Болгарии советскими войсками, а о выполнении ими на территории этой страны своей главной задачи — преследование и уничтожение частей вермахта.

В связи с обсуждением проблемы «освобождение или оккупация» *Т. В. Волокитина* на основе новых документов российских архивов, поставила проблему создания в СССР воинских подразделений — будущих армий стран советского блока, особо подчеркнув строгую регламентированность прав советских советников и офицеров в польских, чехословацких и румынских частях и раскрыв формы советской помощи югославской армии.

Т. А. Покивайлова согласилась с правомочностью присутствия частей Красной Армии на территории Румынии и, опираясь на новые архивные документы, констатировала невозможность однозначных оценок ни факта присутствия Красной Армии в Румынии, ни поведения советских военнослужащих. Она подчеркнула не только жестокое реагирование советского командования на нарушения советскими военнослужащими правил пребывания Красной Армии на территории иностранного государства и контроль румынского командования за поведением советских военнослужащих, но и привела многочисленные факты самой различной помощи советских солдат румынскому населению. По мнению *М. Д. Ерещенко* (ИСБ), возможно признать освободительным период от 25 октября 1944 г., когда шел процесс изгнания гитлеровцев из Румынии, после этого наступило время советской оккупации.

Не соглашаясь с такой точкой зрения, *Н. Д. Смирнова* (ИВИ) высказала убеждение в том, что налицо ряд политических мифов и упрощений целей советской внешней политики, в частности применительно к Восточной Европе. Исследова-

тельница считает, что создание «пояса безопасности» вдоль советских западных и юго-западных границ — вот ключ к пониманию советских планов послевоенного урегулирования в регионе. *Н. Д. Смирнова* расценила как еще один миф, бытующий в современной историографии и публицистике тезис о том, что Советский Союз освобождал страны Восточной Европы, чтобы потом их подчинить, что раздел мира на сферы влияния произошел в октябре 1944 г. Протестуя эту дату, *Н. Д. Смирнова* утверждала, что речь о Восточной Европе шла между союзниками значительно раньше и не о сферах влияния, а о сферах военной ответственности.

Е. В. Белевич (АВП РФ) рассказала о документах созданной в НКВД СССР в 1942 г. комиссии, которую в 1943 г. возглавил М. М. Литвинов. Ее задача состояла в сборе международной информации, касающейся послевоенного устройства в мире и в выработке советских проектов мирного урегулирования после войны. Как сообщила *Е. В. Белевич*, за 1943—1945 гг. в комиссии было составлено около 400 материалов различного характера.

Г. П. Мурашко остановилась на одной из ключевых проблем послевоенного мирного урегулирования в Восточной Европе — национально-территориальное размежевание. В общественном сознании славянских народов после второй мировой войны появился своеобразный синдром боязни воссоздания своих государств как многонациональных, стремление избавиться от национальных меньшинств и оформить свои государства как мононациональные или как государства родственных славянских народов. В этом плане центральное место занимал вопрос о выселении немцев, а также венгров.

Закрывая дискуссию *Ю. С. Новопашин* отметил, что хотя в ее ходе не удалось в равной мере обсудить все поставленные вопросы, она получилась плодотворной с точки зрения новизны многих суждений и их документального обоснования.

© 1995 г. Носкова А. Ф.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЛИТЕРАТУРА ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ»

23 мая 1995 г. Группа славянских литератур Института славяноведения и балканистики РАН провела круглый стол на тему: «Литература западных и южных славян во второй мировой войне», посвященный Дням славянской письменности и культуры и 50-летию Победы над фашизмом. В работе круглого стола участвовали сотрудники Института, преподаватели и аспиранты МГУ им. М. В. Ломоносова, члены делегации Сербии, приехавшие на празднование Дней славянской письменности и культуры.

Открывая заседание круглого стола, руководитель Группы славянских литератур Л. Н. Будагова подчеркнула актуальность нынешнего обращения к литературам стран Центральной и Юго-Восточной Европы периода второй мировой войны. В наши дни необходимо всестороннее и объективное освещение литератур этого короткого и весьма сложного периода, когда в ряде стран, например, сосуществовали официальная литература, поддерживавшаяся прогерманскими властями, и литература оппозиционная, тяготевшая к антифашистскому Сопротивлению. Выявление разнонаправленных идейно-художественных тенденций в национальных литературах данного региона, устранение «белых пятен» (связанных, в частности, с литературой коллаборационистского характера), внимательное изучение текстов, созданных непосредственно в военные годы, — вот задачи, встающие перед исследователями. Объективный анализ должен противостоять попыткам «переписать историю», в том числе историю литературы, в угоду конъюнктуре; уроки «военной литературы» очень значимы в наше непростое время. Доклад Л. Н. Будаговой «Литература военных лет как живая память истории» продемонстрировал подход к литературным произведениям как к ценным свидетельствам очевидцев. На материале различных славянских литератур было показано отношение писателей к военным событиям и к освобождению Восточной Европы советскими войсками. Как подчеркнула докладчица, эти художественные свидетельства — своеобразные документы эпохи, созданные по зову души и не скорректированные позднейшими идеологическими установками. Выдающиеся чешские и словацкие поэты (В. Голан, Я. Есенский и др.) видели, в частности, в советских солдатах именно

освободителей, несущих конец военному кошмару, и выражали в своих стихах искреннюю и горячую благодарность народу, чьи сыновья не жалели жизни в борьбе с фашистским нашествием и гибли на чужой, но не равнодушной к ним земле.

Взгляд на эту проблему с точки зрения историка — «Оккупанты или освободители?» — представила В. В. Марьина (ИСБ). По ее мнению, сама постановка вопроса в такой форме неправомерна, ибо в истории не бывает однозначных, «чистых» явлений. Освободительный характер миссии Красной Армии не вызывает сомнения, термин «оккупация» здесь неприемлем, но очевидно и другое: армия-освободительница несла с собой совокупность идейно-политических установок, характерных для того государства, представительницей которого она являлась. В докладе прослеживалась тактика Советского Союза по отношению к странам Восточной Европы в военные и послевоенные годы, которая не предполагала немедленного установления «советских режимов» в этом регионе, а учитывала реальное соотношение сил и раздел сфер влияния в Европе. Миссия Красной Армии, таким образом, носила двойкий характер: вместе с освобождением она означала включение данных стран в советское политическое пространство и начало «новой вассализации». Аналогично, впрочем, действовали и западные союзники.

Методологическое значение имел насыщенный по материалу доклад Г. Я. Ильиной (ИСБ) о принципах изучения легальной литературы Хорватского независимого государства, существовавшего в годы войны. Интерес к этой литературе возрос не только у зарубежных исследователей, стремящихся к восстановлению объективной картины литературного развития, но прежде всего в самой современной Хорватии. По мысли докладчика, даже литература, создававшаяся в фашистском, националистическом государстве, была весьма неоднозначной, многослойной, одни и те же писатели порой вели себя по-разному. Исследователям еще предстоит выяснить, насколько хорватской литературе «удалось сохранить себя, свое достоинство гуманного искусства в условиях тоталитарного государства».

Антифашистские мотивы в литературе и ис-

кусстве Словении проанализировала Т. И. Чепелевская (ИСБ). В оккупированной Словении особое значение приобрела нелегальная, партизанская литература. Докладчик обратил внимание на жанровую структуру письменного и устного литературного творчества, выделив, в частности, деятельность партизанского словенского театра.

Бытование литературного персонажа в иноязычной культуре стало темой выступления С. В. Никольского (ИСБ). Йозеф Швейк, создание чешского писателя Я. Гашека, оказался героем литературно-публицистических произведений и киносценариев, написанных в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны. Образ «бравого солдата», как показал докладчик, не только органично вписался в события иного времени, но и стал важным средством патриотической пропаганды, поднятия боевого духа в другой стране.

Малоизвестный материал серболужицкой литературы, создававшейся непосредственно на территории нацистской Германии, был представлен А. А. Гугниным (ИСБ). Несмотря на жестокие репрессии по отношению к деятелям культуры маленького славянского народа, серболужичане и в годы войны (а противостояние началось задолго до этого) стремились к сохранению самобытной литературы, в которой явственно обозначались антифашистские тенденции. Это показано на примере творчества крупных национальных писателей. Военные годы стали временем накопления творческого потенциала для молодой македонской литературы, связанной с партизанским движением. Этой теме посвятила свое выступление А. Г. Шешкен (МГУ). Для македонской литературы данного периода характерно преобладание поэтических жанров, тесное соприкосновение с фольклором; основными ее темами были борьба против фашизма, стремление народа к независимости.

Более детальное рассмотрение творчества отдельных писателей в годы войны было сделано на примере словацкой литературы. Н. В. Шведова (ИСБ) выделила в поэзии П. Горова, одного из самых заметных авторов той поры, плодотворное слияние авангардных устремлений с более традиционной поэтикой. Значение традиции как опоры во взорванном войной мире докладчик считает важной чертой литературы этого периода. Сходные наблюдения были сделаны и в докладе Т. И. Чепелевской на материале словенской литературы. Аспирантка ИСБ И. А. Андрияка рассмотрела в своем сообщении одну из форм антивоенного про-

теста в литературе — пассивную. Ее представляли мотивы бегства от страшной действительности в мир сказки, детства, нетронутой экзотической природы или даже «забвения в корчме» (творчество словацкого поэта и прозаика Л. Ондрейова). Один из крупнейших мастеров лирической прозы, Ондрейов был последовательным в своем неприятии извращенных человеческих отношений.

Тематика круглого стола не ограничивалась только славянскими литературами. Необходимость объективно, многосторонне рассматривать развитие румынской и венгерской литератур в военные годы была подчеркнута в сообщениях Н. С. Осиповой и Н. М. Куренной (ИСБ). В литературе Румынии, как показала Н. С. Осипова, заметным было стремление к консолидации антиэкстремистских сил, к опоре на истинные художественные ценности, к «созидательному миссионерству» (М. Раля). Это лишает оснований расхожее представление о конформизме румынских писателей. Н. М. Куренная вновь отметила важность литературных свидетельств, созданных очевидцами драматичных событий; эти свидетельства — слагаемые человеческой памяти. Отношение венгров к немцам и русским в 1944—1945 гг. неоднократно пересматривалось впоследствии — тем актуальнее обращение к литературным «документам», препятствующее искаженным толкованиям (анализ «Города на трясине» Й. Дарваша).

В дискуссии, помимо докладчиков, приняли участие Л. С. Кишкин, зав. кафедрой славянской филологии (МГУ) В. П. Гудков, гости из Сербии. Сава Живанов высоко оценил работу круглого стола, новые подходы к изучению литературы второй мировой войны, предложив наладить обмен материалами научных исследований. Радован Медаревич подчеркнул активное участие сербов в освободительной борьбе народов Югославии, отметил, что Сербия с самого начала Великой Отечественной войны решительно выступила в поддержку Советского Союза. К сожалению, по объективным причинам не состоялись запланированные выступления, посвященные проблемам болгарской, сербской, польской литератур, обзору словацкой литературы. Однако непрозвучавшие доклады также готовятся к публикации; среди авторов — Ю. В. Богданов, О. Р. Медведева, М. Л. Бершадская (СПб.).

© 1995 г. Шведова Н. В.

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 60—80-Е ГОДЫ»

В рамках дней славянской культуры в Институте славяноведения и балканистики РАН 25 мая прошел круглый стол, посвященный отражению второй мировой войны в художественной прозе стран Восточной Европы в 60—80-е годы. В выступлениях сотрудников Института и кафедры славянской филологии МГУ была сделана попытка наметить ту эволюцию, которую претерпела так называемая военная тема и определить ее место в общем литературном контексте каждой из рассматриваемых стран. Почти во всех из них, хотя эта тема и продолжает быть связанной с идеологическими канонами, намечается отход от одностороннего взгляда на саму войну, на противоречия в антифашистском сопротивлении, отход от сложившихся в первое послевоенное десятилетие стереотипов идеологического и эстетического плана, прежде всего пафосности, идеализации героя-антифашиста и народа как вершителя истории. Начинают открываться до того времени закрытые аспекты этой темы — в разных литературах по-разному и с разной степенью откровенности. В художественную прозу о войне все шире проникает экзистенциальная проблематика, придающая ей универсальный характер, меняющая понимание героического и трагического, восприятие человека на войне и в условиях оккупации, усиливается философско-аналитический аспект повествования.

В 90-е годы в связи с общественно-политическими обстоятельствами во всех странах Восточной Европы начинается пересмотр многих проблем недавнего прошлого, в том числе и относящихся ко второй мировой войне. Насколько он справедлив, покажет будущее. Но тем более важно восстановить историю освещения в художественной литературе антифашистского сопротивления и войны вообще.

Название доклада Н. Н. Пономаревой «Продолжение следует (Антифашистское сопротивление в болгарской прозе 70-х годов)» выражает его главную мысль — интерес к антифашистской теме в болгарской литературе начиная с 40-х годов и до сего времени не исчезает. В 60—70-е годы он проявляется во «второй волне» мемуаристики (М. Грыбчева, Ц. Драгойчева, Н. Ганчовский и др.), в документально-художественной прозе (В. Андреев, Д. Овадия) и собственно ху-

дожественном повествовании как участников антифашистской борьбы (Д. Жотева, К. Кюлюмова), так и авторов, не располагавших личными воспоминаниями (П. Вежинова, Й. Радичкова). Главной особенностью всей этой литературы стала «реабилитация» человека, внимание к гуманистическому духу антифашистской борьбы, выявление высокого нравственного потенциала народа.

Е. З. Цыбенко, анализируя роман польского писателя В. Одоевского «Все завет, заметет...» (1973), обратила внимание на существенное расширение проблематики второй мировой войны и прежде всего на освещение принимавших трагический характер межнациональных отношений на территории Западной Украины. А. О. В. Цыбенко выделила в наиболее значительных произведениях «деревенской прозы» Т. Новака — «А как будешь королем, а как будешь палачом...» (1964) и В. Мысливского — «Камень на камень» (1984) те смысловые пласты, которые связаны с войной, оккупацией, с необходимостью убивать людей из своего, крестьянского окружения. Оба романа сближают стремление проследить метаморфозы традиционного сельского уклада и менталитета, большой удельный вес библейской и фольклорной символики, философская нагруженность и приобщение местной, локальной истории к истории мировой.

Для чешской литературы, отметила С. А. Шерлаимова, тема войны была прежде всего темой оккупации, террора 1942 г. после покушения на Гейдриха, темой концентрационных лагерей и принудительных работ в Германии. Особое место занимает еврейская тема (И. Вейл, Я. Отчепашек, Й. Шкворецкий). Новые акценты, проявившиеся в отказе от идеализации и романтизация освобождения Чехии Красной Армией, впервые сказались в романе Й. Шкворецкого «Малодушные», вышедшем в 1959 г. После 1968 г. военная тема в чешской литературе отступает на задний план, она возникает теперь в реминисценциях (Й. Шкворецкий, А. Лустиг) и обычно трактуется в общеполитическом плане.

Трансформация темы войны и словацкого национального восстания в художественной литературе 70-х годов была в центре внимания Л. Ф. Широковой. Наибольший интерес, на ее взгляд, представляет трилогия В. Шиккулы «Ма-

стера» (1976—1979), в которой автор в присущей ему манере свободного непринужденного повествования, чередующегося с отступлениями в собственную творческую лабораторию, проследивает судьбу словацкого семейства мастеров-плотников и их участие — часто стихийное и несознательное — в судьбах Словакии.

Литературе Югославии было посвящено несколько выступлений. Остановившись на двух наиболее значительных и показательных произведениях хорватских писателей — участников народно-освободительного движения — Ю. Франичевича-Плочара «Мир» (1975) и М. Божича «Колоннелло» (1975), Г. Я. Ильина рассматривает их в общем русле возникшей в эти годы критической тенденции в литературе, видя в прозе об антифашистском движении попытку реализовать моральные основы антифашистской борьбы и социалистической идеологии, противопоставляемые авторами произведений процветающим в жизни рвачеству, демагогии и приспособленчеству, а также тому нравственному релятивизму, который господствовал в прозе «молодых». Изменения коснулись проблемы героического, отношения к врагу, а также структуры произведения. Панорамно-эпические хроники и историко-революционные эпопеи сменяет камерный микророман с психологической доминантой. Те же тенденции прослеживаются и в сербской литературе. Это отмечали в своих выступлениях С. П. Мещеряков («Сербский роман 80-х годов») и А. Г. Шешкен, подробно остановившаяся на воплощении темы войны и революции в романе А. Исаковича «Мгновения» (1975). Вторая мировая война в словенской литературе в рассматриваемое время, по мнению Н. Н. Стариковой, все в большей мере выступает как фон или отправная точка в философских размышлениях авторов на экзистенциальные темы (В. Зупан — «Менуэт для 25-рядной гитары», 1975). И все же, как отмечали все докладчики, сама общественно-политическая ситуация в Югославии в те годы еще не давала возможности раскрыть всю правду о войне, о народно-освободительном движении, о национальных, конфессиональных и социальных конфликтах, о характере гражданской войны, шедшей на ее территории, обо всем том, что в социалистической Югославии лишь ушло с поверхности ее общественной жизни и с такой чудовищной силой проявилось в 90-е годы.

Существенные отличия в трактовке темы войны видны в литературах тех стран Восточной Европы, которые входили в гитлеровское окружение. В румынской литературе, развивая свою концепцию М. В. Фридман, после нескольких лет «оттепели» эпохи Чаушеску, когда литература

постепенно выходила из тесных рамок социалистического реализма и возвращалась к традициям критического реализма, с одной стороны, и авангардизма — с другой, с начала 70-х годов наступает эра утверждения национальной идеи и протокронизма (приоритета румынской культуры), которые не обошли и военную тему. В произведениях о войне на первый план теперь выступает роль румынской армии в разгроме фашистской Германии, в ином свете предстает и сам И. Антонеску («Инкогнито» Э. Барбу, 1975—1980; «Бред» М. Преда, 1975 и др.). Этим книгам противостояли произведения, непокорные диктату новой идеологии (Р. Попеску — «Двос у подножья горы Цебы или лицом к бору», 1973; Г. Шварц — «Госпиталь», 1981). Эта «непокорность» становится еще более очевидной в 80-е годы с появлением поэтов и прозаиков «новой волны» (М. Неделчу, Б. Хорасанджан, К. Стан и др.). В своих экспериментальных текстах «молодые» пытались найти ответ на вопрос, как жить дальше, как осмыслить взаимоотношения между поколениями, между памятью и совестью. Именно с литературой эксперимента, по мнению Фридмана, связаны наиболее ценные произведения о войне.

Ввиду того, что Венгрия вышла из войны в числе стран, проигравших ее, осмысление проблемы в художественной литературе, говорил Ю. П. Гусев, не могло быть традиционным для послевоенной поры (прославление военных подвигов и оплакивание героев). В своем докладе «„Другая“ сторона войны в послевоенной венгерской литературе» он отмечает, что тема минувшей войны до 70-х годов оставалась одной из самых затабуированных. В 70—80-е годы появились документально-художественные исследования о венгерском участии во второй мировой войне (И. Немешкюрти, Т. Череша, А. Шимонфи). И лишь в 90-е годы, когда исчезает «советский фактор», появляются книги, где война, в том числе положение венгерских солдат на советском фронте или заброшенных вглубь Германии, страдания венгерского населения не только от немецких, но и советских войск, показаны без оглядки на идеологические табу (произведения Т. Череша, А. Полц, А. Домахида). Однако Ю. П. Гусев считает, что в венгерской литературе еще в 1966 г. вышло произведение, которое говорит в войне и ее значении для Венгрии больше, чем те, что писались о ней непосредственно. Это роман-диспут Ф. Шанты «Предатель», действие которого отнесено к гуситским войнам в Чехии. Суть философии войны заключена в противостоянии крестьянина солдатам той и другой армии. Если они отстаивают в лучшем случае какую-либо красивую идею, то он, крестьянин-

хлебороб, лавируя между борющимися сторонами, защищает свою обязанность в своем маленьком мире сохранить преемственность человеческой жизни.

Иной аспект военной темы, связанный с осмыслением «скандала века», как определил поэт Я. Пилински создание в фашистской Германии системы концентрационных лагерей, осветил в

своем выступлении В. Т. Середа. Для отражения трагического опыта «скандала века», полагает он, потребовалось не только время, но и нетрадиционные художественные средства, которые были использованы, в частности, в романах Й. Кертеса «Без судьбы» (1975) и Д. Шомьо «Рампа» (1984).

© 1995 г. Ильина Г. Я.

Славяноведение, № 6

ЗАСЕДАНИЕ ДВУСТОРОННЕЙ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ РОССИИ И РУМЫНИИ

С 29 ноября по 3 декабря 1994 г. в Москве состоялась очередная ежегодная научная встреча в рамках двусторонней Комиссии историков России и Румынии. Во встрече участвовали: с российской стороны — чл.-корр. РАН проф. Л. В. Милов (председатель российской части), д-р ист. наук Л. Е. Семенова (зам. председателя), проф. В. Н. Виноградов, д-р ист. наук В. Я. Гросул, В. Д. Назаров, д-р ист. наук А. П. Корелин, канд. ист. наук Т. А. Покивайлова, д-р ист. наук Р. П. Гришина, канд. ист. наук Т. В. Волокитина, д-р ист. наук Г. П. Мурашко, д-р ист. наук А. Ф. Носкова; с румынской стороны — директор Института истории «Николае Йорга» в Бухаресте, чл.-корр. Академии Румынии проф. Шербан Папакостя (председатель румынской части), проф. Иоан Кипер (ученый секретарь), проф. Андрей Пиппиди, проф. Георге Бузату, проф. Ион Опря.

На официальном открытии встречи с приветствием к участникам заседания обратились заместитель председателя Национального комитета историков при РАН чл.-корр. РАН проф. А. О. Чубарьян и директор Института славяноведения и балканистики РАН проф. В. К. Волков. В заседании приняли участие также посол Румынии в РФ Константин Гырбя и первый секретарь румынского посольства Кристиан Ботез.

В ходе состоявшейся в рамках Комиссии научной конференции были обсуждены две темы: 1) Сравнительная типология государственности. Роль монархии в России и Румынии; 2) Коминтерн, Коминформ и Румыния.

Первая тема привлекла внимание российских и румынских историков возможностью провести сравнительный анализ форм государственности, начиная от становления в средневековую эпоху

Московского царства и Дунайских княжеств (доклады В. Д. Назарова, А. Пиппиди), проследить их эволюцию в контексте политического развития монархий на Балканах (доклад В. Я. Гросула) и самодержавия в России в XIX в. (доклад А. П. Корелина), завершая широкие хронологические рамки исследования постановкой проблем падения династии Романовых в 1917 г. и румынских Гогенцоллернов в 1947 г. (доклады В. Н. Виноградова, Т. А. Покивайловой и Г. Бузату).

Представленные материалы по данной теме свидетельствуют о стремлении и российских, и румынских историков, отказавшись от сложившихся идеологических шаблонов в характеристике монархии как формы государственности, дать новое теоретическое осмысление монархии как системы политической власти, фактора преемственности в развитии государства и общества в России и Румынии на протяжении веков.

Доклады по второй теме «Коминтерн, Коминформ и Румыния» отличались прежде всего насыщенностью привлечения новых архивных документов, разработка которых стала, наконец, возможна в последние годы в российских, румынских и других зарубежных архивах. На обсуждение были вынесены доклады российских ученых: «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (по документам Коминтерна 20-х годов)» (Р. П. Гришина); «Коминтерн и РКП. 1939—1940 гг.» (Т. А. Покивайлова); «Коминформ — истоки, причины, стимулы» (Г. В. Волокитина); «Советский фактор в послевоенной Восточной Европе (новые архивные материалы второй половины 40-х годов)» (А. Ф. Носкова); «Отказ от концепции национальных путей к социализму как пролог политических

репрессий в коммунистическом движении стран Восточной Европы (1947—1948 гг.)» (Г. П. Мурашко).

Румынские историки — ведущие специалисты по данной тематике в своей стране — выступили со следующими докладами: «Румыния, Коминтерн и Коминформ» (И. Кипер); «Участие Коминтерна в советском плане нападения на Румынию в 1924 г.» (И. Опря). Был зачитан также доклад отсутствовавшего проф. Ф. Константиину «Румыния, Советский Союз и Коминтерн в 1939 г.».

Обсуждение представленных сторонами докладов по столь острой, неоднозначно решаемой и поныне проблеме, вызвало заинтересованную дискуссию среди широких кругов участников заседания, проходившую в откровенной, научной атмосфере. В заключение обмена мнениями плодотворность ее, как и постановка в целом темы, были общепризнаны выступавшими и руководителями с обеих сторон Комиссии, в связи с чем было принято решение о публикации материалов научной конференции.

Участники подтвердили готовность к дальнейшему расширению двустороннего научного сотрудничества историков России и Румынии. Была подчеркнута необходимость рассмотрения на заседаниях Комиссии проблем всеобщей и отечественной истории двух стран с ориентацией на

постановку вопросов сравнительного характера. Стороны высказались за взаимное содействие в рамках Комиссии в подготовке молодых специалистов по истории двух стран, по проблемам их взаимоотношений в исторической ретроспективе, за более активное привлечение молодых ученых к проводимым Комиссией научным заседаниям.

Во время состоявшегося визита делегация румынских историков во главе с директором Института истории «Николае Йорга» чл.-корр. Академии Румынии проф. Ш. Папакося была принята директором Института славяноведения и балканистики РАН проф. В. К. Волковым. В ходе беседы обсуждались возможности и перспективы научного сотрудничества между двумя Институтами, вопросы подготовки молодых специалистов, их роли в расширении научного сотрудничества, было подчеркнуто стремление к налаживанию обмена научной информацией и использованию других форм сотрудничества.

Российская и румынская части Комиссии договорились провести следующую очередную научную встречу в 1995 г. в Румынии с включением в повестку двух тем: 1) «Византизм: характер и особенности влияния; сравнительный анализ светской культуры»; 2) «Российская и румынская дипломатия в портретах: М. Литвинов и Н. Титулеску».

© 1995 г. Ерещенко М.

Славяноведение, № 6

УКРАИНСКОЕ, ПОЛЬСКОЕ И ЕВРЕЙСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ В XIX ВЕКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (Конференция во Львове, 6—8 октября 1994 г.)

Указанная конференция была организована Институтом украиноведения им. И. Крипякевича. Основная часть докладчиков (всего около 40) была с Западной Украины. Собственно, практически все украинские исследователи, занимающиеся этим периодом галицийской истории, приняли участие в конференции. Кроме того, были представлены доклады из Польши, Австрии и России, но, к сожалению, многие зарубежные участники не смогли приехать из-за финансовых трудностей. Но их заявки показывают, что Галиция является сегодня самой «популярной» среди историков провинцией Австро-Венгрии: помимо Польши и Украины, галиций-

ской историей всерьез занимаются в Австрии, Германии, США, Канаде, России, Израиле, Великобритании и даже Австралии. Поэтому на конференции шла речь об организации Международной ассоциации исследователей истории Галиции.

Общий уровень конференции, во многом по уже упомянутой причине неавки ряда заявленных участников, трудно назвать высоким, преобладали доклады на сравнительно узкие темы. В проблемных докладах интенция не всегда совпадала с возможностями авторов. Мало была затронута проблема взаимодействия национальных движений украинцев, поляков и евреев (исключения — доклады В. Расевича о польско-

украинском сеймовом соглашении 1914 г.; С. Марчука о польско-украинской полемике по национальным вопросам в конце XIX в.; А. Миллера о польско-украинском соглашении конца 1860-х годов; Т. Андрусика об украинско-еврейской предвыборной коалиции 1907 г.). Отрадно, что довольно активно разрабатывается в последнее время история галицийского еврейства, долгое время остававшаяся «terra incognita» (с докладами на эту тему выступили В. Меламед, В. Кутик, Т. Зоксбергер). Несколько сильных докладов представили молодые львовские ис-

торики (О. Серда: «Проблема расширения социальной базы украинского и польского национальных движений в 1860-е годы»; О. Турий: «Роль греко-католической церкви в формировании идеологии украинского национально-освободительного движения в Галиции»). В целом же конференция показала, что несмотря на весьма нелегкое материальное положение науки на Украине научная среда сохранена, формируется новое и многообещающее поколение историков.

© 1995 г. Миллер А.

Славяноведение, № 6

НАРОДЫ, НАЦИИ, ИДЕНТИЧНОСТИ: РУССКО-УКРАИНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

(Семинар в Колумбийском университете Нью-Йорк,
13—15 ноября 1994 г.)

Этот семинар стал вторым из четырех запланированных в рамках большого проекта под тем же названием, финансируемого немецкими (Национальный фонд поддержки гуманитарных наук, Фонд Александра фон Гумбольдта, Центр социологии и Семинар по истории Восточной Европы Кельнского университета), канадскими (Канадский институт украинских исследований) и американскими (Институт Гарримана Колумбийского университета) организациями. Первый семинар, проходивший в Кельне в июне 1994 г., был посвящен истории русско-украинских отношений до XIX в. На втором рассматривался период от начала XIX в. до конца первой мировой войны. Третий — вновь в Кельне — будет посвящен советскому периоду, четвертый — российско-украинским отношениям после распада СССР.

Семинар в Нью-Йорке собрал около 40 исследователей из США, Канады, Германии, Великобритании, России и с Украины. Организаторам не удалось, о чем они сами весьма сожалели, соблюсти пропорции — историки, рассматривающие проблему через призму прежде всего украинской истории, явно преобладали над теми, кто специализируется по преимуществу в области российской истории. Докладчиков собственно с Украины было двое, из России — один. Частично это объясняется, во-первых, тем, что приглашенных из этих стран было больше, но не

всем удалось приехать, а во-вторых, тем, что историки-украинисты традиционно уделяли проблемам русско-украинских отношений больше внимания, чем их коллеги, занимающиеся историей России. Очевидно, что в силу политических установок советской эпохи для российских историков русско-украинские отношения и история Украины вообще были темами почти запретными, и теперь надо как можно скорее наверстывать упущенное.

Общий тон проходивших дискуссий вполне соответствовал научному стандарту. В рамках семинара состоялись пять сессий: история и эволюция ключевых концепций; украинцы и русские среди поляков и евреев; Российская империя: концепции и политика; идентичность и взаимодействие элит; идентичность и взаимодействие незлитных групп. Перечислю лишь некоторые представленные доклады: З. Когут (Ун-т Эдмонтона) «Взаимодействие с Россией: культурные тенденции и политические взгляды на Украине»; Ф. Сысып (Ун-т Эдмонтона) «Украинско-русские отношения в XVII—XVIII вв.: история и национальное самосознание»; О. Андриевски (Ун-т Трента) «Природа русско-украинского взаимодействия»; Д. Саундерс (Ун-т Ньюкастла) «Политика России в отношении Украины. 1847—1905»; Т. Викс (Ун-т Южного Иллинойса) «Украинцы и официальная Россия: оглушающая тишина»; Э. Таден

(Ун-т Иллинойса в Чикаго) «Окраины России: Украина»; Д. Брауэр (Калифорнийский ун-т, Дэвис) «Представляя Малороссию: этнография и этническая идентичность в пореформенную эру»; С. Екельчик (Ин-т истории Украины) «Малороссия: Имперский миф Украины в российских учебниках. 1860—1917»; О. Субтельный (Ун-т Торонто) «Два взгляда на украинско-русские отношения»; Д. Бербэнк (Ун-т Мичигана) «Историки России и Украины, нужен прорыв»; П. Бушкович (Йельский ун-т) «Что есть Россия? Русское национальное самосознание и государство. 1500—1917»; Д. ЛеДонн (Гарвардский ун-т) «Центр и пограничье в исторической перспективе»; Б. Гаспаров (Колумбийский ун-т) «Гоголь и Украина»; А. Каппелер (Кельнский ун-т) «Украинская диаспора в России в конце XIX — начале XX в.»;

Д.-П. Химка (Ун-т Эдмонтона) «Украинская и общерусская идея в Галиции»; Я. Грицак (Львовский ун-т) «Об истоках русофильского движения в Галиции»; Г. Абрамсон (Ун-т Торонто) «О несуществовании украинского еврейства». Автор настоящей заметки представил доклад «Русско-украинское взаимодействие в XIX в.: поиск актеров».

Осуществление проекта «Русско-украинское взаимодействие» лишний раз подчеркивает необходимость организации широкого диалога российских и украинских историков о прошлом отношений двух народов, равно как и то, что успешное решение этой задачи невозможно без активного участия собственно российских и украинских научных центров.

© 1995 г. Миллер А.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1995 ГОДУ**

Статьи

Адельгейм И. К вопросу о «смысловых вариациях» романа Анджея Щиперского «Начало, или Прекрасная пани Зайденман»	№ 5
Белова О. В. К вопросу об изучении славянского «Физиолога»	№ 2
Богданов Ю. В. Прерывность/непрерывность в литературном процессе (на материале словацкой литературы 70—80-х годов)	№ 5
Броджи Беркофф Д. Исследования по литературе средневековой Руси в Италии за последние десятилетия	№ 2
Васильев М. А. «Хорс Жидовин»: древнерусское языческое божество в контексте проблем Khazaro-Slavica	№ 2
Гардзанини М. «Хождение» игумена Даниила в Святую землю. Литература и богословие на Руси XII века	№ 2
Гардзонио С. Тредиакровский — переводчик итальянских музыкальных пьес (Либретто оперы «Сила любви и ненависти»)	№ 1
Гардзонио С. Два русских поэта во Флоренции (А. Гейнцельман и М. Лонатто)	№ 4
Гугнин А. А. Литература ГДР в предчувствии исторических перемен 1989—1990-х годов	№ 5
Гусев Ю. П. Диссидентская и эмигрантская литература в Венгрии 70—80-х годов	№ 5
Джонг, Хи-Сок. Идея демократической славянской федерации в российской общественной мысли в первой половине XIX века (с точки зрения теории федерализма)	№ 3
Дьяков В. А. «Русская идея» в эмигрантских изданиях 1920—1968 годов	№ 4
Едемский А. Б. Украина и украинцы в оценках американской дипломатии начала 50-х годов	№ 6
Из словаря «Славянские древности»	№ 3
Ильина Г. Я. Критическое начало в хорватской прозе 70-х годов	№ 5
Кишкин Л. С. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920—1930-е годы)	№ 4
Конференция «Литература стран Восточной Европы 70—80-х годов. Тенденция развития. Проблемы изучения»	№ 5
Коровицына Н. В. Два решения национального вопроса: Чехия — Словакия до и после 1989 года	№ 6
Лабынцев Ю. А. Протопресвитер Терентий Теодорович как церковный писатель	№ 4
Лаптева Л. П. М. В. Бречкевич как представитель позитивизма в русском славяноведении первой четверти XX века	№ 1
Липатов А. В. Просвещение антиномии и единство эпохи	№ 1
Лиханьский Я. З. Мессиада Веспасиана Коховского	№ 1
Мароевич Р. К типологии русского и сербского языков	№ 4
Мещеряков С. Н. Жанровое своеобразие сербского исторического романа 1980-х годов	№ 5
Морозов С. В. Введение элементов государственного планирования в Польшу в 1936—1939 годах	№ 1
Мышко Д. «Антифинальная» позиция С. Лема в научно-фантастических романах 60—80-х годов (к проблеме типологии фабулы)	№ 5

Мюллер Л. Значение Библии для христианства на Руси (от крещения до 1240 года)	№ 2
Пономарева Н. Н. Преодоление «барьера». Болгарская проза и драматургия 70—80-х годов	№ 5
Рицци Д. Художественная проза П. П. Муратова	№ 4
Сазонова Л. И. Восточнославянские академии XVI—XVIII вв. в контексте европейской академической традиции	№ 3
Середа В. Феномен «новой прозы»: смена парадигм в венгерской литературе конца 70-х — начала 80-х годов	№ 5
Случ С. З. Германо-советские отношения в 1918—1941 годы. Мотивы и последствия внешнеполитических решений	№ 6
Старикова Н. Словенская «молодая проза» 80-х годов	№ 5
Турилов А. А. Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV—XVI вв. (заметки к оценке явления)	№ 3
Фалькович С. М. Ян Нечислав Бодуэн де Куртенэ о революции 1905—1907 годов	№ 1
Фридман М. В. Литературная борьба на первом этапе «эры Чаушеску» (1965—1971)	№ 5
Хорев В. Под знаком эссеизма	№ 5
Цивьян Т. В. Юрий Одарченко: представление прозы	№ 4
Цыбенко Е. З. Роман Ежи Анджеевского «Месиво» и польская «возвращенная проза» Чович Б. Мотив <i>инстинкт смерти</i> у Иво Андрича и Ивана Бунина	№ 1
Шевченко И. И. У истоков русского византиноведения: переводы стихотворений Мануила Фила (XIV в.) Евфимием Чудовским	№ 5
Шерлаимова С. Жанровые разновидности чешского романа 70—80-х годов	№ 5
Шешкен А. Г. Изменение повествовательной модели в сербском модернистском и постмодернистском романе (на примере романов Б. Щепановича и Д. Киша)	№ 5
Широкова Л. Словацкая драматургия 1970—1980-х годов: место в литературном процессе Словакии	№ 5
Шпирельман В. А. Националистический миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов)	№ 6
Яжборовская И. С. Два секретных письма Б. Берута и В. Гомулки в Москву (К истории советско-польских межпартийных отношений 1944—1948 годов)	№ 6

Из истории Коминтерна

Ревякина Л. В. Крестинтерн и крестьянское движение в Румынии 1923—1931	№ 6
--	-----

К 50-летию Института славяноведения и балканистики РАН

Калнынь Л. Э., Клепикова Г. П. О некоторых итогах и перспективах исследований по славянской диалектологии	№ 6
---	-----

Сообщения

Аксенова Е. П. К истории русской научной эмиграции в Югославии (письма А. Л. Погодина А. В. Флоровскому)	№ 4
Даниш М. Словаки в гусарских полках российской армии во второй половине XVIII века	№ 5
Дзиффер Дж. Заметка о рукописной традиции Сказания «О письменах» Черноризца Храбра (Хиландарский список № 481)	№ 2
Игумен Иннокентий (Павлов). Библийское общество в России в прошлом и теперь	№ 4
Крыстанов Т. Воскресное (праздничное) Апостол-Евангелие — малоизвестный древнеболгарский памятник Кирилло-Мефодиевской эпохи	№ 2
Кулик А. О несохранившемся греческом переводе книги Есфирь	№ 2
Лабынцев Ю. А. К вопросу об изучении памятников кирилловской традиции в Польше	№ 2

Медведева О. В. Материалы российского консульства в Сливене как источник для изучения положения болгарского населения в 30-е годы XIX века	№ 1
Михайлов Н. А. Еще раз о *Белобогe и *Чернобогe (К возможности привлечения некоторых косвенных источников)	№ 3
Смирнов Л. Н. Из истории словацко-украинских культурных связей в XIX веке	№ 1

Публикации

Казнина О. А. Н. С. Трубецкой и кризис евразийства	№ 4
--	-----

Портреты

Антонова К. А. В. М. Турок (К 90-летию со дня рождения)	№ 1
Исламов Т. М. «В. М. доктор Турок»	№ 1

Материалы к учебнику церковнославянского языка

Кравецкий А. Г. Опыт словаря лингвистических символов	№ 3, 4
Седакова О. А. Церковнославянско-русские паронимы (продолжение)	№ 1, 2

Материалы карпатских экспедиций

Николаев С. Л. Вокализм карпатоукраинских говоров. I. Покутско-буковинско-гуцульский ареал	№ 3, 5
--	--------

Обзоры и рецензии

Вагапова Н. М. Руска емиграција у српској култури XX в. Зборник радова	№ 4
Виноградова Л. И. J. Ługowska. W świecie ludowych opowiadań: teksty, gatunki, intencje nagasyjne	№ 2
Дамье В. Ihme-Tuchel В. Das «nordliche Dreieck». Die Beziehungen zwischen der DDR, der Tschechoslowakei und Polen in den Jahren 1954 bis 1962	№ 6
Досталь М. Ю. М. Ф. Файнштейн. «Усовершенить и возвеличить слово наше...» (Словарное дело Российской Академии 1783—1841)	№ 4
Едемский А. Cominform. Minutes of the three Conferences 1947/1948/1949	№ 6
Зволян А. Тема Сибири в современных польских исследованиях	№ 1
Киклевич А. К. В. Косеска-Тошева, Г. Гаргов. Българско-полска съпоставителна граматика. Т. 2. Семантичната категория определеност/неопределеност	№ 2
Лабынцев Ю. А. Медиевистични ракурси: Топос и енигма в културата на православите славяни	№ 2
Мельников Г. П. Полное собрание сочинений Яна Амоса Коменского. Т. 23. Призывы Илии	№ 3
Мокиенко В. М. Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян	№ 3
Орел В. The Five Biblical Scrolls in a Sixteenth-Century Jewish Transtation into Belorussian (Vilnius Codex 262)	№ 2
Полывянный Д. И. Р. Пикио. Православното славянство и старобългарската културна традиция	№ 2
Серапионова Е. П. S. Tejchmanova. Rusko v Československu (Bila emigrace v CSR 1917—1939)	№ 4
Турилов А. А. Л. В. Заборовский. Великое Княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655—1656 гг.)	№ 2
Флоря Б. Н. Н. М. Яковенко. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна)	№ 2

Хевролина В. М. А. А. Улуян. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига, 1877—1878 гг.	№ 4
Хитрова Н. И., Аншаков Ю. П. Црногорска библиографија 1494—1994. Т. IV. Књ. 2. Библиографија о Црној Гори на руском језику 1722—1989	№ 6
Хлебникова В. Б. Т. Перазия, Р. Распопович. Международные договоры Черногории, 1878—1918. Сборник документов с комментариями	№ 1
Чирьева Е. С. Milana Cernelic. Uloge i nazivi odabranih svatova u Bunjevaca	№ 2
Чуркина И. В. Переписка между Яном Бодуэном де Куртенэ (1845—1929) и Ватрославом Облаком (1864—1896)	№ 1
Чуркина И. В. Славянские съезды XIX—XX вв.	№ 5

Научная жизнь

Ананьева П. Е., Цыбенко Е. З. Международная конференция славистов в Люблине	№ 1
Белова О. В. Международный симпозиум «Переход от язычества к христианству у славян (духовная культура, комплексное источниковедение, археология, лингвистика)»	№ 5
Досталя М. Ю. Круглый стол: «Славянский вопрос в общественной и научной жизни народов Европы»	№ 6
Ерещенко М. Заседание двусторонней Комиссии историков России и Румынии	№ 6
Ильина Г. Я. Круглый стол: «Вторая мировая война в художественной литературе Восточной Европы в 60—80 гг.»	№ 6
Институт славяноведения и балканистики РАН в 1994 году	№ 4
Левкиевская Е. Е., Гринцер Н. П. Конференция «Языковая и этнокультурная история Балкан и Восточной Европы» (Балканские чтения-3)	№ 5
Международная конференция «Вторая проза» (Русская проза 20—40-х годов XX века). Москва, 19—22 декабря 1994 года	№ 4
Миллер А. Украинское, польское и еврейское национально-культурные движения в Восточной Галиции в XIX веке: сравнительный анализ (Конференция во Львове, 6—8 октября 1994 г.)	№ 6
Новопашиц Ю. С. Отдел современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения и балканистики РАН перед новыми задачами	№ 6
Носкова А. Ф. Круглый стол: «Славянские народы и вторая мировая война»	№ 6
Носов Б. В. Международная научная конференция «Польша и Европа в XVIII в. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой»	№ 1
Спивак М. Л. Научная программа музея «Мемориальная квартира Андрия Белого» (на Арбате)	№ 4
Шведова Н. В. Литература западных и южных славян во второй мировой войне	№ 6
Шубарич А. П. К 500-летию начала книгопечатания у южных славян	№ 4

Хроника

Ефимова В. С. Конференция по проблеме динамики нормы в истории славянских литературных языков	№ 2
Титова Л. П. Конференция «Миф и культура: человек — не-человек»	№ 2
К 60-летию А. И. Рогова	№ 4
75 лет И. И. Костюшко	№ 1

Мельников Г. П. <u>Йозеф Яначек</u> (1925—1994)	№ 2
Моторный В. А. <u>Константин Константинович Трофимович</u> (1923—1993)	№ 2
Толстой Н. И. <u>М. А. Михайлов</u>	№ 2

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 1993—1995 гг. в Институте славяноведения и балканистики РАН вышли следующие издания:

* Тысячелетие введения христианства на Руси. М., 1993.

* Дополнения к Предварительному списку славяно-рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1993.

* Косиц В. И. Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе, 1886—1894 гг. М., 1993.

* Костюшко И. И. Аграрная реформа 1848 г. в Австрии. М., 1993.

* Шемякин А. Л. Радикальное движение в Сербии. М., 1993.

* Липатов А. В. Литература в кругу шляхетской демократии. М., 1993.

* Литературный авангард. Сб. статей. М., 1993.

* Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист. М., 1993.

Натура и культура. Тезисы конференции. Москва, ноябрь, 1993.

* Исследования по славянской диалектологии 2. М., 1993.

* Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения II. М., 1993.

* Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993.

* МАИРСК-26. Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень.

* МАИРСК-27.

Пленники национальной идеи. М., 1993.

* Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков. Сб. статей. М., 1993.

Европейское социалистическое движение. 1914—1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994.

* Политические партии и движения в Восточной Европе. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994.

Польско-советская война. 1919—1920. Ранее неопубликованные документы и материалы. М., 1994.

Михутина И. В. Польско-советская война, 1919—1920. М., 1994.

* Улуян А. А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877—1878. М., 1994.

Российское византиноведение. Итоги и перспективы. Сб. тезисов конференции. М., 1994.

Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее время. (Тезисы XIII конференции). М., 1994.

* Фрейдзон В. И. Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX—нач. XX в. М., 1994.

* Костюшко И. И. Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму. М., 1994.

* Шушарин В. П. Крестьянская война 1514 года в Венгрии. М., 1994.

* Славянские съезды XIX—XX вв. Сб. статей. М., 1994.

* НКВД и польское подполье. 1944—1945. (по «Особым папкам» И. В. Сталина). М., 1994.

* Национализм и формирование наций. Теории — модели — концепции, М., 1994.

* Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994.

* Семенова Л. Е. Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV — первая половина XVI в.). М., 1994.

* История. Культура. Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному Конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. М., 1994.

* Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М., 1994.

* Специфика литературных отношений. М., 1994.

* Общекарпатский диалектологический атлас. М., 1994. Вып. 2.

Миф и культура. Человек — не-человек. Сб. тезисов конференции. М., 1994.

* Кишкин Л. С. Литература среди искусства и наук. М., 1994.

* Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995.

* Движение Соппротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939—1945. М., 1995.

* Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995.

* Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995.

* Национальный эрос в культуре. Тезисы докладов. М., 1995.

* Никифоров Н. В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.

* Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сб. статей. М., 1995.

* Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Тезисы XIV конференции). М., 1995.

* Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.

У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944—1949 гг. М., 1995.

* Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения и балканистики РАН, комн. 920. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

Национальный вопрос в Восточной Европе — прошлое и настоящее/Отв. редактор М. Д. Ерещенко. М., 1995. 295 С.

Сборник материалов научной конференции, проведенной в 1993 г. в Институте славяноведения и балканистики РАН Отделом истории международных и межнациональных отношений, воссоздает широкую панораму развивавшихся в Восточной Европе этносоциальных и национально-государственных процессов в контексте исторической эволюции XX в. с учетом последствий мировых войн, подвергнувших неоднократно перекройке политические карты данного региона.

В сборник включены 19 авторских работ, которые структурно составляют теоретическую часть исследования и два исторических раздела, последовательно раскрывающих исследуемую тему от межвоенного периода и до начала 90-х годов.

Теоретическое осмысление проблем образования наций и роли национального фактора в Восточной Европе опирается на изучение взаимосвязи этнического, политического, геостратегического, конфессионального и национально-территориального подходов, что позволяет авторам представить многоаспектность сложившейся здесь модели государств с «разделенными нациями», либо государств со значительными национальными меньшинствами.

Одна из центральных проблем второго раздела — это исследование государственной политики в области налаживания отношений между нацией преобладающего большинства и национальными меньшинствами в период становления новых государств в Центральной и Восточной Европе. Выявляется и новый внешний фактор влияния на межнациональные отношения в регионе — это опыт национальной политики в СССР, а применительно к Балканам — особая роль Коминтерна в определении перспектив решения национальных проблем.

Материалы третьего раздела посвящены послевоенному этапу национальной политики в странах, где правящие компартии осуществляли ее, ориентируясь на КПСС в ее попытках сформировать «новую историческую общность — советский народ». Авторы рассматривают некоторые причины, породившие взрывную энергию межнациональных конфликтов, и пытаются осмыслить уроки этого печального опыта на рубеже 80—90-х годов.

В сборнике содержатся материалы по проблемам, совершенно или почти не известным российским читателям: это и вопросы о депортациях и массовых перемещениях населения после первой и второй мировых войн, это и история украинской политической эмиграции, и «македонский вопрос», и национальный фактор в планах революционной экспансии Коминтерна, и «мусульманская проблема» в современной Болгарии...

Исследование базируется на привлечении большого объема разнообразных документальных источников, среди которых впервые вводимые в научный оборот из открывшихся российских и зарубежных архивов, что представляет несомненный интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995. 232 С.

Резкое обострение в наши дни межнациональных противоречий в Центральной Европе, распад Чехословакии, непрекращающиеся венгеро-румынские трения в Трансильвании, не говоря уже о напоминающем самые мрачные страницы средневековой истории кровавом межэтническом конфликте в бывшей Югославии — все это способствует не только усилению интереса к историческому наследию народов, населяющих регион, но и известным проявлениям ностальгии по Австро-Венгерской монархии и ее императору Францу Иосифу Габсбургу, семь десятилетий пребывания которого на венском троне хотя и не развязали многих сложных узлов во взаимоотношениях этносов, составлявших многонациональную дунайскую державу, но все же не были отмечены столь драматическими эксцессами, какие мы наблюдаем сегодня. Даже многие ученые не избегают сейчас соблазна противопоставить современной дезориентированной Центральной Европе монархию Габсбургов в качестве некоей позитивной модели наднациональной организации. Есть ли основания для подобного противопоставления, насколько поучителен для нас сегодня опыт межэтнических отношений в Австро-Венгрии — эти вопросы занимали участников международной конференции, состоявшейся в Москве летом 1993 г. В числе авторов сборника, подготовленного по материалам конференции, специалисты из России, США, Канады, Австрии, Венгрии.

Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939—1945. М., 1995. 552 С.

Данная книга — попытка глубже осмыслить события того периода новейшей истории стран региона, когда решались судьбоносные для них вопросы поражения гитлеровского блока и послевоенного устройства. Из многочисленных аспектов проблемы авторы сосредоточились на изучении внутренних сил движения Сопротивления, хотя по мере необходимости рассматривалась также их связь с эмигрантскими кругами как на Западе, так и в СССР. При этом исследователи стремились освободиться от субъективистских деформаций, которыми была отмечена разработка темы в предшествующие, начиная с 50-х, годы. Основой такого подхода были как вновь обнаруженные архивные материалы, так и новое прочтение ранее опубликованных документов.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Shnirelman V. A.</i> The Nationalistic myth: main features (the example of ethnogenetic versions of East-Slavonic Nations)	3
<i>Sluch S. Z.</i> The German-Soviet relationships in 1918—1941. The Motives and consequences of foreign-politic decisions	14
<i>Yazhborovskaya I. S.</i> Two secret B. Bierut's and V. Gomulka's letters to Moscow (to the history of Soviet-Polish inter-partys relationships in 1944—1948).	24
<i>Edemsky A. B.</i> The Ukraine and the Ukrainiens appraised by the American dyploMACy at the beginning of 50s.	35
<i>Korovitzyna N. N.</i> Two solution of the National question: Chechia-Slovakia befor and after 1989.	46

FROM THE HISTORY OF THE COMINTERNE

<i>Revyakina L. V.</i> Krestintern and the peasant movement in Romania. 1923—1931.	56
--	----

TO THE 50-TH ANNIVERSARY OF INSTITUTE FOR SLAVIC AND BALCANIC STUDIES OF RAS

<i>Kalnyn L. E., Klepikova G. P.</i> To some results and perspectives of Slavic dialectologys researches	66
--	----

REVIEWS AND REVIEW-ARTICLES

<i>Khitrova N. I., Anchakov Yu. P.</i> Црногорска библиографија. 1494—1994. Т. IV. Књ. 2. Библиографија о Црној Гори на руском језику 1722—1989	80
<i>Edemsky A.</i> Cominform. Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949.	81
<i>Darnye V.</i> Ihme-Tuchel B. Das «nordliche Dreieck, der Tschechoslowakei und Polen in der Jahren 1954 bis 1962	83

SCIENTIFIC LIFE

<i>Novopashin Yu. S.</i> Department of Modern history and the social-policy problems of the Central- and South-Eastern European States in the Institute for Slavic and Balcanic Studies of RAS in the face of new tasks	87
<i>Dostal M. Yu.</i> The Round Table: «The Slav Question in the social life and scholarship of European Nations»	93
<i>Noskova A. F.</i> The Round Table: The Slavic Peoples and the Second World War.	94
<i>Shvedova N. V.</i> The Round Table: «The Literature of Western and Southern Slavs in the Second World War»	97
<i>Ilyina G. Ya.</i> The Round Table: «The Second World War in the fiction».	99
<i>Yereshenko M. D.</i> The meeting of double-sided Committee of the Historians of Russia and Romania:	101
<i>Miller A. I.</i> The Ukrainian, Polish and Jewish National-Cultural Movements in the Eastern Galizia in XIX c.: comparative analyse (Conference in Lwow, 6—8 October 1994)	102
<i>Miller A. I.</i> The Peoples, Nations, Identity: the Russian-Ukrainian Contacts (The Workshop in the Columbia-University, New York, 13—15 November 1994)	103
Authors index of the articles published in 1995	105
New Publications of the Institute for Slavic and Balcanic Studies of RAS	109

Технический редактор *В. М. Пахомова*

Сдано в набор 09.08.95	Подписано к печати 09.10.95	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать	Усл. печ. л. 9,1	Уч.-изд. л. 12,2
	Усл. кр.-отт. 7,5 тыс.	Бум. л.3,5
	Тираж 804 экз.	Зак. 3116

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а. Телефон 938-01-20
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

4370 р.
каталожная цена

1950 р.
Индекс 70891

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по сводному Каталогу Федерального управления почтовой связи ("ФУПС"). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АРЗИ".

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить и непосредственно в редакции журнала с любого очередного номера. Это избавит Вас от значительной части расходов: цены редакционной подписки существенно ниже! К тому же вышедший номер Вы сможете получить в редакции сразу после выхода его из печати.

Пользуйтесь предоставленной Вам возможностью льготной подписки!